

ЕВГЕНИЙ
НЕТТ

002

ЛЕКС

ПУТЬ ЭСКАПИЗМА

Евгений Нетт
ЛЕКС. Книга II

«Автор»

2026

Нетт Е.

ЛЕКС. Книга II / Е. Нетт — «Автор», 2026

Первые две недели в новом мире выдались крайне насыщенными, но на этом ничего не закончилось. Экзамен позади, поступление в Первую Академию – гарантировано, да только источников желательного и нежелательного внимания вокруг столько, что до размеренного наслаждения второй молодостью ещё очень далеко...

© Нетт Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Второй виток.	5
Глава 2. Старые-новые связи.	13
Глава 3. Не клинком единым.	22
Глава 4. Первый учебный день.	34
Глава 5. Тени прошлых лет + Интерлюдия 1.	43
Глава 6. Docendo discimus.	51
Глава 7. И наконец-то выход в свет.	58
Глава 8. Краткий миг затишья + Интерлюдия 2.	68
Глава 9. Чистейший образ.	77
Глава 10. Фестиваль уходящего лета. Часть 1.	84
Гл	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Евгений Нетт

ЛЕКС. Книга II

Глава 1. Второй виток.

Сказать, что на улицу все выходили в смешанных чувствах – значит не сказать ничего.

Виктор хоть и шёл лениво, вразвалочку и засунув руки в карманы форменных брюк, но его взгляд непривычно живо скользил из стороны в сторону, словно в поисках чего-то. Лиза едва не пританцовывала на ходу, как будто позабыв о своём не самом лучшем, но всё равно хорошем результате на экзамене. Дмитрий шагал молча – сосредоточенно переваривал всё произошедшее, не забывая поглядывать по сторонам.

Эльза по правую руку, всё ещё держа меня за предплечье – собственнически и так, словно она вконец отчаялась, решив, что ей нечего терять.

– Ле-екс, – протянул Виктор, обернувшись. – Ты хоть представляешь, как твоё выступление смотрелось со стороны? Ты только что устроил «дуэль» с наследным принцем, и он уступил тебе право её закончить...

– Мы закончили её одновременно, – поправил я, не став отрицать очевидного. Любой человек с мозгами понял, что мы просто выбрали изящный и зрелищный способ избежать серьёзных травм до начала непосредственно учёбы. – Академические катализаторы скорее сделают тебя инвалидом, нежели позволят сотворить что-то масштабное.

– А со стороны это выглядело так, будто Его Высочество сдался первым, – хмыкнул блондин. – Так что не прибеждайся тут, все свои.

Эльза фыркнула:

– Пф-ф! Он не прибеждается. Просто не все любят, когда в них тычут пальцами...

– И давно ты стала экспертом по Лазарям? – Лиза ехидно улыбнулась, развернувшись и продолжив идти спиной вперёд.

Рыжеволосая аристократка, между тем, не спасовала. Она горделиво вскинула подбородок, смерив Элизабет неоднозначным взглядом:

– Как будто кто-то из вас тут недостаточно узнал человека, который ото всех скоплений обсуждающих его людей шарахается, как от огня! – произнесла она уверенно и быстро, но не тараторя. – Или ты опять издеваешься, Лиз?

Брюнетка закатила глаза:

– Издеваюсь? Я? Да как ты могла такое подумать?!

– В театр тебе надо было, а не в академию, сестрёнка, – покачал головой Дима. – А вообще, Лекс, выступление было просто невероятным. Уж не знаю, чем тебя в поместье Лазарей кормили, но я хочу рецепт. И номерок твоего наставника заодно...

– Боюсь, Дима, это не системный подход, а удачливое совпадение, – я развёл руками, чуть улыбнувшись. – Ничему секретному меня не обучали. Просто так получилось...

– Случайно получилось выступить на уровне Его Высочества, – Громов хмыкнул. – Так я ему и передам при случае. Ладно, шучу. Но раз уж ты, Лекс, сегодня виновник торжества и второй человек, исключённый из списков из-за своей чрезмерной крутизны, то тебе слово. Куда мы в первую очередь?

Все как-то синхронно обернулись ко мне, и я не выдержал. Обвёл друзей взглядом, таинственно улыбнулся...

– Кто как, а я хочу есть.

Повисла секундная тишина, которую прервал искренний смех Элизабет. Даже Дима позволил себе короткий смешок, прикрыв рот ладонью.

– Вот это приоритеты. Одобряем, – покивал Виктор, смеясь. – После дуэли с наследником престола – пожрать. Простота в гениальности, а гениальность – в простоте...

– Любой подвиг прежде всего требует калорий, – резонно заметил я. – И мне кажется вполне разумным сначала отобедать, пока желающие тупят и переваривают завершение экзаменов, а уже потом развлекаться. Или что от нас тут требуется?..

К этому моменту мы уже вышли на улицу, и на какое-то время разговор затих.

Парк академии за те часы, что мы провели внутри зданий, преобразился. Из ниоткуда выросли сотни фонарей – на первый взгляд обычных, но с явными признаками материализации. Где-то впереди, словно только нас и дожидаясь, грянул оркестр, и торжественная музыка с обилием духовых инструментов тяжёлым покрывалом опустилась на гостей сего мероприятия.

В кучу смешались все – абитуриенты, сотрудники академии и наши будущие преподаватели, приглашённые гости. Даже простолюдины нет-нет, да мелькали в толпе, наслаждаясь праздником жизни, равного которому они не видели никогда.

Особняком держались военные – они контролировали периметр и старались не мозолить глаза, но парадная форма, как и мелькающие вдалеке бойцы в экзоскелетах, больше напоминающих боевых роботов, всё равно бросались в глаза.

Я, углубившись в нестройные ряды празднующих, покрутил головой, ища взглядом Алисию. Безуспешно. В толпе мелькнула Белль Сориар в компании своего отца-графа, ещё с десятка знакомых лиц, но миниатюрной девушки с волосами цвета льна видно не было.

Эльза заметила мой взгляд:

– Если хочешь найти её...

– Не сейчас, – я покачал головой, достав телефон и отправив сообщение с вопросом о том, всё ли в порядке. – Позже. И то, только если будет повод за неё беспокоиться. Я усвоил урок, Эльза. И не устану за него тебя благодарить.

Рыжая аристократка промолчала, но я почувствовал, как её хватка на моём предплечье чуть расслабилась. Опасения девушки были предельно понятны и легко объяснимы: после того, как нас зафиксировали камеры у сцены, её положение резко изменилось, и теперь находилось в, так скажем, подвешенном состоянии.

– Лександр Лазарь, – низкий мужской голос, раздавшийся совсем рядом, заставил меня обернуться.

Сухой, подтянутый мужчина в тёмно-бордовом, с серебром костюме, смотрел на меня самую малость снизу вверх, прищурившись. Его лицо казалось смутно знакомым, но я никак не мог вспомнить, где я его видел.

Эльза успела подсобить прежде, чем я начал гадать вслух:

– Отец, – произнесла она удивлённо, радостно и одновременно смущённо. – Я не ждала вас так рано...

Барон Карл Шталь остановился в паре шагов от нас, окинув взглядом сначала всю компанию, а потом и меня отдельно. Взгляд его не был враждебным, но и дружеским или хоть сколько-то тёплым я его назвать не мог.

«Как-то так смотрят на нового коня перед покупкой, прикидывая его стать и возможные изъяны. М-да» – мысленно посокрушавшись, я неглубоко, в точном соответствии этикету, кивнул.

– Господин Шталь, Эльза рассказывала о вас, – Эльза чувствительно ткнула меня локотком по рёбрам. – Конечно же, только хорошее.

Мужчина хмыкнул:

– Я польщён, – его взгляд сместился на Эльзу. – Дитя моё, твоё выступление было более, чем достойным. Третий этап показал, над чем стоит поработать, но... я горжусь тобой.

– Благодарю, отец, – девушка довольно низко склонила голову, не отпуская мою руку.

Барон вновь посмотрел на меня.

– Господин Лазарь. Я часто слышал о вас. Особенно в последние часы...

– Надеюсь, эти слухи были благожелательными, господин Шталь.

– По-разному, – он усмехнулся недвусмысленно. – Но то, что я своими глазами видел полчасика назад, говорит о вас много больше, чем любые шепотки в кулуарах.

Он выдержал небольшую паузу, которой хватило, чтобы Эльза успела напрячься, словно хищница перед прыжком.

– Так или иначе, господин Лазарь, но я бы хотел переговорить с вами наедине. Это не займёт много времени, – Эльза даже рта открыть не успела, как он поднял ладонь. – Я не съем твоего кавалера, дочь. Обещаю.

– Я и не думала... – начала она, тут же затихнув. Щёки Эльзы заалели, а она сама поспешно отвернулась, пытаясь сделать невозможное – скрыть свою реакцию.

Я же осторожно высвободил свою дважды пострадавшую конечность, кивнув барону.

– Почту за честь пообщаться с вами, господин Шталь...

Ни Виктор, ни остальные в сценку влезать не стали, и спустя полминуты мы с бароном уже отошли в сторону, немного сойдя с тропы и установившись у берёзки, которая, казалось, застала ещё Первую Империю. Растительность естественным образом отделила нас от основной толпы, и даже оркестр здесь слышался приглушённо.

– Не буду ходить вокруг да около, не из таких я людей, – начал мужчина, глядя куда-то в сторону. – Я следил за вашей карьерой, Лазарь. Ещё до того злополучного теракта, многим стоившего жизни. А когда мой взгляд наткнулся на ваше имя наравне с именем моего сына...

– Виктор проявил себя в высшей мере достойно, – я уловил момент, когда собеседник дал мне вставить слово. – Без его помощи я бы там не выжил.

– Я в общих чертах знаю, что там произошло, – кивнул он. – Но речь сейчас не о Викторе, а об Эльзе.

Мы встретились взглядами, и ни через секунду, ни через десять я своего так и не отвёл, продолжая смотреть в светло-серые, цепкие, проницательные глаза приобретшего обширный жизненный опыт человека, которого уже начинало понемногу подводить тело.

– Вы, Лазарь, загадка. Я навёл о вас справки – не считите за оскорбление, то был мой долг как отца. И то, что я узнал, меня несколько озадачило.

Я мог лишь предполагать, что именно Шталь-старший имел в виду. Всё то, что я знал о жизни Лександра до моего появления, рисовало сомнительный портрет редкостного раздолбая. А уж что можно было накопать, имея доступ к архивам и осведомителям...

«Вряд ли что-то хорошее, и благо мне, если Лександр Лазарь не успел опуститься до уровня, когда сделанное уже невозможно исправить».

– Ваше беспокойство мне понятно, господин Шталь, – произнёс я, осторожно подбирая слова. – Моё прошлое известно многим, и в нём нет ничего такого, чем я мог бы гордиться. Но сейчас, смею надеяться, мои поступки говорят сами за себя.

«Я изменился» – хотелось бы сказать, да только это было бы слишком громким заявлением из уст сопляка и вчерашнего повесы.

– То верно, – барон не стал спорить, и в голосе его не прозвучало ни угрозы, ни издёвки. Только и исключительно заинтересованность. – Но я попросил разговора не для того, чтобы обсуждать ваши подвиги или грехи.

Он наконец-то повернулся ко мне всем корпусом, и заговорил тише, так, чтобы даже окажись рядом случайный или неслучайный прохожий – и он бы ничего не услышал:

– Моя дочь умна. Целеустремлённа и талантлива. Но она молода, и склонна... – мужчина на секунду поджал губы, прищурившись. – Склонна увлекаться. И я слишком хорошо знаю, чем подобное чревато.

Я не перебивал и даже не собирался отрицать очевидное. Да, Эльза была «увлечена». И да, я позволял этому увлечению расти, не остановив всё в самом начале, как поступил бы кто-то более благоразумный.

Почему? Однозначного ответа не было и у меня самого.

– Я не хочу, чтобы моя дочь пострадала, Лазарь, – продолжил Карл Шталь серьёзно. – Не хочу, чтобы она стала очередной строчкой в перечне побед молодого аристократа, который попросту не умеет иначе. Дурная репутация, знаете ли, прилипчива. А репутация девушки, которой воспользовались и выбросили, не восстанавливается ничем. Ни деньгами, ни связями.

«Он прямо и в лоб обвинил меня в том, что я собираюсь обесчестить его дочь. Какая ирония, ведь он действительно имеет право так считать. У него были все основания для этого, в то время как у меня из контраргументов наличествовали только слова, да пустые обещания».

– Господин Шталь, – я взял слово спустя несколько секунд, обдумав всё то, что собирался озвучить. – Я могу честно сказать вам, что я не планирую использовать ни доверие Эльзы, ни её чувства. И «использовать» её я не собирался раньше, и не собираюсь сейчас.

Шталь долго рассматривал меня, словно ожидая, когда я, наконец, скажу что-то ещё. Более весомое или, может, что-то, способное подтвердить его опасения. Но я молчал. Терпеливо ждал, к чему придёт этот не в меру прямолинейный человек, когда поймёт, что мне больше добавить нечего.

«И он не может не понять, почему».

Наконец, барон качнул головой:

– В наше время молодёжь, претерпевающую подобные перемены за считанные дни, называли поздними цветами. Долго зреете, зато цветёте всем остальным на зависть, – он сложил руки за спиной, выпрямившись. – Однако, это не означает, что я отзываю свои слова. Если моя дочь пострадает... так или иначе, но из-за вас... Уверяю, вы пожалеете о том, что заполучили род Шталь во враги.

«Просто, прямо и уверенно, никакого пафоса – всего лишь факты. И почему-то я не сомневаюсь в том, что на надцатого сына графа у него ресурсов хватит. Не чтобы убить, а чтобы доставить столько проблем, что сразу неповадно станет».

– Я услышал вас, господин Шталь. И... – я мельком глянул туда, где за растительностью угадывались силуэты моих друзей, начавших смещаться в эту сторону, – благодарю за прямоту. Я тоже не люблю, когда ходят вокруг да около.

Барон хмыкнул:

– Взаимно, Лазарь, взаимно. И ещё одно, – он замялся. – Моя супруга не скоро сможет прибыть в Сант-Море. Но я уверен, что после сегодняшнего дня она захочет с вами познакомиться. И она... полагаю, будет настроена куда более скептически. И характер у неё – не чета моему. Во многих смыслах.

– Эльза упоминала об этом, – я мягко улыбнулся, припомнив, как редко, но метко рыже-волосая аристократка упоминала мать. Не всегда лестно, но каждый раз – с уважением. – Так или иначе, но я подготовлюсь. Благодарю вас, господин Шталь.

– И вам всего наилучшего, Лазарь, – мужчина кивнул, давая понять, что разговор на этой ноте окончен.

А потом мы оставили позади уединённую берёзку, вернувшись на брусчатку.

Эльза, едва нас заведя, мигом вострепнулась. Её взгляд метался между мной и бароном, явно выискивая малейшие признаки того, что разговор закончился не в мою пользу. Но стоило мне кивнуть, как девушка облегчённо выдохнула.

– Всё в порядке? – она шагнула ко мне, как только барон подошёл к Виктору.

– В полном, – я улыбнулся. – Твой отец – достойный человек, Эльза. А ещё он очень за тебя беспокоится. В особенности из-за того, что ты связалась с таким нехорошим мной...

Эльза замерла на секунду, после чего прищурилась, бросив на отца многозначительный взгляд:

– Я знаю, Лекс, – тихо сказала она, выдохнув. – Но судя по тому, что мне не запретили с тобой общаться, вы неплохо поговорили?

– Можно сказать и так, – я поймал её взгляд. – Никакой драмы, Эльза. Всего-то парочкой фраз обменялись...

– Пф-ф, – фыркнула она привычно. – Парочка фраз его бы не удовлетворила. Ты сам видел, в каком... контексте мы попались камерам. Он... наверняка подумал о чём-то не том.

– И тем не менее, итог всех устраивает, разве нет? – я вздел бровь, глядя на девушку сверху вниз. Она весьма забавно задрала голову, чтобы смотреть мне в глаза.

– Эльза, Лекс, если вы закончили свои секретные разговоры, – Виктор вернулся уже без барона. – То я бы предложил всё-таки поесть. Лично я, как главный пострадавший от экзаменов, требую компенсации в виде какого-тонибудь шикарного пирога. С рыбой.

– Присоединяюсь к требованию на правах второй пострадавшей! – вторила ему Лиза, только и дожидавшаяся этого момента.

Так, обмениваясь ничего не значащими фразами, наша компания двинулась вглубь парка – туда, где, согласно указателям, располагались «обеденные зоны».

И несмотря на то, что, формально, добраться до еды можно было за пять минут, на место мы прибыли лишь спустя все двадцать.

Просто потому, что нас то и дело останавливали, поздравляли, расспрашивали, представлялись, предлагали дальнейшее общение, выражали признательность... списки поступивших сформировались окончательно, и теперь все заинтересованные лица торопились заложить фундамент для дальнейшего сотрудничества.

Ведь каждый выпускник Первой Академии впоследствии становился значимой личностью, а такие связи полезно было образовывать как можно раньше.

Обеденные зоны были представлены длинными фуршетными столами, сервированными самыми разными закусками и даже полноценными блюдами, но разбитыми на крошечные порции, которые можно было быстро и мимоходом прикончить, не прослав обжорой.

Между этими столами мелькали как слуги, пополняющие запасы и разносящие различные блюда, так и самые голодные из гостей.

Последних было не очень много, и мы примкнули к их числу, за неспешной беседой начав набивать животы. Тогда же я получил сообщение от Алисии о том, что она в порядке и на виду, что позволило мне выдохнуть – не хотелось бы омрачать день лишними конфликтами.

А спустя полчаса, когда, казалось бы, мы обсудили каждый этап и каждую дуэль, меня снова окликнули.

И ровно теми же самыми словами:

– Лександр Лазарь, – узанный в первые же секунды голос раздался откуда-то слева. Я обернулся, и тут же глубоко кивнул отцу, сумевшему подобраться к нам нами же незамеченным. – Не отвлекаю?

– Отец, – дежурная улыбка заняла своё место на лице. – Ничуть. Мы обсуждали прошедший экзамен, ничего серьёзного.

– Пройдёмся, – мужчина кивнул в сторону. – Ты не против?

Я против не был, и Эльза, прислушивающаяся к разговору, понятиливо кивнула, отпустив, наконец, моё многострадальное предплечье. Спустя секунду она уже демонстративно громко вклинилась в диалог Лизы и Виктора, позволяя мне со спокойной душой двинуться следом за отцом.

«Понимающая и умеющая это понимание обозначить. Проклятье, так, не ровен час, можно вляпаться по самые уши, и уже по-настоящему» – чуть отстранённо отметил я в своих мыслях, пообещав себе разобраться с этим чуть позже.

Аллея, куда мы свернули, находилась не близко – в стороне от места основного действия. Тут было тихо, а высокие и густые кусты позволяли особенно не беспокоиться о приватности. В преддверии сумерек фонари вдоль дорожек, казалось, разгорались всё ярче, отводя внимание от тёмных уголков парка, а запах свежей, влажной хвои пробивался в ноздри с упорством менее приятных ароматов.

А ещё звуки оркестра тут буквально испарились, словно и не было его в академии никогда: раз – и нет их.

– Сегодня ты стоял перед Императором, – спустя время начал Альберт, степенно шагая со сложенными за спиной руками. – Перед всей Империей даже. И, как и вся Империя, я слышал слова Артемиса о том, кем ты теперь являешься, «будущая опора трона»...

«В пафосности Императору не занимать, это безусловно. Но делало ли это меня тем, кого он хотел показать всему миру?».

– Отец, я не думаю, что слова Его Величества вдруг мигом сделали из меня, кхм, пресловутую опору. И будущую тоже. Этого требовал момент и наш с Александром паритет сил, – я демонстративно запнулся на пару секунд. – Но едва ли он всерьёз рассматривает меня на роль «столпа».

– В этом ты ошибаешься, Лександр, – произнёс мужчина наконец. И в голосе его отчётливо промелькнуло раздражение. – Артемис не бросается словами. Если он называл тебя «будущим столпом», значит, он уже видит тебя в своей игре. И это создаёт определённые сложности, сын.

Я чуть нахмурился, замедлив шаг. Граф тоже притормозил. Из-за теней, опустившихся на нас, его лицо выглядело особенно осунувшимся.

– Сложности? – переспросил я.

– Император был... недоволен, – бросил Альберт, тщательно подбирая слова. – Не тобой, нет. Мной. Я, Лександр, отчитывался перед Его Величеством о прогрессе своих сыновей. О вашем прогрессе, – граф снова ускорил шаг, и я поравнялся с ним спустя полсекунды. – Это стандартная практика для домов Первой Сотни. Сюзерен должен знать, как растут его вассалы, чем дышат, и чего от них можно ожидать. Ежегодные доклады, успеваемость, характер, успехи в эрикс-искусствах, перспективы... – он вдруг скривился, как от зубной боли. – Поэтому, когда ты три года назад начал свой путь на дно, я честно сообщал и об этом. О твоих провалах, проступках... об отсутствии перспектив. В последние пару лет доклады эти были особенно однотипными.

Мы остановились напротив небольшого фонтанчика, там, где сходились сразу несколько дорожек и тропинок.

– И теперь вдруг оказалось, что я взял – и выступил на уровне наследного принца, – медленно произнёс я, поняв, к чему клонит отец. – После трёх лет пьянства и увлекательной деградации. Якобы.

– Именно. «Якобы», – граф кивнул. – Артемис сделал мне выговор, посчитав, что я намеренно скрывал от него твой прогресс. Что я готовил тебя как «тайное оружие» то ли для усиления позиций Лазарей, то ли для чего-то ещё. Никто не верит в то, что запойный пьяница и повеса может в одночасье стать тем, кем ты себя показал.

«С одной стороны – проклятье. С другой – я знал, на что иду, и какие вопросы вызову своим поведением. Но лучше уж так, чем прозябать на дне, балансируя на грани между отречением и признанием».

– Что ты ему ответил?..

– Правду, – граф усмехнулся горько. – Что я понятия не имею, почему ты изменился. Что я лично пересматривал записи с камер в твоей комнате и видел, что ты не занимался раньше. Что твоё становление – такая же загадка для меня, как и для всех остальных. И, кажется, мне удалось его убедить. По крайней мере, частично.

– Кажется? – я приподнял бровь, неудовлетворённый этой неопределённостью.

– Артемис не стал облекать своё недовольство в конкретную форму, – Альберт Лазарь плавно остановился, и я – вместе с ним. – Но он отчётливо дал понять, Лександр: за тобой будут присматривать. И тебе не стоит заигрывать с аристократами, которые в последние годы не могут похвастать безусловной лояльностью Трону.

Я выдохнул. Коротко, быстро и довольно.

«Ситуация щекотливая, но не катастрофическая. Предупреждение о том, чтобы «тайный козырь Лазарей» просто не лез в политику не на той стороне – это такая мелочь, право слово».

– Если верить драматичным романам, то сейчас я должен узнать о том, что все мои новообретённые друзья и подруги относятся «не к тому» политическому лагерю, – хмыкнул я, потеряв переносицу. – Это всё, что мне нужно знать?

– А тебе мало? – граф чуть прищурился, пропустив мою попытку разрядить обстановку мимо ушей. – Я провёл этот час, оправдываясь перед Его Величеством за «сокрытие таланта». Доказывая, что не веду двойную игру. И это при том, что я действительно ничего о тебе не знаю, сын.

Я подобрался, готовясь отвечать пространно и одновременно убедительно настолько, насколько это возможно.

– Я и сам до конца не понимаю, – ответил я. – Одним утром я просто проснулся и понял, что не хочу жить так, как жил до этого. Может быть, я действительно достиг дна. А, может, просто испугался. Не знаю, отец. Но в тот момент я сфокусировался на том, что у меня всегда получалось лучше всего – на воображении.

– Всегда получалось? Лександр, – граф качнул головой. – Ты никогда не показывал и половины того, что продемонстрировал сегодня. Да что там половины? Четверти.

– Осознание того, что ещё чуть-чуть – и меня вышвырнут на улицу, отрезвляет. И заставляет задействовать всё, что только есть. Даже если это способность увлечённо придаваться отчаянному эскапизму.

Альберт Лазарь долго и задумчиво смотрел на меня, прежде чем вздохнуть:

– Возможно, тогда мне следовало запустить процессы твоего изгнания ещё пару лет назад. Тогда, глядишь, ты бы раньше взялся за ум...

Я улыбнулся, искренне обрадовавшись этой шутке. Значит, мой ответ зачли.

– Не факт. Всему своё время, отец, – разведя руками, я перевёл взгляд к небу.

Там уже начинали загораться первые, отчётливо видимые звёзды. Очевидный плюс мира, в котором уличное освещение было представлено фонарями с керосиновыми лампами, да редкими фарами экипажей из тех, что подороже.

«Никакого вала паразитного света, лишаящего людей возможности наслаждаться окружающим миром. Такая красота, на самом деле».

– И тем не менее, я рад, что ты добился своего, – продолжил граф. – И горд. Но я советую тебе быть вдвойне осторожным. Ты теперь на виду, Лександр. И твои личные враги, и враги Лазарей будут искать способы до тебя дотянуться. Так же, как и союзники – использовать.

– Шталь? – спросил я прямо.

– Шталь – это мелочь, – отмахнулся граф. – Барон амбициозен, но у него нет ресурсов, чтобы всерьёз нам угрожать. Если ты не опозоришь его дочь, то проблем не будет. Я же говорю о тех, кто уже присматривается к тебе. Не как к человеку, а как к потенциальной пешке в своих политических играх. И Александр – один из них, как бы он ни старался казаться твоим другом.

– Он предлагал мне патронат, это правда. Но мой отказ, скажем так, не повлёк за собой неприятных последствий, – заметил я. – Более того, наш «паритет» на третьем этапе говорит о его искренности. Ему не нужны послушные куклы в окружении, отец. Он ищет если не друзей, то хотя бы верных товарищей.

- Тем опаснее, – граф хмыкнул. – Искренность обезоруживает, Лександр. Запомни это.
- Запомню, отец, – не стал спорить я.

Мы постояли ещё немного у фонтана, разбавляющего тишину умиротворяющим плеском воды. Граф нарушил молчание первым:

– Ладно. Мне пора, сын мой. Совет Первой Сотни заседает уже через два часа, а я должен успеть переговорить с Генрихом Сориаром до этого. А ты... возвращайся к своим друзьям. И к той рыжеволосой юной леди, смотревшей на меня так, словно я тебя уводил для показательной казни, и не менее того.

– Эльза – достойная девушка, – произнёс я, уловив в голосе отца толику пренебрежения.

«Как же, дочь «какого-то там барона», которого даже в расчёт можно не брать, если не доводить до скандалов».

– Да, – неожиданно быстро согласился Альберт. – Но я не буду как-либо это комментировать сверх того, что уже говорил тебе ранее.

Он положил руку мне на плечо.

– Ты вернул себе честь, Лександр. Не растеряй её снова.

Сразу после этого граф развернулся и зашагал прочь по аллее, вскоре скрывшись за поворотом. А я, переварив всё сказанное и нагло умывшись в фонтане, – для бодрости, – двинулся обратно, к друзьям.

Да, уже настал вечер. Но сегодня такой день, что даже уже-почти-студентам можно задержаться вне постелей до самой ночи.

И я собирался как следует этим днём насладиться.

Глава 2. Старые-новые связи.

Я заметил в толпе остальных, когда последние аккорды торжественного марша стихли, уступив место более спокойной и размеренной музыке.

Наша компания обосновалась у одного из высоких столиков – Виктор невозмутимо уплетал пирог с рыбой, Дмитрий о чём-то переговаривался с сестрой, а Эльза терпеливо ждала, попивая пунш и глядя на всех мимо проходящих парней с таким видом, словно каждого к ней приблизившегося сразу же поразит молния.

И я уже намерился вернуться к своим, когда периферийное зрение услужливо подсказало, что справа происходит что-то из ряда вон.

Я обернулся, мазнув взглядом по группе гвардейцев, сопровождающих знакомую высокую фигуру, резко сменившую курс и направившуюся прямо ко мне.

Александр Затворницкий двигался сквозь расступающуюся толпу с непринуждённой грацией человека, обладающего, казалось, отрицательной гравитацией: люди сами расступались перед ним, порой даже этого не осознавая и вообще стоя спиной.

Ну а в руках принц держал два бокала с искрящимся золотистым напитком, что не оставляло ни малейших сомнений в его намерении связать меня беседой.

«Традиционный для местных приём обозначить желание поговорить полноценно, а не переброситься парой-тройкой слов» – подчеркнул я мысленно, заранее улыбнувшись Его Высочеству.

– Лександр, – принц остановился в двух шагах, обезоруживающе улыбнувшись. – Надеюсь, граф Лазарь не слишком тебя утомил? А то у тебя был такой вид, будто решалась судьба вселенной, не иначе.

– Всего лишь судьба Первой Империи, – я принял бокал из его рук, тоном дав понять, что это шутка. – Ничего серьёзного.

Александр тихо рассмеялся и сделал шаг в сторону, обозначив направление. И снова – фонтан, коих в парке было в изобилии.

Любили аристократы такие конструкции, ой, любили...

– Пройдёмся? Я не отвлеку тебя надолго, буквально несколько минут.

Я бросил короткий взгляд на Эльзу, которая заметила это и демонстративно отвернулась, всем своим видом демонстрируя, что занята исключительно беседой с Элизабет и Виктором.

Чуть кивнув девушке, которая этого даже и не видела, я двинулся следом за Его Высочеством, в мыслях уже прорабатывая возможные ответы на потенциально угрожающие мне вопросы.

На этот раз фонтан, к которому мы приблизились, представлял из себя массивную, многоярусную конструкцию из почти чёрного камня с белыми прожилками. На блоках через один красовался вытесанный с поразительной точностью, – эрикс-искусства? – герб академии, в свете фонарей и отсутствии светила на небе приобретший какие-то новые черты.

Вода тут струилась по ярусам, окутывая журчанием каждого, кто подошёл достаточно близко, а своды фонтана надёжно защищали от ливни доли любопытных глаз.

– Знаешь, Лександр, отец был очень впечатлён, – произнёс наконец принц, без затей усевшись на бортик фонтана и развернувшись боком. Взглядом пригласив меня сесть рядом, он наклонился и заглянул в тёмную, дрожащую гладь. – И я, стоит сказать, впечатлился не меньше. Ты задал очень высокую планку, к которой я не был готов. Теперь вон, – он качнул правой рукой, где под рукавом угадывалась повязка, – расплачиваюсь. Знал бы я, как далеко мы найдём в этом соревновании...

Я опустился на бортик в полтора метра. Ещё раз окинул взглядом расслабленную и намеренно презиращую этикет позу принца – и вытянул ноги, подавшись спиной назад, к воде.

– Планку задали вы, Ваше Высочество. Мне лишь пришлось соответствовать. И это оказалось непросто, честно говоря.

Александр повернул голову, окинув меня долгим, изучающим взглядом искренне заинтересованного в чём-то или ком-то новом человека. Сосредоточенно, внимательно, и при том вежливо – обычно невозможная комбинация.

– Саша, – сказал он спустя пять секунд. – Для друзей я Саша. Или Александр, если тебе так удобнее. После всего, я полагаю, чрезмерную вежливость в общении припишут конфликту между нами двумя, а то и между родами. А оно никому не надо, верно?

– Верно, – я сразу же, без задержек, кивнул. Хотел сказать, что в противном случае меня могут приписать и к его лагерю, но загодя одёрнул себя – такие вещи в аристократическом обществе давно научились подавать, как надо.

«Во избежание путаницы. Потому что иначе всё это превратилось бы в один большой бордель».

– Я буду называть тебя по имени, Александр, – произнёс я спустя пару секунд. – Но не Сашей, уж извини. Иначе мне что-нибудь Виктория оттяпает в ночи, взобравшись в мою комнату по внешней стене общежития.

Принц тихо рассмеялся:

– Ох, ну прости её за эту реакцию. Просто она давным-давно сочла меня совершенно непогрешимым, встречая только подтверждения этого. А твоё появление спутало Виктории все планы. Настолько, что она до сих пор от меня бежит так, словно провинилась в чём-то, – Александр тяжело выдохнул, качнув головой. – С ней всё сложно, но я бы не хотел, чтобы ты видел в ней врага. По крайней мере, пока она не решит переступить грань дозволенного...

Я улыбнулся, хмыкнув:

– Я и не рассматривал её в таком ключе. И не потому, что она твоя кузина, Александр. Просто я не воюю со влюблёнными девушками, – парень чуть дёрнулся, когда я это озвучил. – Тем более, что пока она ничего такого и не сделала.

Прежде чем ответить, Александр несколько секунд помолчал, растирая между пальцев уже пустившую сок травинку. Он сидел, поджав губы, и напряжённо размышлял...

Впрочем, размышления эти едва ли касались нашей с ним беседы.

– Ладно, Лександр, – принц поднялся с бортика, хлопнув ладонями по коленям. – Я и так отнял у тебя достаточно времени. И, надеюсь, ты меня простишь, если я вместо пространной беседы просто поблагодарю тебя за хорошее состязание, и выскажу надежду на доброе соперничество и впредь. Но историю всё-таки подтяни. А то, знаешь ли, тот, кто не знает своего прошлого, не имеет и будущего.

Александр подмигнул мне и поправил очки:

– Ну а сейчас пора расходиться. Потому что если я не отпущу тебя в ближайшие минуты, то та рыжеволосая леди из рода Шталь, боюсь, сама к нам подойдёт и потребует тебя обратно.

Я хмыкнул.

– Она может. Хорошего вечера, Александр, – попрощался я, пожав протянутую руку.

– И тебе, Лекс.

Когда Его Высочество скрылся среди гостей этого праздника, я уже выдохнул, но явно с этим поторопился. И десяти шагов сделано не было, как рядом со мной материализовалась новая фигура. На этот раз – женская, высокая и стройная, облачённая в тёмно-зелёное, со змеиными нотками платье.

«Мариэлла, дочь герцога Озмунда. Та самая, которую «очаровал» Виктор ради информации о третьем этапе... и почему-то она не выглядит сильно довольной. Проклятье» – подумал я об одном, а вслух сказал совсем иное.

– Чем могу? – искренности моей улыбки могли бы позавидовать лучшие лицедеи мира.

Она окинула меня равнодушно-раздражённым взглядом и прищурилась:

– Господин Лазар-рь, – произнесла она с лёгким акцентом. – Прошу прощен`я за беспокойство. Вы не видели Вик`тора Шталя?

– Буквально несколько минут назад он был в той стороне, вместе со всеми, леди Мариэлла, – я вежливо склонил голову. – Но сейчас, судя по всему, решил ненадолго отлучиться...

– Ц. Отлучиться, – недовольно и скептически вторила мне она. – Как удобно...

– Он вас чем-то обидел? – поинтересовался я, отметив, что очень уж искренним было недовольство девушки.

Чем-то она сейчас напоминала Эльзу ещё до того, как та начала оттаивать. Или всё ту же Эльзу, но уже вынужденную говорить больше двух слов кому-то незнакомому.

– Обидел? Нет, что вы, – девушка уверенно качнула головой. – Просто господин Шталь был так любезен накануне, а сегодня... – она демонстративно обвела взглядом пространство вокруг, – он, кажется, решил, что наша беседа была единоразовым мероприятием. И меня это несколько... задевает.

Ответить я не успел: сбоку уже нарисовалась Лиза, первой заметившая, что меня перехватили в самом начале пути.

– О, так вы, должно быть, та самая прекрасная незнакомка, о которой Виктор столь тепло отзывался? – брюнетка улыбнулась, и в улыбке этой промелькнуло что-то такое, чисто женское, зловещее и не сулящее получателю улыбки ничего хорошего. – Вижу, у него на то были веские основания... Элизабет Громова.

– Мариэлла Озмунд, – рефлексивно представилась блондинка. – И где же, леди Элизабет, этот... скорый на комплименты господин?

– Он говорил что-то про пироги с рыбой, – Лиза с неизменной улыбкой пожалала плечами. – Должно быть, его сковало отсутствие на столах приличной посуды. Советую поискать его там, пока совсем не стемнело.

Герцогская дочь смерила Лизу долгим, тяжёлым взглядом. И вдруг улыбнулась – почти искренне, но так, чтобы искусственность улавливалась сходу:

– Что ж. Передайте господину Шталю, что я его искала, – она перевела взгляд на меня. – И что я не люблю, когда меня избегают. Всего хорошего.

Она мягко развернулась на каблучках, и быстро растворилась в толпе.

Я же перевёл взгляд на Лизу:

– «Сковало отсутствие на столах приличной посуды»?

– А что? – она вздёрнула подбородок. – Пусть ищет там, где его нет. И, главное, это реалистично звучит. Вик всегда предпочитает тарелки пошире и еды побольше, а местные канаве для него – чистое издевательство.

– Благородно и честно, – кивнул я, принимая нежелание Лизы натравливать на Виктора разъярённую аристократку в этот радостный вечер. – Ладно, пойдём уже. А то Эльза наверняка уверилась в том, что меня похитили.

– Как будто это не так, – Громова усмехнулась. – У тебя что ни пять минут, то кто-то новый на горизонте. Барон, граф, принц... дальше только Его Величество. Что остаётся бедной дочери барона? Только ждать...

Я вздохнул и демонстративно развёл руками, по-быстрому проверив завибрировавший телефон.

Ещё одно сообщение от Алисии сопровождалось парой фотографий, на которых блондинка выглядела... довольной, если так посмотреть. С ней была пара девушек-простолюдинок из поступивших, таких же радостных и веселящихся.

А подпись гласила, что «она, кажется, обзавелась подругами, и больше не одна».

«Значит, Белль она за компанию и не считала. Логично. И очень хорошо, что её приняли «свои». Это снимает часть беспокойств».

Я отправил ей ответ с поздравлениями, сунул телефон обратно в карман, выдохнул и двинулся следом за Лизой.

Мне было неприятно оставлять блондинку за бортом своей жизни, но и переть против обстоятельств я не мог. А если посмотреть на то, кто был мне больше симпатичен...

«Тут всё традиционно сложно. М-да. Главное – не переступить черту слишком рано. Спешить некуда, а гормоны можно пустить и на что-нибудь полезное. Больше бегать, что ли? Или в какой-нибудь фехтовальный клуб при академии записаться, начать перекраивать рефлекс тела под любимую тяжёлую рапиру?»...

Едва завидев сначала Лизу, а потом и меня, Эльза демонстративно развернулась, сложила руки под грудью и прищурилась:

– Я уже начала думать, что Его Высочество решил рекрутировать тебя в личную гвардию прямо сейчас, безо всякой учёбы. Или что та напыщенная девица оказалась настойчивее, чем можно было предположить...

– Всего лишь светская беседа, – я улыбнулся, встав рядом. Лиза уже сместилась к Виктору, нарисовавшемуся с целым подносом еды. – Александр поблагодарил за соревнование и выразил надежду на то, что дальше будет только лучше. А Мариэлла искала Виктора, но Лиза направила её по ложному следу...

– Пф-ф, – Эльза фыркнула. – Словно тут можно где-то заплутать. Если игнорировать желающих побеседовать с тобой, то из края в край можно за пять минут дважды пройти.

– Если игнорировать, – я кивнул. – Но герцогская дочь лишена такой возможности, знаешь ли. Я бы поставил на то, что её за время поисков на полчаса отвлекут. Как минимум...

Эльза тихо рассмеялась, прикрыв рот ладошкой, и перевела взгляд куда-то в сторону, мне за плечо. Её лицо вдруг стало серьёзным, а потом она мягко коснулась моего локтя, заставив развернуться:

– Лекс, – бросила она на выдохе. – Там, у во-он того фонтана с каменными чашами... Алисия. Видишь?

Я проследил за её взглядом. И действительно: блондинка сидела на невысоком парапете в компании двух девушек с фото. Все – в форме академии, пока что без знаков различия. Они втроём оживлённо болтали и смеялись, рассматривая что-то на экране коммуникатора.

И Алисия выглядела... счастливой. Расслабленной, непринуждённой, без малейшего отголоска того напряжения, которое преследовало её с момента прибытия в академию...

«Нет. Раньше. С того момента, когда она поняла, что ждать ей некого, и Лександр Лазарь не станет просто Лександром» – поджал губы я, выдохнув носом.

– Ты должен с ней поговорить, – вдруг продолжила Эльза, заставив меня перевести на неё удивлённый взгляд. Рыжеволосая аристократка смотрела на меня абсолютно серьёзно, без ревности или вызова. – Сегодня праздник, правила приличия смягчены. Никто и внимания не обратит, если ты подойдёшь и поздравишь её с поступлением. Это будет... правильно, наверное.

Я несколько секунд просто стоял, смотрел на Эльзу и молчал, переваривая только что услышанное.

Первой мыслью было то, что Шталь кто-то подменил, потому что не далее как неделю назад она цеплялась к Алисии при каждом удобном случае, произносила её имя не иначе как с

фирменным фырком, а от расправы её удерживало разве что моё потенциальное недовольство, да нежелание пачкаться об простолудинку.

– Ты серьёзно сейчас? – я задал вопрос, не сводя с девушки глаз.

– Пф-ф, – фырк. – Я никогда не говорю в том, в чём не уверена, Лекс. Иди уже. А я подожду здесь. Но недолго. У меня тоже есть планы на этот вечер, знаешь ли...

Я бросил взгляд на Алисию, на её новых подруг и на то, как она, запрокинув голову, смеялась над какой-то шуткой, отпив из хрустального бокала. Она не искала меня в толпе, не сидела в одиночестве, не тосковала и не пыталась зарыться в книгах, лишь бы быть подальше от своих мыслей.

«Нет. Не сейчас уж точно».

– Пусть веселятся, – я повернулся к Эльзе. – Я ей только настроение испорчу своим появлением.

Бровь рыжеволосой красавицы поползла вверх, но она всё так же молчала, давая мне продолжить. Я вздохнул, – не хотелось вообще поднимать эту тему, – но нашёл в своей пустой голове охапку подходящих слов.

– Ты знаешь, что Алисия очень помогла мне в прошлом, Эльза. Она оставалась рядом даже тогда, когда меня должны были со дна на день выбросить на улицу, – я поморщился, вспоминая те нервные деньки. – И я не намерен об этом забывать. Это было бы просто по-свински.

Эльза кивнула, но перебивать не стала – только чуть сильнее сжала пальцы на моём локте.

– Но пойми меня правильно, – я продолжил. – Между мной и ей нет того, чего ты, возможно, опасалась или опасаясь. По крайней мере, с моей стороны. Я хочу, чтобы она встала на ноги, обрела самостоятельность и нашла свой путь. Не как чей-то должник, «протеже» или любовница, а как личность. И сейчас, кажется, – я кивнул в сторону фонтана, – она успешно движется в этом направлении. Без меня.

– Ты рассуждаешь как архитектор судеб, а не юноша на два месяца старше, Лекс, – произнесла Эльза наконец размеренно и неспешно, взвешивая каждое слово. – Это пугает и интригует одновременно. С кем ты пил в своём поместье? С философами?

– Кто знает? – я пожал плечами, улыбнувшись. – Долго мою компанию терпеть не мог никто, так что на вакантное место мог попасть кто угодно. Но комплимент принят, спасибо...

– Пф-ф. Это был не комплимент, дурак, – фыркнула Эльза, резко потянув меня за руку, в сторону центральной площади. – Но твоя самоуверенность – это диагноз. Ты ведь искренне считаешь, что знаешь, как ей лучше, да? Может, и как мне лучше догадываешься тоже?

– Я буду говорить только в присутствии своего адвоката, – я широко улыбнулся, двинувшись следом так, чтобы Эльзе не пришлось меня тащить. – Куда это мы?..

– Ты обещал мне танец, Лександр Лазарь. И я намерена получить его до того, как по твою душу придёт кто-нибудь ещё, – уверенно заявила она, не сбавляя ходу.

Мы двигались в противоход потоку людей – абитуриентам, их родителям, преподавателям и военным, патрулирующим даже тут, в самом сердце праздника. Кто-то поздравлял нас, кто-то просто изучал взглядами, кто-то косился неприязненно. Операторов не было – их давно разогнали во избежание, но Эльза, казалось, не стала бы прятаться, даже подвесь кто-то объектив в метре от нас.

Она держалась с завидным достоинством и так, словно её место рядом со мной было чем-то само собой разумеющимся.

Как только мы ступили на круглый танцпол, в который превратили центральную площадку парка, оркестр, занявший помост чуть поодаль, как раз заканчивал очередную композицию – какой-то марш, звучный и ритмичный.

Танцевать под это могли разве что военные, построившись в коробочки, но публике, казалось, достаточно было и этого – кое-кто даже аплодировал музыкантам.

Но как только аплодисменты стихли, в парке заиграл медленный, тягуче-расплывчатый и как будто бы клубящийся над головами людей вальс. Вернее, его вступление – краткие минуты для решения всех формальностей.

Эльза остановилась у края площадки, плавно повернувшись ко мне. В свете фонарей её волосы отливали чем-то пламенно-золотым, а глаза блестели опасной решимостью.

Она протянула мне руку первой:

– Ну что, Лекс, теперь-то мы можем потанцевать так, чтобы тебя никто никуда не утащил?

Я мягко перехватил её ладонь, почувствовав, как тонкие пальцы уверенно и без колебаний сомкнулись на моих. Вторая рука легла на талию девушки – так, едва касаясь. Эльза в ответ на это резко выпрямилась и сделала полшага вперёд, сократив дистанцию до минимально допустимой.

– Ты боишься меня сломать, Лекс? – бросила она с вызовом, когда мы только-только влились в общий, кружащийся по часовой стрелке поток. – Я, может, и невысокая, но не фарфоровая же кукла. Крепче держи!

Последнюю фразу она произнесла негромко и так, чтобы её точно нельзя было разобрать со стороны.

– Я всего лишь блюду правила приличия, – ответил я, осторожно притянув её ближе.

Я сделал это так, чтобы она почувствовала, кто ведёт танец. Сработало: Эльза удовлетворённо фыркнула, – да, даже так бывает, – и следующие несколько тактов мы протанцевали молча.

Сначала привыкали к темпу друг друга, но вскоре начали просто наслаждаться танцем и тем, что наконец-то никто не пытался нас отвлечь.

– Знаешь, Лекс, – подала голос Эльза, когда мелодия перешла в стадию угасания, а вальс замедлился. – Я ведь видела.

– Что именно? – я с неиллюзорным интересом вздел бровь.

– Тот ледяной лотос. В финале, – она чуть отстранилась, чтобы заглянуть мне в глаза. Её щёки пылали румянцем, но взгляд оставался всё таким же прямым и требовательным. – Ты воссоздал его точь-в-точь, как мой, незаконченный.

– Мне понравился этот образ, – улыбнулся я. – И он идеально вписался в композицию.

– Пф-ф! – Эльза фыркнула. – В композицию вписалось бы что угодно, созданное с таким мастерством. Не обязательно цветок. Но ты выбрал именно мой. Неужели думал, что я не узнаю собственное творение?

– Скорее наоборот, – я пожал плечами. – Я знал, что ты заметишь. И хотел, чтобы твоя работа полноценно засияла на глазах у сотен тысяч. Обидно, знаешь ли, когда что-то красивое рассыпается только потому, что суть задания не та.

Я подался вперёд, к её шее, и перешёл на шёпот:

– Не хочу голословно обвинять судей и жюри, но как по мне, так очевидно то, что каждое задание подбиралось индивидуально под участников. И вас с Виктором просто отсеяли, – я вновь выпрямился, нацепив на лицо самую что ни на есть непринуждённую улыбку.

– Очевидно? – Эльза прищурилась. – Думаешь, кому-то было выгодно убрать меня и Виктора? Уж извини, но мы – не настолько важные фигуры, Лекс.

– Вопрос не в важности, а в том, как поднять повыше тех, кто «обязан воссиять», – хмыкнул я, закружив девушку перед тем, как войти в поворот среди множества таких же пар. – Баллы за первые два этапа говорят сами за себя. Вы – одни из лучших.

– Мы и во время третьего этапа не сразу проиграли, – пожала плечами она, подавшись вперёд. – Но давай не об этом, ладно? Ты необычно танцуешь. Никогда не видела такого стиля, даже сложно было приспособиться...

«А ведь я попытался адаптировать знакомые мне движения к местной школе. Но получилось как получилось, видимо».

– Это называется стилем недоученного оболтуса, Эльза, – мы вновь закружились, но уже замерев на месте. – Могу научить, если хочешь.

– Вот уж чего не надо, – между тем, девушка улыбнулась и скромно отвела взгляд в сторону.

А вальс между тем окончательно стих, и мы, как и многие другие пары, остановились, задержавшись в объятиях друг друга на мгновение дольше положенного.

– Смотри, – Эльза, чуть отпрянув, кивнула в сторону, и я проследил за её взглядом.

У дальнего края площадки, там, где танцпол граничил с рядом увитых декоративным плющом арок, обнаружили Александр вместе с Викторией. Принц держал кузину за руку и что-то ей говорил – из-за расстояния деталей было не разобрать, да я и не горел желанием лезть в чужую жизнь.

Но когда оркестр затянул новую мелодию, Затворницкие органично влились в поток танцующих, растворившись среди них.

– Она влюблена в него по уши, и он это знает, – покачала головой Эльза, взяв меня за руку и потянув на край танцпола.

– Но не понимает, что с этим делать, – вторил ей я. – Впрочем, это не наше дело, Эльза...

– Тебе совсем не интересно? – рыжеволосая аристократка вскинула бровь.

– Просто стараюсь поступать с другими так, как хотел бы, чтобы поступали со мной, – я перехватил инициативу, и увлёк девушку к столику с напитками. Несколько секунд – и в её руку переключал широкий бокал, из которого торчала короткая трубочка. – И это включает «не подглядывать за чем-то щепетильным».

– Ну-ну, – Эльза усмехнулась беззлобно. – А щепетильное в твоём понимании – это их родство?

– В основном, – подтвердил я. – Полагаю, Его Высочеству и так непросто, чтобы «в нагрузку» докинуть ещё и нашего пристального внимания. Вон, лучше делами друзей поинтересоваться.

Я кивнул в сторону, туда, где на периферии стояли и беседовали Дмитрий и Белль.

Последняя оживлённо жестикулировала, нервно качала головой из стороны в сторону и вообще всячески демонстрировала те черты, которые доселе предпочитала скрывать. Громов в основном слушал с тем лёгким прищуром, которым он достаивал лишь тех, кого считал достойным трат времени.

А таких людей я за эти дни встречал не так уж и много. По сути, дело ограничивалось нашей компанией, да несколькими абитуриентами из военного круга.

– Неожиданно, да? Белль Сориар и наш доблестный вояка. Кто бы мог подумать...

– Есть немного, – согласился я. Предпосылок для того, что мы сейчас имели честь наблюдать, ранее просто не было. Или у этой парочки со способностью шифроваться было в ажуре. – А, может, они просто зацепились языками по случаю. Кто знает?..

Белль в этот момент звонко рассмеялась какой-то шутке Громова, который в ответ непривычно широко улыбнулся. А спустя несколько секунд и они закружились в танце, двигаясь в манере, мне совершенно незнакомой.

Очевидно было, что на парочке изученных мною по касательной вальсов репертуар танцев аристократии Первой Империи не ограничивался.

– перевела дух? – Эльза посмотрела на меня с лёгким недоумением. – Как насчёт второго раунда?

– Вообще-то, два танца подряд с одним кавалером – это... – начала было она, но, глядя на моё непробиваемое лицо, сбилась с мысли. – Ладно. Плевать. Веди!

Я подхватил ладошку девушки, и мы снова влились в поток танцующих.

Нынешняя мелодия была живее и звонче, так что и двигались мы активнее. Эльза танцевала уверенно, и о её смущении говорил лишь алеющий в полумраке румянец. Я же импро-

визировал, стараясь подстроиться под её темп, и заимствовал элементы из движений окружающих нас людей – благо, для меня это было несложно.

– Кстати, о друзьях, – вдруг улыбнулась Эльза, подавшись ближе. – Посмотри налево.

Едва я обернулся, как моя партнёрша резко подалась вперёд, заставив меня подобраться. И по Лизе, кружащейся с Виктором в каком-то выбивающемся из ритма подобии танца, я едва взглядом мазнул, тут же повернувшись к Эльзе.

– Эльза?

– Людей вокруг многовато, – с хитрой улыбкой произнесла она, глядя на меня снизу вверх. – То и дело кто-то пытается наступить на пятку...

– Звучит совершенно нереалистично, – хмыкнул я, подтягивая девушку к себе ещё ближе.

Теперь уже наш танец нельзя было назвать вписывающимся в широкие рамки вежливой любезности, потому что Эльза в такт шагам жалась ко мне так плотно, что я даже биение её сердца ощущал, не говоря уже обо всём остальном.

– Пф-ф. Как будто ты против, – она мотнула головой, стрельнув взглядом в сторону Виктора и Лизы. – Как тебе?

– Видно, он всё-таки подобрал нужные слова. Хотя лично я был уверен, что он скорее получит по лицу, нежели сблизится с Лизой...

– Когда хочет, Вик может очаровать любую, – Эльза вновь вперила взгляд в моё лицо. – У него природный дар. И он ничуть не стесняется им пользоваться, как видишь...

– Надеюсь, что в этот раз – без корысти, – заметил я, проворачивая нас в стремительном пируэте. – Не устала?

– Нет, – отрезала аристократка. – Не устала. А если Виктор её обидит – я найду способ его наказать. Лиза не заслужила того, чтобы с ней играли. Даже мои кузены.

Мы продолжили танец, уделяя внимание не разговорам, а движениям и друг другу. Неспроста считается, что лучшие способы познать кого-либо – это танец и бой насмерть.

Сражаться с девушками я по понятным причинам желанием не горел, так что оставалось лишь танцевать.

«И видит небо, не зря я пропускал такие мероприятия в училище. Будь иначе, и до своего уровня я бы просто не дорос, застряв в вещах менее важных, но более приятных» – пробежала по периферии сознания неприятная мыслишка, попытавшаяся испортить атмосферу праздника.

Но я отмёл эту мелочь в сторону, аргументировав перед собой тем, что одну жизнь я уже посвятил магии и сожалениям об упущенных возможностях.

«Шагать по тем же граблям во второй раз? Ещё чего».

– Не думаю, что до этого дойдёт.

Виктор с Лизой сделали ещё один круг и затерялись среди других пар. Мелодия сменилась другой, а та – следующей. Мы раз за разом выходили в круг, наплевав на условности. Многие поступали так же, потому как я лично нет-нет, да замечал одни и те же пары даже спустя полчаса и час.

Эта непрекращающаяся спираль движения и музыки разорвалась, когда Эльза в перерыве зевнула – едва заметно, прикрыв рот ладошкой. И тут же виновато покосилась на меня, словно её застали за попыткой сделать кому-то пакость.

– Устала?

– Есть немного, – призналась она после небольшой задержки. – Но я не жалуюсь, знаешь ли. Когда ещё выдастся шанс потанцевать вот так, без оглядки на все эти нудные правила приличия?

Я хмыкнул:

– Выжимать из себя все силы тоже не вариант, Эльза, – я демонстративно поднял руку, бросив взгляд на дисплей браслета. Двадцать три часа, сорок девять минут. – Пожалуй, нам действительно пора закругляться. Праздник праздником, но завтра наверняка будут какие-нибудь организационные мероприятия. И лучше встретить их более-менее выспавшимися.

Эльза помедлила ровно секунду.

– Согласна. Проводишь? – она вновь протянула мне ладошку.

– А разве может быть иначе?

В течение пары минут мы уже покинули танцпол, оставив позади гул голосов, залиvistый смех и переливы причудливых мелодий. Парк к этому моменту уже выглядел почти опустевшим, и только неизменное присутствие военных напоминало о том, как тут всё было ещё пару часов назад.

– Знаешь, Лекс, если бы мы освободились чуть раньше, я бы потребовала сводить меня куда-нибудь туда, – буркнула девушка, проводив взглядом какую-то обжимающуюся парочку, стремящуюся забиться в самый тёмный угол парка.

– Это было бы оскорблением для тебя, – я качнул головой. – И ты бы наверняка пожалела следующим днём.

– Дурак, – веско, но коротко выдохнула Эльза, зардевшись и отвернувшись. – Я вообще не об этом! Среди толпы ведь поговорить толком нельзя – а вдруг кто-то что-то услышит? А там никого...

– Кроме пары сотен военных, у которых наверняка есть и что-то для прослушивания окружающих шумов, – улыбнулся я её наивности. – Поверь, поговорить мы сможем в любой день. А то и потанцевать. Никто не запрещает как-нибудь оккупировать пустую аудиторию.

– Пф-ф. И это будет вызов обществу похлеще того, что ты весь вечер шугал от меня всех парней, – Эльза фыркнула, остановившись у дверей западного крыла. Женское общежитие располагалось здесь же, и традиция оказываться тут в подобных обстоятельствах меня вполне себе устраивала. – Спасибо за танец. И за лотос тоже.

– Тебе спасибо, – я неглубоко кивнул. – О лучшей партнёрше я не мог и мечтать. Спокойной ночи, Эльза.

– Спокойной ночи, Лекс.

Она скрылась за массивной дверью, подтолкнув ту воспарившим в воздухе кубиком металла. Я взглянул на это не без удивления, а когда дверь хлопнула – громко выдохнул.

«Она взяла этот метод на вооружение, или всегда так тренировалась? Не припомню тут никого, кто бы постоянно поддерживал активной материализацию» – подумалось мне прежде, чем я развернулся и медленно зашагал к восточному крылу.

Следовало всё хорошенько обдумать по пути, завалиться в свою комнату и хорошенько, насколько поможет график, выспаться.

Глава 3. Не клинком единым.

Первое августа.

На следующий день я проснулся не по своей воле: меня разбудил низкий, ритмичный гул, прокатывающийся по стенам, отдающийся в висках, и исходящий сразу отовсюду.

Поначалу я даже не понял, что это, перебирая в уме множество вариантов вплоть до очередного теракта. Но прошло несколько секунд, сознание прояснилось, и в голове наконец-то оформилось понимание.

«Вентиляция выходит на полную мощность, как предупреждал комендант вчера. Если бы я всерьёз его воспринял, было бы вообще замечательно. Но кто мог подумать, что в этом мире процесс может быть настолько шумным?».

Впрочем, всё тот же комендант говорил, что это ненадолго – якобы, шум обеспечивал лишь первичный пуск. И мне страшно было представить, какой франкенштейн скрывался в потолках общежития, чтобы так вибрировать, но сейчас с этим оставалось лишь смириться.

«Очередной минус цивилизации, которая предпочла направить все силы для прогресса в одной-единственной области. Ну а всё остальное заморозить, чтобы неповадно было. Но из этого проистекают свои плюсы: нет продвинутого баллистического оружия, вездесущих камер, проклятой биометрии и прочих механизмов слежения. Впрочем, в сети онлайн-магазинов нет тоже, так что...».

Я медленно сел, поведя плечами и поправив за ночь сбившуюся к предплечью повязку, под которой сейчас всё чесалось. Поднялся на ноги, потянулся и подошёл к окну – оно выходило на восток, так что я мог отчётливо наблюдать как только недавно выползшее из-за горизонта солнце, так и суету, порождённую «пробуждением» Академии.

По центральным аллеям лениво ползли экипажи, гружёные чемоданами и баулами. Шли люди – не вчерашние абитуриенты, а студенты, возвращающиеся в альма-матер с каникул. Патрули гвардейцев всё ещё мелькали у ключевых развязок, но их присутствие начало сходить на нет: Император пока не покинул Сант-Море, но вот территорию Первой Академии уже оставил.

«Ну, здравствуй, давно забытая рутина, век бы тебя не видеть. Я снова первогодка, бесправный и беспомощный».

Цыкнув недовольно, – а кому понравится вновь стать подневольным студентом, львиная доля жизни которого подчинена наставникам и ученическому долгу, – я зашторил окно и включил свет в комнате.

На столе прислуга, заглянувшая ранним утром, оставила свежий комплект униформы Первой Академии. Я перебрал вещи, поднял пиджак, встряхнул, расправил – и кивнул вслед своим мыслям.

Единственным отличием от предыдущего тёмно-синего комплекта оказалось наличие герба академии на нагрудном кармане: скрещённые меч, игла и молот. По кайме герба были вышиты номер курса и год поступления, а с обратной стороны так и вовсе заботливо мои имя и фамилию нанесли.

«Мои имя и фамилию, стоит заметить. Лександр Лазарь. И это теперь надолго. Пора бы уже окончательно привыкнуть» – с лёгким оттенком тоски по прошлому вздохнул я, отложив пиджак в сторону.

Ведь рядом с ним оставили и кое-что куда более интересное – планшет.

В руках он ощущался тяжёлым и угловатым настолько, насколько может быть тяжёлой и угловатой вещь, выполненная в металлическом корпусе с прорезиненными уголками и задней крышкой. Рельефные грани не позволяли выронить его ненароком, и стекло, есть такое подозрение, было многослойным и достаточно крепким.

При активации экран засветился приветственной, оформленной индивидуально под меня заставкой: «Студент Лександр Лазарь, добро пожаловать в Первую Академию Эрикс-Искусств».

Ниже тянулись строчки с нынешней датой, моим курсом, – общим, – и номером группы.

А когда планшет загрузился, моему взгляду предстал примитивный интерфейс «электронного учебника», который не предполагал иного функционала: список с наименованиями предметов и возможностью развернуть библиотеку учебной литературы, коей тут было всего – ничего, и...

«И всё, собственно. Для остального у нас есть смартфоны и катализаторы, что б их».

Взгляд скользнул по уже знакомому мне браслету, массивному, угловатому и простому, как топор. Даже мне, обладателю катализатора бытового класса, не хотелось притрагиваться к этому воплощению человеконенавистничества, а уж как себя ощущал тот же Дима со своим «Громобоем», или Александр, у которого наверняка было что-то посерьёзнее, мне оставалось только гадать.

«Вот только выбора у меня нет, и правила едины для всех» – вздохнул я, сняв и убрав свой браслет в полочку стола. Нацепил на предплечье академический аналог, полистав меню и закрепив в избранном самые нужные техники. Материализацию, как и всегда, активировал, подвесив каплю ртути у пояса – этот элемент паранойи меня не отпускал, пусть даже меня то и дело лишали катализатора.

«Придётся работать с тем, что есть. Благо, Первая Академия хорошо защищена, и серьёзных угроз тут всплыть не может. Ну а у других студентов на запястьях болтаются такие же игрушки».

Я быстро ополоснулся под душем и привёл себя в порядок, после чего облачился в новую, севшую идеально по фигуре форму. Покрутился перед зеркалом, – сугубо приличия ради, – собрал волосы в хвост и выдвинулся навстречу приключениям.

Коридор встретил меня топотом десятков ног, хлопаньем дверей и обрывками разговоров – в довесок ко вчерашним абитуриентам, часть из которых переселяли в другие комнаты, общежитие наполнялось матёрыми студентами.

Один из таких едва не задавил меня одним из своих массивных сундуков, осознал оплошность и извинился, попутно поздравив с поступлением.

«И, кажется, он меня не узнал. Это несколько радует...».

Первым пунктом в моём списке обязательных к посещению мест значился наконец-то заработавший медпункт, – не путать с медицинским крылом, – и именно туда я двинулся, мимолётом ознакомившись с расписаниями на доске объявлений в холле.

Занятия начинались со следующего дня, а этот, как и ожидалось, был всецело отдан под различные организационные моменты, начиная от размещения по комнатам и заканчивая попытками закрыть обнаруженные со вчера дыры – судя по обрывкам разговоров, которые доносились до моих не самых чутких ушей, отдельные индивидуумы уже умудрились потерять планшет, браслет, часть формы или вообще всё разом.

Ну а некоторые, как и должно освободившимся от родительского надзора студентам восемнадцати лет и более, жаловались на то, что на праздник кто-то притащил совсем уж ничёмное пойло, из-за чего и произошла масса столь сомнительных в сути своей событий.

Медпункт располагался на первом этаже восточного крыла, совсем недалеко от непосредственно холла. Ранее он по понятным причинам не работал – слишком мало в стенах академии находилось людей. Зато теперь тут было открыто и немногочисленно настолько, что я, постучав, сразу же получил разрешение зайти внутрь.

В медпункте было светло, не слишком просторно, но предельно чисто. И дежурила тут уже знакомая мне по визитам в медкрыло мадам Гретта – всё такая же спокойная и взирающая

на каждого просителя так, словно это её любимый внучок или внучка поранили пальчик, и прибежали за утешением.

Правда, тут она была не одна.

– Лекс, – раздалось слева. – Ты вовремя. Проходи, не стой в дверях.

Эльза возилась у стойки с инструментами, облачённая в женский «закрытый» вариант униформы с дополнительной нашивкой – лишней иглой под гербом академии. Она деловито поправила манжет, окинув меня цепким взглядом, в котором не было даже отголоска вчерашней мягкости.

Здесь и сейчас передо мной стоял собранный медик, а не симпатизирующая аристократка. И этот контраст сбивал с толку.

– Ты нашла кого-то, предвестившего мой приход? – улыбнулся я, подходя к кушетке, на которую девушка указала жестом.

– Пф-ф, конечно. Целый сонм ведьм пришлось собирать, – фыркнула Эльза, уже намыливая руки в небольшой, утопленной в стену раковине. – Несложно было догадаться, что ты не будешь тратить время попусту, встанешь, как обычно и нагрянешь сюда. А ещё меня наставница за кое-какими документами отправила. Мадам Гретта, вы позволите?

– Конечно-конечно, госпожа Шталь, – медсестра добродушно улыбнулась и кивнула, не став даже лишний раз дёргаться.

Я же устроился на кушетке, и Эльза начала ловко разматывать повязку, сбрасывая испорченную ткань в мусорное ведро, предусмотрительно ко мне пододвинутое.

– Грануляции чистые, отёка нет. Руку не мочил?

– Если только немного. Дождь, – я вздел очи к потолку, подозревая, что такой ответ мне как правильный не зачтут.

– Угу. Вчера ты ещё и танцевал, – она поджала губы, не отрываясь от осмотра. – Активно. И держал меня этой самой рукой. Не вздумай даже отрицать, Лекс.

Я пожал плечом:

– И не планировал. Это было бы глупо...

– Вот и славно, – Эльза выдохнула с заметным таким оттенком недовольства. – Я сама не подумала о том, что тебя стоило бы утащить с танцпола пораньше. Непростительно...

Я хотел было сказать, что это мелочь, и критическая фаза давно миновала, но посмотрел на лицо девушки – и решил в этот раз промолчать. Она выглядела слегка растерянной и недовольной, но направлено это недовольство было не вовне, а куда-то внутрь её.

Пальцы Эльзы двигались всё так же уверенно и профессионально, но мыслями она была где-то далеко-далеко.

– Прости, задумалась, – отмерла в какой-то момент она, поняв, что вот уже с минуту просто держит меня за руку и сверлит взглядом свежее пятно на предплечье. – Тут даже не ожог. Просто кожа возмущается от такого издевательства. Пройдёт само за пару дней. Не стягивает же?

– Нет, – я качнул головой.

– Хорошо. Тогда сейчас я наложу повязку, не дёргайся пока... – она вооружилась мазью, бинтами и марлей, отточенными на мне же движениями наложив бинт. – Подвигай пальцами. Не жмёт?

– И снова нет, Эльза, – я демонстративно пошевелил пальцами. – Спасибо.

– Это ещё не всё, – неожиданно бросила она, скрестив руки под грудью. – Я знаю, что сегодня Дима и остальные собираются в фехтовальный зал. И я подозреваю, что один не в меру неугомонный юноша тоже захочет туда пойти. Лекс, – она продолжила после короткой паузы, – я не хочу показаться надоедливой и приставучей наседкой, но твоя рука сейчас в таком состоянии, что активные физические нагрузки могут всё испортить. Заживать ожог, конечно,

не перестанет, но восстановление затянется, и на коже впоследствии могут остаться шрамы. Ты понимаешь это?

Она смотрела на меня вроде бы снизу вверх, но вместе с тем – требовательно и твёрдо. Я выдержал паузу, в мыслях отметив, что спорить с ней было бы контрпродуктивно и даже глупо.

«То, что натяжение кожи помешает заживлению – это правда. А вдобавок я ещё и рукой двигать как положено не смогу, и толку с такой тренировки?».

– Я всё понимаю, Эльза, – я мягко улыбнулся ей, наклонившись чуть ближе. – В отличие от танца с тобой, орудование килограммовой железякой того не стоит.

Эльза нахмурилась, но вместо того, чтобы фыркнуть или отчитать меня за легкомыслие, она опустила пальцы поверх повязки с той собственнической осторожностью, которая обычно не была ей присуща.

– Вот и договорились, – произнесла она тихо. – Сходишь, посмотришь, как остальные размахивают железяками, и вместе со мной вернёшься обратно. Ну, или останешься на подольше, но пообещав мне, что не станешь делать глупостей.

Последнюю фразу девушка добавила не сразу, и только потому, что осознала: всё сказанное ранее прозвучало так, словно она ставит ультиматум кому-то, кому может приказывать.

– Не то, чтобы я очень хотел потратить половину дня на развлечения, – я пожал плечами. – Ты сейчас-то со мной?

– В этом и был план, знаешь ли! – хмыкнула она, двинувшись к раковине. – Но у меня после обеда ещё две полуторачасовых лекции у леди Корнель, так что я ненадолго.

– Ну так и у меня будут дела, – я пожал плечами. – Не в санатории, чай.

Мы вышли из медпункта в тот самый миг, когда ставший уже привычным гул вентиляции резко стих, сменившись давящей тишиной и едва заметным шелестом у вентиляционных решёток. Система вышла на штатный режим работы, и дружный облегчённый выдох всех студентов-страдалцев ей вторил.

Эльза же коротко фыркнула:

– Пф, наконец-то. Я уже пыталась понять, что случится раньше – это гудящее нечто кто-нибудь сломает, или у меня лопнет голова...

– А насколько приятно было проснуться под этот гул вместо привычного пения птиц... – я демонстративно цыкнул языком. – Каждое утро бы так вставал.

– Шут, – несерьёзно бросила Эльза, поравнявшись со мной. – А вон и Дима, смотри...

– Вы успели договориться о встрече? – я нашёл брюнета взглядом. Рядом с ним держалась Лиза, и, неожиданно, Белль Сориар собственной персоной. Их Эльза поначалу просто не увидела из-за своего роста. – Я смотрю, наша компания разрастается, как дикий плющ после ливня...

– Скажешь тоже. Договаривались мы с Лизой, а Дима уже через неё подтянулся, по понятным причинам. А блондиночка... – Эльза хмыкнула, пользуясь тем, что они были пока далеко. – Видимо, она действительно положила на Громова глаз.

Я подошёл к компании первым, поймав на себе прищуренный взгляд Белль.

– Леди Сориар, – я неглубоко кивнул, получив такой же кивок в ответ. – Не ожидал вас увидеть в восточном крыле...

– Господин Лазарь, – она улыбнулась одними лишь уголками губ. – К счастью, при свете дня вход в «мужское» крыло частично открыт и дамам тоже. Иначе вы с вашей подружкой не смогли бы встретиться, не находите?

Блондинка посмотрела на меня с подозрительной хитринкой, от которой по спине даже холодок пробежал. Есть люди приятные, есть неприятные, а есть такие, как внучка графа Сориар – непонятные, то ли говорящие с подоплёкой, то ли нет.

Так или иначе, но разговор плавно свернул на обсуждение последних новостей, а после – к неизбежной ныне теме расписаний и внеучебной активности, которая, по словам Белль,

составляла чуть ли не шестьдесят процентов всего полезного, что только можно было получить в Первой Академии.

– А остальные сорок? – я спросил, не упустив случая.

– Тридцать – связи и политика, ещё пять – личные контакты... ну и пять, так уж и быть, отведём на учебный процесс, – с улыбочкой произнесла она, поглядывая на Громова. – И то только потому, что Дима очень расхваливал некоего Ирвинга...

– Он хороший специалист, – незамедлительно кивнул я. – И говорил дельные вещи. Мы были у него на подготовительном, которое, конечно, для подготовки оказалось бесполезным от и до, но в целом... В целом его слова оказались очень к месту в нашей тогдашней ситуации.

– Мне даже нечего добавить, – хмыкнул Громов. – Никогда бы не подумал, что кто-то при мне назовёт лекции капитана бесполезными, и я буду с ним солидарен.

– Контекст, братец, всё решает контекст, – с умным видом покивала Элизабет, хлопнув Диму по плечу. – И давайте уже, у вспомогательной доски освободились места, не спим!

Лиза выступила локомотивом для всех нас, оттеснив замешкавшихся экс-абитуриентов и постучав пальцем по первому объявлению:

– Смотрите, – энтузиазм из неё так и пёр. – Секция тактического моделирования. Ведут два преподавателя из военного крыла и один приглашённый офицер штаба. Обещают разбор реальных пограничных инцидентов...

– Что, по словам Ирвинга, не очень-то нам сейчас надо, – возразил Громов. – Я бы от лишней практики не отказался. Или от экскурсии в продвинутые специализированные техники боевого направления...

– К ним раньше, чем на третий год никого не допустят, – вставила своё слово Белль, совсем фамильярно опустив ладошку на плечо Громова. Тот посмотрел на неё удивлённо, и получил корректный, но напрочь игнорирующий суть его удивления ответ: – Я интересовалась военным направлением академии, наводила справки.

– Угу-угу, – Эльза покивала деловито. – А ещё все самые интересные клубы набирают после первого полугодия, и не раньше. Когда уже видно, кто и что из себя представляет.

– Это значит, что выбирать нужно «заглушку». Ну или что-то не слишком серьёзное... – я снял с доски одно объявление, удивительным образом синергирующее с нашим намерением посетить фехтовальный зал. – Клуб клинкового боя, свободное посещение, занятия три раза в неделю...

– А ведёт некий Клаус. Мастер Клаус, – прочитал Дима вслух, забрав бумажку у меня из рук и скрупулёзно вернув её на доску. – Может, и не о нём болтали, но якобы он хорош не столько в дуэлях, сколько в том, как держать тело в тонусе.

– Для оператора эрикс-искусств эта морока действительно важна, – вдруг подал голос подкравшийся, словно рысь, Виктор. Не дёрнулся только я, загодя срисовав его приближение. – Чем крепче тело, тем проще выдержать высокую нагрузку при активной работе с катализатором.

– Спасибо за откровение, – Эльза демонстративно закатила глаза. – Но махать мечом – это, как по мне, худший способ обеспечить себе физические нагрузки. Идёт сразу после скалолазания и паркура.

– А общее у них что? – Белль вздела бровь.

– Травматизм, – веско ответила ей рыжеволосая аристократка. – Любой спорт хорош до тех пор, пока он не отправляет тебя на койку на месяц. А если предполагается высокий риск и частые «перерывы на подлечиться», то теряется как бы не половина эффекта от занятий. Организм не обманешь. Нет нагрузки из-за травмы – и форма утекает, словно дымка поутру...

– Не говоря уже о синяках, свойственных любому контактному спорту, – деловито подхватила мысль Сориар. – И как потом в приличном обществе показываться? Задраиваться наглухо?..

Её взгляд скользнул по одеянию Эльзы – самому закрытому варианту формы академии, только для фантазии простор и оставляющему.

– Пф-ф! – Шталь фыркнула, заметив этот недвусмысленный взгляд. – Не всем нравятся платья, Сориар. И уж тем более, не все...

– Дамы, – я подал голос, опустив ладонь на плечо вспыхнувшей Эльзы, явно принявшей всё на свой счёт. – Не ссорьтесь. Мы тут вообще собрались не для того, чтобы выбрать себе клуб, а для похода в фехтовальный зал. В качестве разовой акции для всех желающих. Я так вообще, – я похлопал себя по повязке, – буду зрителем.

– А что, тебе запретили, Лазарь? – произнесла Белль ехидно, никак не собираясь униматься.

«Вдох, выдох, Лександр. Вдох, пауза, выдох. Аристократки все такие поголовно, и иного варианта нет и не может быть. Свидетель тому – училище, и для закрепления урока – академия во вроде бы другом, но таком похожем на мой мире».

– А что, кто-то может мне что-то запретить? – я перевёл на неё потяжелевший взгляд. – Я предлагаю остановиться на этом и не конфликтовать на пустом месте.

– Полностью солидарен, – поспешил встрять Громов, до этого момента пытающийся выбирать между большим и меньшим злом. – В конце концов, каждый может со спокойной душой выбрать клуб себе по вкусу. Не нужно повторять за нами, мы с Лизой от природы воинственные – дай только кого-то чем тяжёлым отоварить...

– Вот-вот, – Элизабет, окинув сценку взглядом, поспешила прийти брату на помощь. – Приличное общество переживёт синяки на моём девичьем теле. А вот я, если к концу первого курса не научусь нормально держать клинок, буду очень грустной и очень злой. Курс – на фехтовальный зал!

– А где он, кстати? – Виктор был всецело в своём репертуаре. – На севере парка? Туда идти минут двадцать, не меньше. Может, ну его?..

– Сам же говорил, что хочешь «понаблюдать за тем, как другие страдают», – напомнила Эльза, поджав губы. – Или ты опасаясь, что тебя попросят что-нибудь показать?

– Я? – Шталь прижал ладонь к груди в притворном возмущении. – Я просто эконоблю силы. У меня их ограниченное количество, и тратить бесценные резервы на беготню с мечами я не намерен.

– А на беготню за пирогами с рыбой? – невинно поинтересовалась Лиза.

– Это другое, – Виктор смутился, уловив подтекст. – Вы её, к слову, не видели?

– Мариэллу-то? – Лиза огляделась демонстративно. – Не-а. В мужском крыле ей делать нечего. Если только на тебя охотиться...

Я переглянулся с Эльзой, встретился взглядом с Громовым. Взгляды обоих говорили одно и то же: «вот с такими людьми мы вместе росли».

– Зал и правда на отшибе, – наконец выдохнул Дима, открыв карту на смартфоне. – Отдельная постройка на севере, за фонтаном. Раньше там располагался манеж для верховой езды, но потом его убрали с территории. А помещения остались и облагородились, вполне уютно получилось.

– Надеюсь, ароматы оттуда уже давно выветрились, – вздёрнула нос Белль. – И раз туда долго идти, то выдвигаться нужно уже сейчас. Чего ждём?

Ждать и правда было бессмысленно, так что мы, освободив место у вспомогательной доски, вышли в парк, миновав вновь принявшую прежний вид площадь, на которой располагался танцпол. Эрикс-искусства позволяли воплощать такие преобразования как и когда угодно, открывая невиданный простор для организации любых мероприятий.

«Однажды я привыкну к масштабам того, как тут используют «магию» в быту. А ведь, если верить фактам из сети, так ещё и дома строят. Воплощают даже, и не на дни – на десятилетия».

Мне очень хотелось изучить вопрос и понять, как можно сотворить нечто, испытывающее нагрузку каждый день и существующее обособленно от своего творца так долго, но времени на всё не хватало категорически.

«Всему своё время. И до этого руки дойдут. Может, даже в течение этого года».

Сама постройка клуба клинкового боя неожиданно показалась из-за деревьев уже спустя двенадцать минут. Приземистое, длинное, с покатою черепичной крышей строение не было вычурным или пафосным. Грубый камень и дерево присутствовали в фасаде сугубо как функциональные, а не декоративные элементы – этакий шаг в противоход пафосной архитектуре Первой Академии.

– Конюшня и есть, – задумчиво произнесла Сориар, мазнув взглядом по высоким арочным окнам, зарешеченным сверху донизу. – У дедушки имелась похожая, в одном из загородных имений. Правда, ей давно уже пользовался плебс, для каких-то своих нужд...

– Ну а здесь мы будем пользоваться этой постройкой для своих, – уверенно сказал Громов, первым входя внутрь. Из-за дверей пахло древесиной и металлом. – Хм. Уютненько...

Зал, открывшийся нашим взглядам, был огромен. Потолки в семь-восемь метров, исцарапанный дубовый пол, в ближнем углу – стойки с тренировочным оружием. Не самым разнообразным, но тем не менее. Рапиры, сабли, шпаги, полуторные мечи, короткие клинки – всё это было простеньким, без вычурности и украшений.

«За версту видно, что тут занимаются, а не делают вид».

– Новенькие? – раздался низкий голос откуда-то сбоку.

Мы почти синхронно обернулись, чуть ли не нос к носу столкнувшись с высоким, чуть-чуть сутулящимся мужчиной лет шестидесяти. Стариком его не повернулся бы назвать язык: он был могучим, крепким, поджарым, с тронутым морщинами лицом, но аккуратной бородкой и донельзя ясными, начавшими выцветать бордовыми глазами.

Одет он был в простую, свободную рубаху тёмно-серого оттенка, такие же свободные штаны и, неожиданно, обычные кроссовки. Ни катализатора, ни чего-либо подобного при нём видно не было.

– Мастер Клаус, я полагаю? – Дима первым шагнул вперёд, коротко, по-военному чётко поклонившись. – Студенты первого курса. Пришли ознакомиться с клубом клинкового боя. И, если позволите, размяться.

– Ознакомиться, значит, – мужчина хмыкнул, обведя нашу компанию цепким взглядом. – Шестеро... нет, пятеро, – он кивнул на меня, – с повязкой без справки к занятиям, даже демонстрационным, не допущу.

– Я тоже только зритель, – подняла руку Эльза, привлекая внимание.

– Значит, четверо, – согласно кивнул мужчина. – Впишите имена и фамилии в журнал, вон он, на стойке. Своё оружие, боевое или тренировочное, в зал приносить запрещено. Используются только здешний инвентарь. Ко всему относиться бережно, намеренно пытаться покалечить друг друга, использовать катализаторы в бою или воссоздавать с их помощью инвентарь – категорически запрещено. Сегодня за соблюдением правил наблюдают старшекурсники. От них же вам потребуется получить допуск, если вы хотите взять в руки оружие. Зрители могут разместиться на скамейках вдоль стен, или создать себе более удобные места. Вопросы?

– Как часто постоянные члены клуба получают травмы? – Эльза снова подняла руку, словно в школе на уроке. – Растяжения, переломы, сотрясения? Всё то, что значительно влияет на функциональность тела?

Клаус приподнял бровь, явно не ожидая такого вопроса. Впрочем, судя по тому, сколь одобрительно он хмыкнул, позиция Шталь ему понравилась:

– Не более десяти случаев в году, юная леди. Этот клуб зиждется не на примитивном мордобое, а на дисциплине тела. Контактный спарринг же подразумевает защитную экипировку, но сегодня она никому не понадобится. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Всецело, мастер Клаус.

Мужчина кивнул и, проследив за тем, как мы внесли свои имена и фамилии в журнал, вернулся к скамье у окна, откуда, видимо, он и наблюдал за занятиями.

– Приятный старик, – тихо заметил Виктор, отложив авторучку. – Сразу чувствуется, что у него тут всё схвачено.

– Пф-ф, – фыркнула Эльза, осторожно взяв меня за локоть. – Идём, Лекс. Займём места получше, пока нас кто-нибудь чем-нибудь не прибил ненароком...

Махнув свободной рукой остальным, – дерзайте, мол, – я позволил отконвоировать себя к длинной деревянной скамье, одной из многих свободных. Отсюда открывался отличный вид на весь зал, и при том мы сидели достаточно далеко, чтобы никому не мешать, обсуждая любые вопросы.

Я опустил на жёсткое дерево. Эльза села рядом – близко, но не вплотную, закинув ногу на ногу и оправив юбку. Руки она сцепила на колене.

– Знаешь, а я ведь впервые в таком месте, – бросила девушка негромко, наблюдая за тем, как остальные из нашей компании выбирают оружие у стоек. – В сознательном возрасте, если точнее.

– Не интересовалась фехтованием? – я чуть приподнял бровь.

– Угу, – Эльза кивнула, и от меня не ускользнуло то, что она слегка напряглась. – В детстве я вообще боялась крови. И оружия. Всего, что с этим связано.

Я не торопился открывать рот, отчётливо ощущая, как вокруг нас сгущается атмосфера. Эльза не просто так начала этот разговор, да и чувствовалось, что каждое слово даётся ей не очень-то легко.

– С боязнью крови мне помогла справиться медицина. Ну, – она пожала плечами, поёрзав на месте. – Когда знаешь, как устроено тело, когда понимаешь всё вплоть до самых страшных ран, кровь становится просто частью работы. Весь ореол жути растворяется. Но оружие...

Она покачала головой, глядя за тем, как живо Громы выбирают мечи по руке, сравнивая разные экземпляры «на вес».

– Оружие я всё ещё не люблю, Лекс. Оно создано, чтобы причинять боль. И чтобы убивать. Я понимаю, что это иногда необходимо, но... Мне от этого всё равно не по себе. Не знаю, зачем я вообще это сказала... но как-то оно так.

– И ты всё равно пришла сюда, – вздохнул я, пристально её рассматривая. Собранные в хвост выющиеся огненно-рыжие волосы, тёмно-зелёного, почти чёрного цвета глаза, тонкая линия губ...

Эльза сейчас казалась какой-то очень уж уязвимой.

– Пф-ф, – она фыркнула тихо. – Да, пришла. За компанию. У меня же не фобия. Да и оружие тут не настоящее.

– Значит, «не настоящее», – произнёс я тихо, глядя за тем, как старшекурсники проверяют экипировку наших друзей. – Что ж, это многое объясняет.

– Что именно? – во взгляде Эльзы промелькнуло лёгкое подозрение.

– Твоё отношение к фехтованию. Я-то думал, причина в нехватке времени или, действительно, в травматизме. А тут, – я ненавязчиво толкнул её плечом, – всё куда прозаичнее.

– А ты, наверное, ожидал, что любая аристократка по-умолчанию владеет хотя бы рапирой?

– Скорее предполагал, – признался я. – Но в моих глазах это не минус, Эльза.

Но девушка уже поджала губы, а между нами повисла не неловкая, а какая-то напряжённо-задумчивая тишина.

На площадку тем временем вышли Громы. Дима взял саблю – широкую, массивную. Лиза же выбрала парные клинки, один короче другого. Им довольно быстро озвучили правила, после чего родственники сошлись в спарринге – быстром и агрессивном.

Дима безостановочно пёр вперёд, Лиза – защищалась. Двигались они умело, но не слишком активно. Без той искры, которая отличала бой от спарринга.

Я это замечал, потому как на старости лет занялся фехтованием, дабы просто поддержать тело в тонусе. Владение мечом в моём мире, может, и не имело никакого практического смысла, но вот равномерную нагрузку обеспечить могло.

И, главное, это было интересно, что позволяло даже мне, со всей моей ленью, регулярно заниматься и совершенствоваться.

– Неплохо, – пробормотал я в момент, когда Дима ловко отвёл длинный меч Элизабет в сторону, обозначив удар в плечо и избежав ответного тычка по рёбрам.

– Разглядел что-то интересное? – Эльза чуть наклонила голову.

– Чуть-чуть, – я хмыкнул. Апеллировать к тому, что «я» занимался фехтованием было не слишком нагло, так что тут я мог и блеснуть. – Дима привык к тому, что в правой руке у него «Громобой», а не клинок. И эта привычка конфликтует с его размашистым стилем. А Лиза просто слишком сметится и постоянно открывается в попытках взять своё нахрапом. Очень в её характере. Смотрится это странно, но динамично. Неплохо, как я и сказал.

– А ты сам с чем тренировался?

– Тяжёлая рапира, – честно признался я. – В основном для тонуса тела, да и давненько это было. Надо будет вспоминать всё заново... если я вообще буду сюда ходить.

Эльза прищурилась:

– Если ты засомневался из-за моей нелюбви к оружию, то ты это брось, Лекс. Все вокруг фехтуют. Даже Виктор, и тот кое-что может, – она кивнула в сторону, где блондин, вооружившись лёгкой и изящной рапирой уже выполнял какие-то движения. – Просто не жди от меня восторгов по этому поводу.

– Я уже однажды бросил фехтование, – я снова толкнул её плечом, легонько и ободряюще. – Посмотрим. Я пока вообще не знаю, чем займусь помимо учёбы. Дел невпроворот, чтобы уделять тренировкам много времени. А Виктор-то умеет...

Я кивнул туда, где Шталь, дождавшись, пока Лиза освободится, а Дима «перейдёт» к Белль, уже демонстрировал чудеса сражения в режиме тотальной экономии энергии.

Он в основном отступал, кружа по «арене», но сколько бы Элизабет ни ярилась, сколько бы ни бесилась в попытках до него дотянуться – ленивые взмахи рапирой останавливали её в один миг.

– В нашей семье владение мечом – это обязанность. Почти для всех, – добавила Эльза, явно имея в виду себя. – Просто Вик фехтование не ценит. Заявляет, что это бесполезно – пуля быстрее, воплощение ещё быстрее, а внимание лишнее привлекает.

– И это говорит человек, за которым охотится дочь герцога, – задумчиво хмыкнул я.

– Вот именно. Но ты поди ж ему объясни... – Эльза вздохнула. – Хотя, как мне кажется, всё он прекрасно понимает. Просто издевается, получая особое удовольствие от созерцания страданий окружающих.

А Громов и Сориар тем временем разошлись. Белль, вопреки своим недавним заверениям касательно фехтования, даже в академической форме умудрялась довольно сносно держаться против Дмитрия... который, впрочем, не показывал всего того, с чем приходилось недавно справляться Лизе.

– А вот сейчас Дима поддаётся, – тихонько заметил я, наклонившись к Эльзе. – Сориар даже не сражается. Это...

– Это не бой, – подхватила Эльза. – А... танец?

– Обычное дело, когда фехтование изучают как способ улучшить координацию движений и укрепить тело, – прокомментировал я. – Для такого «фехтования» даже партнёр не нужен. Только оружие и отработанная серия движений.

– Зачем тогда вообще выходить на площадку?..

– Тут мы можем только строить догадки, – покачал я головой, наблюдая за тем, как Белль, «проиграв», чуть ли не прилипла к Дмитрию. Ну а парень был вполне доволен тем, что ему удалось потянуть время и не макнуть девушку в грязь лицом перед таким количеством зрителей.

«Вот только есть ли тут хоть кто-то, не разглядевший в этом игры в поддавки?».

– Она точно положила на него глаз, – констатировала Эльза спустя пару минут расслабленного молчания.

– Похоже на то.

– И что ты думаешь? – девушка требовательно ткнула меня пальцем, привлекая внимание. – Посмотри на меня, Лекс. А то я как со стеной разговариваю, которая почему-то отвечает.

Я обернулся, чуть приподняв бровь:

– А что я должен думать? Это их дело, Эльза.

– Хотя какое-то мнение у тебя же должно быть! – возмутилась она. – Белль Сориар – не просто аристократка. Её род входит в Первую Сотню. А Громы... военная семья с древней историей, но без такого влияния. Если между ними что-то будет, это может стать... чем-то политическим, а то и осуждаемым.

Я замер в тот момент, когда меня настигло осознание.

– Ты сейчас говоришь как человек, который слишком много думает о том, как окружающие оценивают его поступки, – начал я медленно, с особым тщанием подбирая слова. – Бесспорно, при беглом сопоставлении Громы и Сориар вообще не сочетаются. Но ты и сама должна знать, что «ценность» отдельного отпрыска определяется не только тем, какая там у него фамилия и кто его родители, но и его положением в линии наследования, личными талантами, желанием, наконец.

Определённо, Эльза вот так ненавязчиво решила меня расспросить не просто так. И более того – у неё почти получилось, а я вполне был готов дать не столь оптимистичный ответ.

«Вот только в паре «Сориар-Громов» её интересовали не Дима и не Белль, а пропасть между их статусами» – подвёл промежуточный итог я, откинувшись назад и глядя на Эльзу сверху вниз.

– Это цитата из какого-то не в меру умного трактата? – наконец подала голос Эльза, глядя на меня неоднозначным взглядом.

– Если только мою голову можно назвать трактатом, – я хмыкнул. – Хотя это скорее бессистемное нагромождение всего подряд, не связанное общей идеей. Автобиография, ещё не перетёкшая на бумагу...

Дальше этот разговор нам развить не позволило вторжение извне. Белль, всё ещё раскрасневшаяся после своего «танца», подошла к нам и взглядом указала на место рядом с Эльзой:

– Не помешаю?

– Ничуть, – Эльза даже на мгновение не замешкалась. – Очень грациозные движения. Не ожидала от той, кто так... нелестно отзывался о фехтовании.

– Дань традиции, – блондинка отмахнулась, опустившись на лавочку. – В нашей семье всех девочек учат «танцевать» с рапирой. Для осанки и координации.

– Разумный подход, – кивнула Эльза. – А у нас для девочек обязательна была верховая езда...

– Каждому своё, Шталь, – Белль пожала плечами. – Но способность превосходно держаться верхом, как по мне, всяко полезнее умения размахивать остро заточенным куском стали...

Сориар мягко подалась вперёд, через Эльзу взглянув на меня.

– Лазарь, – медленно протянула она, понизив голос. – Я хотела поговорить с тобой при случае. По поводу... некоторых студентов первого курса, которые могли бы извлечь большую пользу из твоего личного опыта.

– Простолюдинов, – уточнил я, прекрасно поняв, про кого идёт речь.

– Именно, – Белль, впрочем, ничуть не смутилась, а Эльза сразу же выдохнула. – После недавнего выступления твоё имя на устах у многих. И среди простолюдинов тоже. Некоторые из них довольно способны, но им не хватает наставника в практическом направлении Искусств. Настоящего наставника, а не преподавателя, который читает лекции для всей группы разом.

– И ты?..

– Я предлагаю тебе небольшой факультатив, – Сориар чуть склонила голову. – Я взяла на себя неформальную опеку над несколькими одарёнными студентами незначительного происхождения. Включая Алисию Фольт. И в моих силах обеспечить место для занятий, тихое, без лишних глаз и слухов. Со вполне официальной бумагой на случай разного рода инцидентов.

– Почему я? Не пойми неправильно, но уровень простолюдинов... он невелик, – я не сводил взгляда с её глаз, пытаюсь разглядеть там хотя бы намёк на что-то. Симпатия? Едва ли. Интрига? Вероятно. Что-то другое? Нет понимания. – Дать базу, самые основы в практическом направлении эрикс-искусств, может кто угодно. Включая тебя.

– Причин несколько, Лазарь, – Белль приосанилась. – Первая – ты, де-факто, лучший практик на курсе, к которому я могу подойти с такой просьбой. Вторая причина – Алисия лестно отзывалась о твоих советах по практической части. За полчаса в поезде, с её слов, она значительно улучшила свои результаты. Ну и в-третьих, никто кроме нас с тобой в сторону плебса даже не посмотрит. Я в этом участвую по приказу отца, а ты можешь подключиться по собственному желанию и из-за знакомства с Фольт. На последнее я и уповаю.

– Лучший практик – не равно хороший учитель, хочу заметить, – качнул головой я, задумавшись на секунду. – О насколько продолжительных занятиях идёт речь?

– Несколько уроков по паре часов, Лазарь. Самые основы, просто чтобы они не сильно отставали в дальнейшем, – тут же ответила блондинка. – Я тоже буду в этом участвовать, если что. И даже кое-кто из обязанных мне знакомых. Поэтому о сохранении всего в тайне ты можешь не беспокоиться. Раскрываться не выгодно ни тебе, ни мне. Тем более, среди «учеников» есть двое юношей.

Я хмыкнул:

– Аргумент. В таком случае я, пожалуй, буду не против принять участие в этой «программе подготовки кадров». Сугубо для общего развития.

– Прекрасно, – Белль обворожительно улыбнулась. – Я свяжусь с тобой в ближайшие дни и сообщу, когда всё будет готово.

Она плавно поднялась,правила платье и, бросив в сторону Димы быстрый, но цепкий взгляд, направилась обратно к площадке.

«Расчётлива, умна, и непонятно, чего добивается. Решила «за компанию» с Алисией подобрать парочку более-менее талантливых простолюдинов? По логике «что один, что десять – для репутации всё едино»? И всё это в первый же день. Если так, то мне стоит признать одну вещь: я недооценивал местную молодёжь... или, по крайней мере, самородки среди серого множества».

– Ты ведь понимаешь, – негромко произнесла Эльза, – что это ещё один способ втянуть тебя в какую-то интригу? Или просто навести мосты для дальнейшего взаимодействия?

– Понимаю, – я вздохнул. – Но мосты эти могут понадобиться и мне. Ты не понаслышке знаешь, в каком состоянии пребывают все мои личные связи. Ну и подсобить талантливым простолюдинам лишним не будет.

– Ты любишь нянчиться с беспомощными людьми. Я уже об этом, кажется, говорила, – выдохнула Эльза театрально, но с отчётливо читающимся смирением.

– И ты была права, – я улыбнулся.

– Пф-ф. Я всегда права, Лекс.

А в зале тем временем наметился спад активности. Виктор, успевший провести ещё пару спаррингов со случайными оппонентами, вернул рапиру на стойку. Лиза и Дима, взъерошенные и довольные, тоже закончили, как следует отхватив от местных старожилов. Но цепочка поражений, кажется, их только раззадорила.

– Ну что, – Дима подошёл к нам первым, вытирая лоб платком. – Как мы смотрелись? Достаточно грозно, или как детский сад на свободном выгуле?

– Ты слишком широко замахиваешься, – ответил я. – Сабля – не дубина, ей рубят, а не бьют. А Лиза слишком часто раскрывается.

Громов моргнул. Потом улыбнулся предвкушающе:

– Серьёзно? Ты фехтуешь?

– Немного, – я пожал плечами, встав с лавки и подав руку Эльзе. Та грациозно вложила в мою ладонь свою, поднявшись. – Если ты намекаешь на спарринг, то только после разрешения моего лечащего врача.

– Две-три недели, – незамедлительно вторила мне Эльза. – И то не факт.

Мы обменялись взглядами. Эльза смотрела непоколебимо, Дима – задумчиво, Элизабет – возмущённо.

– Договорились, – Громов протянул руку, которую я тут же пожал. – Через две-три-четыре недели, Лекс. Я запомнил.

– За «часто раскрываюсь» ты у меня ответишь, Лекс, – добавила Лиза скрестив руки на груди. – Где это видано, чтобы меня, Громову, Лазарь отчитывал?!

– Где-где, – я хмыкнул. – В конюшне. Бывшей.

Мы покинули зал к моменту, когда время близилось к полудню, и наша компания быстро, но уверенно разбежалась, кто куда. Дима и Лиза двинулись в город – их ждали родственники. Виктор отправился дальше прятаться от неумолимой и вездесущей поклонницы.

Ну а Эльзу я проводил до центрального крыла, где у неё вот-вот должны были начаться занятия с обожаемой наставницей.

– Искренне надеюсь, что ты изучил расписание на завтра, Лекс, – улыбнулась она, обернувшись и задрав голову так, чтобы смотреть мне в лицо. – Потому что опоздание в первый же день – это что-то непростительное.

– Я и не планировал опаздывать...

– Посмотрим. Я рассчитываю успеть проверить твою руку перед первым занятием, потому что в медпункт с утра мне никак не успеть. Учти это, пожалуйста, – бросила девушка перед тем, как развернуться и двинуться к массивным дверям центрального крыла.

– Постараюсь, – я кивнул ей вслед, дождался, пока Эльза Шталь скроется из виду, и только тогда развернулся.

Список приоритетов на сегодня уже выстроился в голове, а расписание зафиксировалось вплоть до минут: несмотря на то, что Дамоклов меч имени вступительных экзаменов надо мной больше не висел, любопытство и жажда знаний толкали меня вперёд.

«Лександр Лазарь» – подумал я, сунув руки в карманы и обратив взор к небу, в котором уже не было никаких цеппелинов с огромными орудиями. – «Будущий столп Империи, наставник для простолюдинов, друг наследного принца, кавалер рыжеволосой аристократки и просто отличный парень. Звучит как начало какой-то абсурдной легенды, честное слово...».

Но вот в чём я был уверен, так это в том, что своё первое-первое августа в этом странном, помешанном на всём первом мире я запомню навсегда.

Глава 4. Первый учебный день.

Дверь комнаты Виктора была приоткрыта ровно настолько, чтобы каждый мимо проходящий мог с уверенностью сказать – хозяин дома и ждёт гостей.

Мы предварительно списались ранним утром, но даже так я всё равно предпочёл постучать и дождаться суетливого «войдите» прежде, чем распахнуть дверь.

– Лекс, ты вовремя, – он обернулся и развёл руки в стороны, демонстрируя один из подвидов допустимой в Первой Академии студенческой формы. Эта отличалась от моей чуть большей старомодностью и россыпью пуговиц, поблёскивающих серебром в свете настенных ламп. – Нормально, или лучше вернуться к предыдущему варианту?

– Ну, если ты собираешься на приём к Императору, то такой комплект будет уместен, – хмыкнул я, прикрыв за собой дверь. – Лето же, на кой изображать из себя капусту?

– Первая лекция, – блондин пожал плечами. – Вдруг там будут фотографии? Или, что хуже, эта обезумевшая «почти герцогиня»...

Я не стал уточнять, и без того понимая, что речь идёт о Мариэлле Озмунд. Она как взяла Виктора в плотную осаду, так и продолжала монотонно и регулярно до него докапываться где можно и где нельзя. Сам Шталь, очевидно, надеялся на то, что всё разрешится само собой – всё-таки длилось сие представление вторые сутки...

«Но вот мне что-то подсказывает, будто его надежды тщетны от и до» – подумалось мне после того, как мы, покинув общежитие, дошли до центрального крыла.

– Ещё полчаса времени, – Виктор бросил взгляд на свой катализатор. – И что я делаю здесь так рано?..

– Очевидно, ждёшь фотографов. О! – я махнул рукой Грозовым, вынырнувшим из-за поворота и о чём-то оживлённо спорящим. – Дима, Лиза...

– Лекс, Виктор, – синхронно отозвались они, едва приблизившись.

– Неужто вас так заинтересовала общая теория первой парой? Вик, а ты, я смотрю, принарядился! – Лиза резко перескочила на ехидный тон. – Что, решил дать «герцогине» смертный бой?

Шталь закатил глаза, но досмотреть эту сценку я не успел – меня требовательно потянули за рукав так, как позволял себе только один человек на сотню километров окрест.

– Эльза, – я развернулся, кивнув девушке, которая уже деловито крутила в своих руках мою конечность. – С добрым утром.

– С добрым, – сосредоточенно бросила она. – Не мочил?

– Ты спрашиваешь об этом каждое утро, – я хмыкнул. – Нет, не мочил.

– И буду спрашивать, пока имеются поводы. Пф-ф, – традиционный утренний фырк был, тем не менее, насквозь дружелюбным и даже тёплым. – Ты слишком часто рискуешь, Лекс. И совсем не следишь за здоровьем. Но сейчас всё хорошо.

Она уверенно поправила манжету на моём рукаве, отстранившись.

– У меня были на то веские причины, – я пожал плечами. – Заходим?

Я кивнул на двери аудитории, за которыми только-только исчезла широкая спина Громова. Эльза кивнула, и мы, наконец, пересекли порог помещения, в котором должно было пройти первое занятие нашего потока.

Аудитория оказалась не такой уж и большой, рассчитанной меньше, чем на сотню человек. И уже у порога нас ждало главное разочарование: места на каждую лекцию распределялись случайным образом – каждый на входе брал номерок.

И нашу компанию случай не помиловал, ровным слоем распределив всех по разным рядам.

Моё место оказалось на последнем ряду вплотную к окну, которое я по старой привычке тут же и приоткрыл, впустив свежий воздух. По правую руку устроились незнакомые студенты, – пара парней и девушка, – а по левую находился подоконник, так что в этом плане я устроился с комфортом.

Я положил перед собой планшет с тетрадью и ручкой, покрутил последнюю в руках, и только тогда позволил себе оглядеться.

Аудитория быстро заполнялась: аристократы рассаживались неспешно, обмениваясь приветствиями и кивками, будто на светском приёме. Кто-то пользовался оставшимся до начала лекции временем и торопился обсудить что-то важное со знакомыми, кто-то скучал, метафорически плюя в потолок, а кто-то занимался своими делами – читал что-то, не относящееся к лекции, или переводил бумагу в казённых тетрадях.

Я собирался определить себя в третью, последнюю группу увлечённых своими делами студентов, но пока что осматривался, выискивая знакомые лица и просто наблюдая за, так скажем, молодняком знати в естественной среде обитания.

Дима, Лиза, Виктор, Эльза, Белль, Виктория, Александр – присутствовали не все из тех, кого я знал по именам, но многие. Потоки дробили по неизвестному мне принципу: сначала я думал, что по уровню способностей, продемонстрированных на экзамене, но когда среди вошедших обнаружилась Алисия с подругами, это предположение оказалось под вопросом.

«Что ни говори, а с практикой у простолюдинов всё поголовно не очень хорошо. Сказывается тот факт, что в сети нет точной информации об упражнениях и методах тренировки – интернет существует в зачаточном состоянии и, очевидно, насквозь контролируется. Теорию они, видимо, как-то подтягивали в библиотеках, но в ряды студентов Первой Академии прошли только лучшие. Лучшие, которым удалось добрать нужные баллы во втором этапе».

Я откинулся назад, чуть наклонив голову.

«Интересно, а Алисия как-то пользовалась для подготовки доступом в поместье Лазарей? Возможно, прошлый Лекс не отказывал ей в книгах, статьях, руководствах? Или я не умею искать, и продвинутые эрикс-искусства не столь закрыты от широких масс? Как-то ведь люди пользуются бытовыми катализаторами, причём массово. С другой стороны, катализатор сам за тебя всё сделает в большинстве обычных случаев. Очень уж многие наглухо привязаны к тому, что «зашиито» в технику изначально...».

Мысли в голове роились самые разные, и держать на лице скучающе-расслабленное, как у многих тут, выражение становилось всё сложнее. Каждый вопрос, на который я худо-бедно, но через анализ находил приемлемый, – и не факт, что правильный, – ответ порождал кипу новых.

Например, почему в Первой Академии не проводят сортировку простолюдинов по навыкам ещё до экзаменов, чтобы отсеять откровенный мусор, даже теорию на пятьдесят баллов сдать не способный? На экзамене простого люда присутствовало всяко больше пары сотен человек, и девяносто процентов из них провалились ещё на первом этапе.

Создать видимость открытости Первой Академии всем сословиям?

И для чего? Для кого?..

– Доброе утро, первый курс, нулевой поток, – звучный голос вошедшего лектора заставил меня подобраться, чуть не смахнув с края стола ручку. – Меня зовут профессор Мортимер, и в ближайшие полгода я буду вещать вам о том, что есть общая теория эрикс-искусств. Прошу любить и жаловать...

Этот невысокий, подвижный, с аккуратной чёрной бородкой и живыми глазами мужчина театрально поклонился, и для полного соответствия образу ему разве что цилиндра не хватило – нечем оказалось размахивать.

И на аудиторию он «сработал» как должно, приковав к себе внимание. Самое, в общем-то, важное при первом знакомстве с учениками.

– Начнём с простого, – он демонстративно повёл рукой, и двери аудитории захлопнулись. Щелчок замка явно дал понять, что опоздавших тут не привечают. Параллельно с тем над головой мужчины сформировалась проекция – внушительных размеров, отчётливо видимая даже с моего места. – Эрикс-искусства – это не магия. И не волшебство. Это дисциплина, которая объединяет три компонента: разум оператора, эрикс-среду и катализатор, выступающий интерфейсом между первым и вторым. Ключевых факторов мастерства тоже три – чистота образа, вычислительная мощность и качественный уровень концентрации. Запомните эту триаду. Она будет преследовать вас весь первый курс явно, и до самой пенсии – на периферии событий.

Я слушал вполуха, параллельно выписывая отдельные тезисы в тетрадь и сравнивая с тем, что знал о магии воплощения.

Сходств было много, но различий – ещё больше.

Мортимер говорил живо и по делу, не перегружая свою лекцию терминами, но и не скатываясь в упрощения. И с систематизацией знаний тут всё было намного лучше, чем у авторов, чьи труды я имел честь читать с целью хоть как-то освоиться в новом мире.

А ещё общая теория эрикс-искусств была значительно компактнее, понятнее и чётче, нежели теория магии воплощения моего мира. Просто потому, что в магии индивидуального было куда больше, чем системного. А вот с эрикс-искусствами в представлении большинства всё обстояло наоборот: все плясали от воспроизводимых и измеримых результатов, а не от эфемерного и слабо предсказуемого случая.

Не обошёл я вниманием и своих знатных одноклассников, которые, судя по всему, обо всём этом знали уже давно. Аристократы слушали со сдержанной вежливостью. Были и те, кто откровенно скучал, занимаясь чем угодно кроме конспектирования.

Простолюдины же, напротив, ловили каждое слово лектора с жадностью людей, наконец-то дорвавшихся до источника проверенных, однозначно полезных знаний. Они записывали всё подряд, заполняя листы тетрадей вчетверо быстрее самых увлечённых аристократов.

А Мортимер тем временем закончил с общим экскурсом по терминам, плавно и изящно пересобрав проекцию в объёмную, повисшую в воздухе модель громоздкого, угловатого агрегата, похожего на откормившийся на дармовых харчах паровой котёл.

– Шестьдесят семь лет назад группа инженеров во главе с Сириусом Вайзенгольмом представила первый работающий интерфейс. Он занимал целую комнату... да, модель представлена в масштабе один к трём, – он кивнул на иллюзию, отойдя в сторону. – Данный катализатор требовал для своего функционирования столько энергии, сколько безопасно способна выработать небольшая электростанция. Именно отсюда, дамы и господа, началась эра управляемого эрикса. С вот этого вот непримечательного, почти кустарного изделия... Да, юноша?

Мортимер взглядом выцепил незнакомого мне парня, поднявшего руку.

– Скажите, профессор, известно ли что-то о том, гражданином какой страны был Сириус Вайзенгольм? – шепотки если и имели место быть, то сейчас они как-то разом стихли. – В том смысле, что в открытых источниках данных нет. Фамилия косвенно указывает на западные провинции Старой Империи, но...

– Я понимаю, о чём вы, молодой человек, – Мортимер как-то резковато кивнул. Вдохнул, убрав руки за спину. – Сириус Вайзенгольм или, как ещё иногда читают его фамилию, Вайзенгольм, действительно родился на территориях Старой Империи. Но за всю жизнь Вайзенгольм успел успел осесть в восьми разных государствах. То были смутные времена, когда честному исследователю и инженеру приходилось искать место поспокойнее каждые год-полтора. Конкретно первый катализатор был им создан в королевстве Золиотто, которое спустя два месяца с обнаружения катализатора исчезло с политических карт, пеплом осев среди десятков таких же стран-однодневок. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Всецело, профессор. Благодарю, – студент довольно глубоко поклонился, сев обратно. А Мортимер как ни в чём не бывало продолжил снова энергичным и притягивающим внима-

ние тоном, описав этапы становления катализаторов, проведя наглядное сравнение их возможностей и выделив проблемы, возникающие из-за самой сути устройств – воплощения задуманного.

Ближе к концу пары, начав принимать вопросы от слушателей, профессор заговорил о рекордах чистоты образа среди первых операторов эрикс-искусств, и по какой-то причине в этот момент я ощутил на себе несколько взглядов.

«Затворнические, Сориар и... непонятно, кто, впервые вижу эту парочку» – подумал я, мимоходом, якобы разминая шею, мазнув взглядом по восседающим в другой части аудитории блондинам – высокой и статной девушке с не менее статным парнем. Не иначе как их из одного котла кормили, чтобы добиться такой по-настоящему богатерской стати.

От и до лекция продлилась всего полтора часа, и Мортимер отпустил нас, задав «домашнее задание» – прочесть и основательно изучить первые три главы соответствующего учебника.

Никаких звонков, оповещающих о конце занятия, предусмотрено не было, так что профессор отпустил всех лично и с небольшой задержкой.

Аристократы потянулись к выходу, а вот простолюдины мигом сбились в одну могучую кучку, принявшись обсуждать всё услышанное и в особенности то, что они узнали благодаря инициативе задающих вопросы аристократов.

– Ну что, – раздался рядом голос Эльзы, сладко зевнувшей, – живой?

– Вполне, – я поднялся. – Мне понравилось. Всё систематизировано и по делу, а уж как он отвечал на вопросы...

Эльза хихикнула, прикрыв рот ладошкой:

– Я вообще думала, что он скажет Норму что-нибудь нелестное. Обычно вопрос о происхождении создателя первого катализатора стараются не поднимать – слишком щепетильная тема, – она поймала мой взгляд, играючи прочитав в нём отблеск непонимания. – Старые ошибки, приведшие к утечке ценных кадров. Никто не любит об этом вспоминать.

– В те годы искусственных «белых пятен» в принципе в достатке, – согласился я, выходя вместе с Эльзой в коридор. – А дальше у нас, хм, практика. И... окно в три часа. Какая прелесть...

Я перевёл взгляд на девушку, но та покачала головой:

– Прости, но у меня встреча с леди Корнель. Я только к практическому занятию и освобожусь, – вздохнула она, посокрушавшись о своей занятости со всей искренностью, которую могла себе позволить в отношении любимой наставницы.

– Ничего. Увидимся на практике, Эльза. Если что – пиши...

Мы раскланялись, и я проводил девушку взглядом до лестницы, на которой та скрылась, перескакивая ступеньку через две.

С Виктором и Громовыми мы договорились встретиться на следующей паре, после чего я вышел на улицу и двинулся в сторону мужского общежития – хотелось оккупировать библиотеку, чтобы провести эти часы с пользой.

«И всё-таки, что за таинственный гений составлял расписание для первокурсников? Кто-то решил, что первая лекция как меч-кладенец, после себя одни пеньки оставит вместо новоявленных студентов? А мне теперь дробить расписание. Нет, чтобы свалить все занятия в одну кучу и оставить вечер свободным...».

Втягивая носом приятные ароматы летней растительности, обильно напитавшие собой свежий воздух, я свернул на центральную аллею, рассчитывая срезать.

И на полпути наткнулся на одинокую фигурку, сидящую на скамейке.

Виктория Затворницкая сидела, сбросив туфли, подобрав под себя ноги и ссутулившись над экраном планшета. Меж пальцев она вращала стилус, но делала это как-то сбивчиво, рвано и нервно.

Я притормозил, памятуя о словах Александра. Не о его «за что», а о просьбе не воспринимать её нападки всерьёз. Ну а её реакцию я видел и так – она даже после танца рядом с принцем сидела, как на иголках, старательно глядя куда-то в сторону.

«Надо ли оно мне? С одной стороны, она – Затворницкая, потенциальный если не союзник, то нейтрал. И кузина Александра при том. С другой, мне и без того не хватает времени на всё про всё, но... ладно, на десять минут максимум» – я беззвучно вздохнул, почему-то подумав о том, что в прошлой жизни я состоялся как маг лишь в обучении и наставлении.

И в этой меня прямо-таки тянет к тому, чтобы напроситься к кому-то с непрошенным советом. Прямо как людей, которые меня когда-то жутко бесили.

– Леди Виктория, – я остановился в паре шагов от скамейки. – Позвольте присесть?

Она вздрогнула, подняв голову. Прищурилась, и за считанные мгновения ошетибилась всем своим естеством.

– Господин Лазарь, – её голос прозвучал крайне сухо. – Чем обязана? Хотите обсудить моё поражение? Дать пару советов проигравшей?..

«М-да. Взяла и всю логику беседы поломала, негодяйка».

– Можно сказать и так, – я кивнул, опустившись на противоположный край скамьи. – Но я хотел посоветовать кое-что не проигравшей, а... достойному сопернику. В качестве попытки уладить конфликт, возникший между нами.

Виктория поджала губы. Отвечать она не спешила, но и прогонять меня – тоже.

– Я не буду расхваливать то, что получилось, или указывать на совсем очевидное. Просто дам совет, – продолжил я, осторожно подбирая слова. – Ваша амбициозная иллюзия имела всего один большой недостаток – разнообразие. Удержать в голове множество отличных друг от друга, подвижных объектов, созданных в одно мгновение, задача непомерно сложная даже для опытных операторов эрикс-искусств. Люди получились «кляксами» не от недостатка таланта, а из-за недостаточной оптимизации. Я заметил, что вы вцепились в эту слабую сторону получившегося воплощения, и уже после этого всё посыпалось. Ошибка в подходе, леди.

– И какой же подход предложите вы? – Виктория подняла голову, задав вопрос тоном, полным одновременно настороженности, недоверия и любопытства.

– Простой, – я чуть улыбнулся. – Если не отказываться от масштабов и разнообразия, то стоит сосредоточиться на развитии стабильности потока разума. Суть предельно проста и, очень вероятно, вы уже где-то слышали об этом методе. Берётся что-то знакомое, любимое, то, что вы знаете вплоть до мельчайших деталей. Брошь, кольцо, кулон – что угодно. Материализуйте это в точности и держите при себе. Не на себе, – я чуть повысил тон, – это опасно, если потеряете контроль. А в сумке, например. Пусть это что-то будет с вами как можно дольше. Час, два, десять, шестнадцать. Занимайтесь другими делами, а оно пусть остаётся.

– И что это даст? – брюнетка скептически приподняла бровь.

– Не сразу, но вы привыкнете поддерживать образы, даже не концентрируясь на них в моменте. Это сгладит последствия всплеск эмоций или, допустим, боли. Чем дольше вы сможете удерживать объект, тем лучше, – пояснил я, наконец-то почувствовав, что меня внимательно слушают. – Когда вам спустя время сойдёт концентрация, воплощение не начнёт разваливаться, как случилось в нашем состязании. У вас будет «окно», за которое можно успеть подхватить упущенную технику. Это не сделает вас безусловным гением уровня Александра, но сильно поможет в будущем.

«Особенно важно это для кого-то эмоционального. Шутка ли – метод тренировок, в лице необходимый каждому третьему магу? Спокойными бывают не все, а ошибаться из-за гнева, печали, радости или даже тычка по рёбрам не нравится никому».

Виктория задумчиво хмыкнула, отведя взгляд куда-то в сторону. Опустила ноги, нащупав стопами туфли.

– Александр говорил о том, – начала она тихо, – что с вами, господин Лазарь, не стоит конфликтовать. И я... должна извиниться перед вами за своё дурное поведение. Прошу прощения.

– Я принимаю извинения, леди, – я кивнул, поднявшись со скамьи. Поправил полы пиджака. – Экзамены – нервная пора, как-никак. Надеюсь, мой совет вам поможет.

– Я не обещаю, что последую ему, – неуверенно бросила девушка, совладав с застёжками на туфлях.

«Всё ещё сопротивляется. Как... забавно».

– Этого и не требуется. Достаточно того, что вы меня выслушали, леди Виктория. Хорошего вам дня.

Я развернулся и двинулся прочь, в направлении общежития. Не оглядывался, просто понадеявшись на то, что она извлечёт из услышанного урок в обоих смыслах, а эта ненужная конфронтация сойдёт на нет.

«Было бы славно разобраться со всеми мелкими проблемами в первые же дни» – подумалось мне перед тем, как густые заросли лишили меня даже теоретической возможности обернуться и посмотреть, чем занята эта странная девица, а первый настоящий учебный день закружил меня в водовороте предельно скучных по сути, но познавательных в целом событий.

После перерыва, который я посвятил изучению родословных аристократии Первой Империи и «наших» родственников во вражеских государствах, последовало практическое занятие.

Там ничего серьёзного или даже просто интересного не давали, но мне любопытно было посмотреть на студентов в не слишком стрессовых обстоятельствах.

Попутно подтвердился тот факт, что простолюдины действительно плохи в практическом использовании эрикс-искусств, потому как нахватались по верхам, и не имеют за своими навыками хорошего фундамента. Дело поправимое, ведь даже на практическом занятии профессор давал знания с самых-самых азов, и никуда особо не торопился, но сам факт подтверждал не самые радужные мои предположения касательно доступности информации.

После практики и обеда нам заботливо поставили ещё пару пар по истории Первой Империи и истории Эрикс-Искусств, – смертельное комбо для человека, который откровенно плавал в обеих темах, – и только после всего этого ужаса отпустили на свободу.

За ужином наша компания собралась в полном составе в дальнем углу общего зала – Виктор прибыл сюда первым, предусмотрительно уйдя как можно дальше ото скопления людей. Дима, Лиза, Виктор, Эльза и я с комфортом расположились за длинным столом, обложившись яствами всевозможных видов, и теперь неспешно обсуждали последние события, орудуя вилками, ложками и ножами.

– Эта женщина не оставляет мне выбора, – произнёс блондин страдальческим тоном, демонстративно насадив кусок пирога на вилку. – Сегодня после обеда я нашёл у себя на столе записку. Приглашение на чай. И где нашёл? В собственной комнате! Запертой!

– А от кого записка-то? – ехидно уточнила Лиза, блестящие глаза которой с головой выдавали её осведомлённость.

– Мариэллы Озмунд, будь она неладна, – простонал Виктор. – Она пишет, что «надеется на продолжение нашей увлекательной беседы». Какой беседы?! Я сделал три комплимента, спросил про погоду и третий этап, а после сбежал!

– Три комплимента – это практически предложение руки и сердца, дорогой кузен, – совершенно спокойно заметила Эльза, разделявая ножом кусочек курицы в сливочном соусе. – По меркам герцогских дочерей, конечно же.

– Ц-ц-ц. Тебе-то откуда знать? – возмущился парень, подняв взгляд.

– Потому что я тоже герцогская дочь. Ну, почти. Плюс-минус несколько ступеней по иерархии...

Виктор обречённо откинулся на стену, спрятав лицо в руках:

– Хоть ты не издевайся, дорогая кузина, а? Я правда не знаю, как ещё отказать, не усугубив ситуацию...

– А зачем отказывать? – Громов подался вперёд. – Соглашайся, да шагай вперёд и с песней, Вик. Сам посуди: что ей от тебя надо пока совершенно неясно. Может, она вообще хочет тебя проучить? Тогда ты просто дай ей то, что она хочет, и все будут жить счастливо.

– Или умрут в один день, – вздохнул Шталь театрально.

– Пф-ф, – Эльза фыркнула. – Больно ты нужен дочери целого герцога, Вик, чтобы с тобой в один день умирать. Чего тебе стоит ещё немного полицейничать? Ты и так полжизни только и делаешь, что притворяешься. Никто не заметит подставы...

– Фи, «подставы»? Что за вульгарные словечки? – Виктор ужаснулся демонстративно. – Лекс, это ты так дурно влияешь на мою дражайшую родственницу?

– А что сразу Лекс-то? – я поднял голову, оторвавшись от супницы. – Я вообще самый благородный, честный и воспитанный человек в этой академии. Выше меня только, может, Его Высочество. И Эльза, – торопливо добавил я, почувствовав фантомную боль в рёбрах.

– То-то же, – отозвалась рыжеволосая аристократка, поправив блузку. – И вообще, Виктор Шталь, ты уже не маленький. Наделал делов – будь добр держать ответ как мужчина.

– И ты, Брут...

В процессе истребления продуктов Громов как-то между делом упомянул о том, что Белль Сориар предложила ему присоединиться к клубу «точных конструкций», который организовал её родственник при поддержке аж двух наставников.

И этого оказалось достаточно, чтобы фокус с еды вновь сместился на ранее вялотекущий разговор:

– Это что-то вроде моделирования, но с акцентом на воплощении механизмов и электроники, – пояснил он. – Ну, функциональный калькулятор из ничего и всякое такое.

– Звучит интересно, – не удержался я, сменив суп на чашечку салата. – Такое вполне может пригодиться. А как далеко они заходят знаешь?

– Не-а, – Дима покачал головой. – Схожу, погляжу, чего покажут. Если всё ограничивается чем-то примитивным, то откажусь, пожалуй...

– Смотри, чтобы Белль не завербовала тебя в свой фан-клуб, – усмехнулась Лиза, многозначительно поиграв бровями.

Громов поперхнулся чаем:

– Какой ещё фан-клуб?

– Имени светлого лица Белль Сориар, конечно же, – с готовностью пояснила брюнетка. – Неспроста она провожает тебя взглядом каждый раз, как видит. Небось, уже наметила всё по пунктам. А у таких всё просто: вижу цель – не вижу препятствий...

– Она просто интересуется военным направлением, – буркнул парень, опустив взгляд в тарелку.

– Угу, интересуется, – Лиза улыбнулась, отложила столовые приборы и перевела взгляд на меня. – А ты что молчишь, Лекс? Как твоя рука?

– В норме, – я пожал плечами. – Эльза подтвердила, что всё заживает своим чередом. И если я не буду делать глупостей, то, может быть, даже доживу до выпуска...

– Если ты будешь говорить всякие глупости, – Шталь наклонилась ко мне, прищурившись, – то ты и так до него не доживёшь, Лазарь.

Лиза хихикнула, но комментировать не стала. Воздержались и парни: Виктор традиционно изобразил из себя мебель, а Громов явно не горел желанием подставляться под удар сразу двух скорых на расправу язв – родной и не совсем.

– Значит, всё хорошо? – Лиза, закономерно, не «сменила цель». – Тогда почему ты не записался ни в один клуб? И вообще молчишь, как рыба, не обсуждаешь почти?

– Потому что я присматриваюсь, – я промокнул губы салфеткой. – Мне пока хватает базовой программы. И... есть кое-какие планы помимо клубов.

– Тай-и-инстинвенные планы, – протянул Виктор, прищурившись. – Это звучит как начало какой-нибудь интриги. Лишь бы не интриж... КХМ!

От меня не укрылось стремительное движение одной изящной ножки под столом, доставившей Виктору несколько неприятных секунд. Он поморщился, с обидой глянув на кухню, и сменил тему:

– Ладно уж. Раз речь зашла о серьёзных делах... все слышали про ноту от Федерации?

Я поднял взгляд. Дима и Лиза напряглись, а Эльза прищурилась.

– Ответная нота, – уточнил Брюнет. – Пришла накануне. Федерация Независимых Городов в очередной раз отрицает причастность к теракту и, ха, призывает нас «пересмотреть внутреннюю политику в отношении народных масс». Мол, смягчите свои законы, мерзкие угнетатели, и мы сможем начать диалог...

– Они совсем страх потеряли, – процедила Лиза, до белизны сжав кулаки. – После того, что случилось, они ещё смеют диктовать нам, как жить?

– Нота составлена дипломатично, – возразил Громов. – Никаких прямых угроз. Но сам факт – это уже звоночек. Они считают, что после терактов мы ослаблены.

– Ну или хотят проверить, действительно ли мы ослаблены и поддадимся, – веско заметил Виктор. – Я слышал, что вокруг наших границ особенно неспокойно. Федерация – только один сосед из десятка тех, кто упрямо точит на нас зуб.

Эльза, до этого молчавшая, отставила в сторону бокал с пуншем.

– Империя сейчас на пике силы, – произнесла она уверенно. – Никакие «независимые города» не могут и не должны нам указывать. Я не знаю, каким слепцом надо быть, чтобы смотреть на нас – и видеть какую-то там слабость.

Говорила девушка чётко, с ноткой искренней высокомерной убеждённости, впитанной с молоком матери. Дочь барона выросла в твёрдой уверенности, что Империя – это лучшая форма правления из возможных, а мягкость к черни – непозволительное проявление слабости.

А Виктор тем временем перевёл взгляд на меня.

– А ты что думаешь, Лекс? Какова позиция Лазарей по... ну, всей этой ситуации?

Я на мгновение замешкался, перебирая в голове варианты ответа.

Что я знал о позиции Лазарей? Почти ничего. Во время семейного ужина отец дал кое-какие намёки и предостережения, но всё это касалось внутренних конфликтов. Лазари были промышленниками, которые с самого своего становления в политику лезли ровно настолько, насколько это требовалось для защиты рода.

«Такова известная мне доктрина нашей фамилии. И я даже не знаю, что должно произойти, чтобы это изменилось».

– Делами рода я интересуюсь постольку-поскольку, – произнёс я наконец. – Три года в отрыве от полезных дел сказываются. Поэтому не могу сказать ничего конкретного.

– А от себя? – Виктор продолжил настаивать.

Я же откинулся на стену, тщательно взвешивая пляшущие на языке слова.

– От себя... я считаю, что в тяжёлые времена прогибаться под инициативы извне опасно. Сначала нужно дождаться, пока всё успокоится. Теракт внутри страны, напряжённость на границах – факторы, провоцирующие принятие неверных решений. Вот когда стабилизируем обстановку и поймём, кто реально за этими нападениями стоял – тогда и можно будет рассмотреть эти, кхм, «ноты». Но не раньше.

Я говорил намеренно обтекаемо, и, кажется, это сработало. Мои слова прозвучали достаточно консервативно для аристократического ума: никто не уловил в них ни критики Империи, ни сомнений в текущем курсе. Лишь благоразумный призыв к сдержанности, с которым я совершенно не покривил душой.

– Золотые слова, – кивнул блондин, улыбнувшись. – Я примерно того же мнения. Сначала главное, а мелочи можно на потом оставить.

– Ладно, политика – политикой, но такими темпами мы просидим тут до полуночи, – Эльза поднялась первой. – Лично мне завтра к восьми вставать. И некоторым здесь, – она выразительно посмотрела на меня, – тоже. Леди Корнель хотела лично осмотреть твою рану, Лекс. Я могу попросить тебя о таком одолжении?..

И снова Эльза впопыхах изменила ультимативности своих слов.

– Не вижу в этом ни малейшей проблемы. Друзья, – я встал, поправив пиджак и взяв в руки подносы, свой и Эльзы. – Спасибо за содержательную беседу, но нам и правда пора уже расходиться. Я хотел ещё кое-что перед сном прочесть...

На такой ноте мы и разошлись.

Я, как и до этого, проводил Эльзу до общежития, после чего сделал крюк и через центральную, а не «общажную» библиотеку вернулся в комнату.

Последняя встретила меня тишиной и мягким светом настольной лампы, которую я забыл выключить. Я разделся, принял душ, накинул «домашнюю» рубашу со свободными штанами, поправил повязку и, вооружившись планшетом, устроился за столом.

Но мысли, как ныне бывало очень уж часто, – гормоны, что ли? – упрямо текли не в ту степь.

Виктория своей сегодняшней растерянностью и сдержанностью напомнила мне не абы кого, а некоторых моих учеников из той, прошлой жизни. Талантливых, но гордых и не умеющих просить о помощи. Которые после первой же серьёзной неудачи замыкались в себе, видя во всём мире врагов.

Для Альтаира, Сайруса наречённого решение таких проблем было обыденностью – мало какие юные маги миновали эту стадию своего становления... или мне неизменно попадались вот такие, тяжёлые случаи.

Важно другое: эта встреча с Затворницкой, «урок» для Алисии в поезде, грядущие лекции для простолудинов... всё это было тратой времени с точки зрения логики, но воспринималось мной не иначе как мостик между тем, кем я был когда-то, и кем я становился теперь.

«Старый багаж, который я, казалось бы, бросил по ту сторону реки, вдруг нагнал меня и впечатался ручкой точно под коленную чашечку. Что это, если не намёк мироздания? А намёки нужно уметь понимать, иначе всё может закончиться очень дурно».

Я хмыкнул этим своим мыслям, и потянулся к браслету. Перед сном снял академический, убрал в полку стола – и надел свой, подаренный отцом. Материализовал несколько капель металла, покружив ими в воздухе. Развёл эти техники и взял в руки телефон, отправив единственное сообщение:

«Спокойной ночи, Эльза».

Ответ пришёл почти сразу:

«Спокойной ночи, Лекс. Не засиживайся допоздна».

– Пф-ф, – я фыркнул, отложив телефон и погасив лампу. Откинулся на прохладную подушку, шумно выдохнув. И закрыл глаза.

«Всё – завтра. Важные решения не принимаются на ночь глядя, так или иначе».

И всему миру снова придётся подождать.

Глава 5. Тени прошлых лет + Интерлюдия 1.

– Ты сегодня рано, – я махнул рукой Виктору, каменным изваянием застывшему у доски с расписанием.

«Бледный, однако».

– Почти не спал, – буркнул блондин в ответ, массируя виски. – Эта надоедливая женщина мне уже снится. Буквально.

– Мариэлла? – мы поравнялись, двинувшись к выходу из холла.

– Нет, блин, комендантша! Конечно, Мариэлла, – он трагически, не скрывая своего актёрского таланта, вздохнул. – Я начинаю думать, что единственный способ от неё избавиться – это, действительно, дать ей то, чего она хочет. Чем бы это ни было...

– Так и есть, друг мой, так оно и есть, – я хмыкнул, похлопав его по плечу. – Видишь же, что просто не будет. И, как и говорил Дима, вряд ли дочь герцога на тебя нацелилась всерьёз. Может, она только и делает, что ходит вокруг и хихикает, наблюдая за тем, как ты мечешься?

– Хотелось бы верить, Лекс. А то этот невинный флирт и «секретное знание» могут слишком дорого мне обойтись, – он сокрушённо покачал головой.

Дальше мы покинули холл и, болтая обо всём подряд, двинулись в сторону центрального корпуса – первая на сегодня пара снова была там. И хоть формально я общался с Виктором по пути, это не мешало мне размышлять о делах своих скорбных.

Кризенфорты.

Вчера вечером я пытался понять, что за отъевшиеся на безлимитных белках и углеводах блондины так недобро на меня смотрели... и наткнулся на эту фамилию в списках Первой Сотни.

Заметил знакомые черты на портрете их главы, проверил фото в сети – и вуаля.

Астрид и Ян Кризенфорты, – близнецы из враждебной Лазарям семьи, – на моём потоке.

«Бинго, что б их прокляло и не сразу отпустило».

Тогда, за столом в «Золотом Фазане», отец назвал несколько фамилий, с которыми стоило быть настороже. И Кризенфорты возглавляли список. Отпрыски графского рода, по влиянию сопоставимого с Лазарями. Наши конкуренты на поприще производства катализаторов, пусть и с интересами, лежащими в военном направлении.

«Они – наши «враги», а не просто бизнесмены из той же сферы. Финансовые столкновения и попытки подвинуть друг друга, со слов отца, происходят регулярно. И о затишье никто даже не думает» – мысленно вздохнул я. – «И самое неприятное тут то, что Кризенфорты славятся тем, что они не рубят с плеча. Они – промышленники. Их сила заключается в связях и интригах, которым я пока мало что могу противопоставить просто по факту отсутствия необходимых знаний и контактов среди аристократии. Паршиво? Даже очень. Было бы проще, попытайся они мне набить морду... Но имеем то, что имеем».

Здравый смысл подсказывал, что мне нужно просто держаться от них подальше, во избежание. А вот чуйка считала подобный исход чем-то невозможным, и в таких вопросах я ей был склонен доверять.

«Если они – наши противники, то почему поглядывают на меня так, словно я им лично что-то сделал? В публичной плоскости Лександр с ними не пересекался, иначе я бы нашёл соответствующие статьи. Обида, нанесённая наедине? Или им дали отмашку старшие родичи, и внимание это продиктовано тем, что они во мне видят цель?».

Я пересёкся взглядами с Яном Кризенфортом, расположившимся на пару рядов ниже. Аудитория, в которой должна была пройти пара по истории, оказалась той же, что и вчера, но теперь я со своими заклятыми друзьями сидел «вровень» – на одном ряду, но по разные стороны.

И внимание этих блондинов то и дело перетекало на меня, суля скорые проблемы.

Чаще всего на меня смотрела Астрид Кризенфорт – высокая, статная, фигуристая блондинка скандинавской внешности. И взгляд её был не заинтересованным и не оценивающим, а, скорее, тяжёлым.

Как будто она смотрела сквозь меня, да только за спиной моей стена находилась.

Ян – другое дело. Он демонстративно меня игнорировал, старательно не глядя в мою сторону. И это настораживало как бы не сильнее – очень уж внушительным парнем он казался. Выше меня и, вероятно, выше Александра. Шире в плечах. С лицом, будто бы топором вырубленным из камня, и с угрожающей синевой в глазах.

«Пока просто наблюдаю», – напомнил я себе. – «Пока они не дали повода – ты сам не лезешь, Лександр Лазарь».

А лекция всё тянулась. Профессор Бран, сухой и желчный старик, помешанный на истории Первой Империи, медленно и монотонно пережёвывал первые главы учебника, вызывая зевоту даже у полнящихся энтузиазмом простолюдинов.

Студенты вокруг шептались, кто-то рисовал в тетрадах, кто-то спал, кто-то готовился к другим предметам. Я же честно и до самого конца вникал в материал, потому как именно история была моей слабой стороной.

Конспект ширился, и в какой-то момент я начал переносить на бумагу содержимое второй и третьей глав учебника. И продолжал до тех пор, пока профессор нас не отпустил – минута в минуту, прервавшись на половине зачитываемого им абзаца.

«Итак, что же вы будете делать, дорогие мои?» – я удерживал на периферии зрения обоих Кризенфорт.

Ян поднялся первым, поправив ремень и сопроводив сестру к выходу, да там и оставшись в ожидании. Студенты покидали аудиторию, а я всё сидел. Профессор собрал свои бумаги и планшет, а я продолжал заседать на месте, ковыряясь в конспекте.

И только когда Ян, не выдержав, сам двинулся ко мне, отмахнувшись от попытки родственницы его удержать, стало очевидно: конфронтации быть.

Он остановился в проходе между рядами, перекрыв единственный путь к выходу. Широкие плечи, расправленные так, чтобы казаться ещё больше. Взгляд – прямой, цепкий, наглый и предвкушающий.

А вот Астрид замерла у двери, прижав к груди планшет и явно не собираясь вмешиваться.

– Господин Лазарь, – звучный, басистый голос Яна прозвучал громко и с расчётом на невольных зрителей. Не все студенты успели покинуть аудиторию, а кое-кто даже обернулся. – Я смотрю, ваш род наконец-то нашёл доказательство тому, что всякий брак можно исправить...

Я демонстративно вздохнул, медленно закрыл тетрадь и неспешно, даже лениво, – было у кого подучиться, – поднялся. Посмотрел на Яна сверху вниз – он был выше сам по себе, да только места для слушателей в аудитории были приподняты над проходами между рядов.

«Мелочь, но дьявол кроется в деталях».

– Господин Кризенфорт, – произнёс я с интонацией, которая когда-то заставляла бледнеть аристократов куда солиднее этого юнца. Ледяная но доброжелательная вежливость – редкий и рабочий коктейль. – Я искренне ценю ваше внимание к делам моего рода. Отрадно знать, что даже наши прямые конкуренты на рынке катализаторов так пристально следят за успехами Лазарей. Это, бесспорно, делает вам честь.

Я выдержал небольшую паузу, сунув тетрадь в сумку. Чуть наклонил голову:

– Но ваше ко мне внимание чрезмерно. А теперь прошу меня извинить, на следующее занятие я предпочту не опаздывать.

Шаг вперёд – и Яну пришлось посторониться, избегая столкновения. Он отступил всего на шаг, но я смог спокойно пройти мимо.

– Ты ещё пожалеешь, Лазарь, – тихо процедил он мне в спину.

Я же спустился вниз, к дверям, туда, где всё ещё стояла хмурая, как осенняя туча, Астрид. Наши взгляды на секунду встретились, и я снова заметил то же самое, что ощущал ранее, на этой и предыдущих лекциях. Не просто презрение, а что-то, затаившееся намного глубже. Сожаление? Ненависть? Нет.

«Обида. Застарелая. И почему я не удивлён?».

Я неглубоко ей кивнул, вежливо улыбнувшись, – всё ещё надеясь на то, что всё хотя бы на пятьдесят процентов удастся свести в нейтралитет, – и прошёл мимо. И прежде, чем я свернул к лестнице, за спиной слышались торопливые шаги – блондинка направилась к брату, и даже начала ему что-то выговаривать.

Но слов было не разобрать, и я, не сбавляя шагу, достал смартфон и поспешил покинуть этаж.

Контактная книга, порядком располневшая за эти две недели, послушно выдала нужного человека.

«Родерик, мне нужно твоё видение относительно рода Кризенфорт. Конкретнее – по Астрид и Яну, близнецам. Оказались на моём потоке. Максимально общий взгляд со стороны на случай, если я что-то упускаю из виду. Заранее благодарю, это важно».

Сообщение ушло получателю, а я вернул смартфон в карман. Впереди было ещё три пары, и я надеялся на то, что у Императорского гвардейца и наследника Лазарей найдётся время на то, чтобы сегодня мне ответить.

[Интерлюдия 1].

Астрид Кризенфорт подошла к брату не сразу.

Сперва она дождалась, пока стихнут шаги последних зевак, после чего материализовала тяжёлый засов, заперев тяжёлую дверь аудитории. Только после этого девушка позволила себе заговорить – тихо и сухо, с недовольным звоном, эхом отдающемся в воздухе.

– Ян, – она вскинула подбородок. – Объясни мне, что это было.

Парень стоял, прислонившись плечом к стене, скрестив руки на груди и глядя в пол перед собой. Его пальцы, сжимающие собственные предплечья, побелели от напряжения, а в синеве глаз плескалась чернота грядущего шторма.

– Ты и сама видела, Асти, – буркнул он спустя пару секунд.

– Я видела лишь, как ты, наследник нашей фамилии, чуть было не устроил публичный спектакль ради одной-единственной колкости. И даже ответа на самую очевидную его реакцию не предусмотрел! И что в итоге? – Астрид шагнула ближе, цедя каждое слово. – Он тебя выставил идиотом, Ян. Вежливо и спокойно. Ты этого добивался?

– Я добивался хоть чего-то! – Ян отпрянул от стены, развернувшись к сестре. В его голосе зазвучало то, что он старательно сдерживал на людях: обида с яростью пополам. – Три года, Астрид! Три года мы делали вид, что ничего не произошло. Что всё в порядке. Что ты не осталась с неясным будущим из-за никчёмного пьяницы, который...

– Ян...

– ... который даже не пьяница! – Кризенфорт не дал себя перебить. – Мы все, Асти, все поверили в эту сказку! В то, что талантливый отпрыск, подающий большие надежды, вдруг взял и спился за год! И именно тогда, когда наши семьи почти ударили по рукам! А теперь он стоит перед Императором, обменивается любезностями с наследным принцем, вылетает из рейтинга потому, что он, сука, слишком хорош, а на нас смотрит так, как будто мы – пустое место!

Он вдохнул глубоко и рвано, отчаянно пытаясь удержать себя в руках хотя бы потому, что срываться на и без того пострадавшей сестре он не хотел.

– Это была подстава, Асти. Лазари просто не хотели этого союза, устроив фарс. Вместо того, чтобы отказать прямо, они вынудили нас самих разорвать договорённости. И у них полу-

чилось, – Ян шумно выдохнул носом. – Получилось обставить всё так, словно мы сами винюваты во всём.

– Ты не знаешь этого наверняка, – наконец произнесла девушка спустя несколько секунд.

– Я? Я – знаю. Знаю потому, что Лазарь сегодня даже бровью не повёл, столкнувшись с нами. И он совсем не похож на человека, который три года кряду прозябал на дне и заливал какие-то свои проблемы алкоголем, таская в дом знатных шлюх, – блондин отвёл взгляд, вновь подперев плечом стену. – Зато он похож на того, кто прекрасно знал, что делает. И сейчас он изображает из себя святого. «Всё замечательно, если сделать вид, что ничего не было» – его нынешний девиз.

– Это всё равно уже ничего не изменит, Ян, – голос Астрид стал ещё тише и ещё равнодушнее. – Что бы ты ни сделал, время назад не отмотаешь.

– Я просто хочу, чтобы он признал всё. Хочу увидеть в его глазах хотя бы тень вины. Потому что то, что они сделали... это уже не политика, Асти. Это подлость. А за подлость нужно отвечать, – Ян неопределённо дёрнул головой, подняв взгляд в потолок. – Мы были с ними честны. Наш дед выступил инициатором этого союза, доказав серьёзность намерений Кризенфортов самым решительным образом. Лазари могли отказаться. Могли, но не сделали этого, предпочтя ударить таким вот образом...

В аудитории повисла вязкая тишина, разорвать которую, казалось, не могло ничто.

– Ты думаешь, я этого всего не понимаю? – Астрид вздохнула, подойдя к брату. – Думаешь, мне легко? Но то, что ты сделал сейчас – это не ответ. Это то, чего они, возможно, и добились. Выбить нас из равновесия. Заставить ошибаться. Но Кризенфорты так не действуют.

– А как тогда мы действуем? – лицо парня исказила горькая, злая усмешка. – Бьём интригами и подковёрной вознёй, как наставлял отец? Но я не хочу ждать, Астрид. Потому что чем дольше мы просидим вот так, пытаясь отмыть лицо от грязи, которой нас окатили, тем крепче станет его положение.

Астрид долго смотрела на брата, прежде чем устало выдохнуть:

– Всё, чего я прошу, Ян, – она поймала его взгляд. – В следующий раз думай головой, а не сердцем. Мы не можем ошибиться снова. Ты не можешь ошибиться, наследник.

Ян ничего не ответил. Просто зажмурился на пару секунд, взял сестру под локоток и двинулся на выход, мимолётным движением отперев засов – ему не нужно было даже создавать металл, который и без того везде был с ним.

Я медленно отложил телефон, чувствуя, как в висках начинает пульсировать знакомая, тупая боль – предвестник затяжной мигрени.

– С каждым днём шлейф твоего прошлого, Лазарь, грозит меня доконать со всё большим шансом, – прошептал я себе под нос, задёрнув шторы плотнее и опустившись обратно в кресло. Закрыв глаза, откинувшись на спинку.

Родерик ответил не сразу. Очень не сразу. Прошёл весь день, и я уже сидел в своей комнате, когда он наконец освободился от службы и прислал целое полотно текста – развёрнутого, структурированного, по-военному чёткого.

И чем дальше я заходил в прочтении этого «письма», тем менее приятным становился вечер.

Суть сводилась к тому, что три года назад, ещё до того, как Лександр Лазарь пустился во все тяжкие, Альберт Лазарь вёл с Кризенфортами переговоры о заключении соглашения о намерениях.

О предварительной помолвке Лександра с одной стороны, и Астрид – с другой.

Это должен был быть масштабный союз, подобные которому заключаются раз в десятилетие – не было принято в Империи объединять активы фамилий. А тут гражданское производство Лазарей и военные контракты Кризенфортов имели все шансы органично дополнить друг друга, ведь впервые за годы активная фаза противостояния этих фамилий чуть поутихла, открыв дорогу для переговоров.

Прекращение торговой войны, выход на новые рынки, укрепление позиций в Первой Сотне – это буквально был политический брак, о котором мечтает любой расчётливый глава семьи.

«И который Лександр благополучно и с полной самоотдачей пустил под откос», – я открыл глаза, уставившись в потолок.

Когда мой «предшественник» начал свой путь на дно, Кризенфорты не стали сразу же рвать все договорённости. Они сначала терпели, потом – предложили сменить «жениха» на другого сына Альберта, но получили отказ.

Итогом стал разрыв соглашений с довольно унижительными формулировками – по сути, пощёчиной, демонстрирующей отношение Кризенфортов к такому «жениху». На публику никто скандал не выносил, ведь всё оставалось в рамках устных, предварительных договорённостей.

«Но это не значит, что по итогу никто не пострадал от отсутствия официальных договоров».

Для Астрид Кризенфорт срыв помолвки стал катастрофой. На момент финала этой эпопеи ей было пятнадцать – возраст, в котором каждая вторая аристократка уже год как помолвлена, а оставшиеся «одиночки» – это или те, кому договорной брак не сулил ничего хорошего, или те, чьи родители имели возможность и желание дать дочери выбор в зрелом возрасте.

Так или иначе, но дед Астрид сделал ставку на партию с Лазарями. А когда соглашение оказалось разорвано, самые перспективные кандидаты среди прочих уже были прибраны к рукам кем-то ещё.

Астрид осталась с кругом потенциальных женихов низкого пошиба, а шансы девушки на равноценный брак резко упали. Не по её вине, а из-за взрослых и, конечно же, из-за Лександра Лазаря, который едва ли принимал какие-то там предварительные соглашения всерьёз.

Я отложил в сторону смартфон, цокнув языком. Встал, прошёлся по комнате. Раздражение и злость поднимались откуда-то извне, распирая грудь.

В голове крутилась только одна мысль: меня снова заставляют расплачиваться за то, чего лично я не делал. И ладно бы расплачивался только я, но ведь и эта девчушка оказалась у обочины жизни ещё три года назад. Её жизнь пошла под откос из-за человека, которого больше не существует.

«И не объяснишься же никак. «Простите, прежний владелец этого тела был идиотом и помер, теперь я за него, давайте жить дружно»? Это даже в утрированном виде не звучит. Проклятье...».

Я горько усмехнулся, оперевшись обеими руками на подоконник и просунув голову между штор. Улица, качающаяся вслед порывам ветра листва, отсветы от уличных фонарей, работающих на керосине – всё это успокаивало, но по эффективности приравнялось к ковшику воды, выплеснутой в лесной пожар.

«Кризенфорты не отступят. Ян – наследник, в своей ярости прямой и простой, как топор. Очевидно, что он слишком сильно любит сестру, и жаждет отмщения. Это плюс – по понятным причинам открытая конфронтация для меня предпочтительнее интриг, даже «детских». А вот Астрид... Если я выдержу напор её брата, то она может вспыхнуть и вступить в конфронтацию. Вот только чего ждать от хладнокровной, оскорблённой «мною» девушки, выросшей в семье влиятельных интриганов?».

Я потёр переносицу, шумно выдохнув. Приоткрыл окно, но почти сразу мотнул головой – не то. Захотелось выйти на свежий воздух, проветриться и как следует всё обдумать.

И мой выбор лёг на привычный маршрут через парк – мимо старой статуи ангела, которая мне уже была как родная.

Парк встретил меня тихой прохладой. Никто уже не суетился и не носился из одного крыла академии в другое, а самые громкие звуки издавали беснующиеся в кронах деревьев птицы да белки, наконец-то дождавшиеся, пока двуногие лысые обезьяны перестанут их беспокоить.

Я размеренно шагал по мощёной дорожке, планомерно выдавливая прилипчивые мысли о Кризенфортах неизбежным, единственно верным сейчас смирением. Всё, что было можно сделать на этом этапе, я уже сделал – узнал предысторию, оценил угрозу и наметил линию своего дальнейшего поведения.

«Всё остальное – дело времени».

Очередной поворот, и из теней вырастает статуя ангела. И не только она.

«У неё что, ночное дежурство на каждой лавочке в парке?».

Виктория сидела, как и вчера – поджав под себя ноги и сбросив туфли. В руках девушка сосредоточенно крутила что-то маленькое, блестящее в свете фонарей, и совершенно не обращала на меня внимания.

«Слишком сконцентрирована» – подумал я перед тем, как двинуться дальше.

А Виктория тем временем закончила с, по всей видимости, кулоном, убрав его в сумочку. Закрыла её, отвернулась, замерла на несколько секунд... и дёрнулась, раздражённо цыкнув.

В её руках материализовался новый кулон, который она принялась кропотливо дорабатывать до нужных кондиций.

И только тогда она меня, наконец, заметила.

– Добрый вечер, господин Лазарь, – сказано это было без враждебности, но и без особой теплоты.

– Леди Виктория, – я остановился в паре шагов, как и тогда. – Не помешаю?

– Вы уже помешали, – она прищурилась едва заметно. – Но садитесь. Всё равно у меня пока ничего не выходит. Нет прогресса.

Я опустил на противоположный край скамьи, кивнув на сумочку, лежащую рядом с ней:

– Нестабильность при контакте с другими предметами?

– Именно, – девушка кивнула. – Стоит убрать кулон куда-то, где его не видно, как он теряет форму. Это... напрягает, потому что упражнения на слепую материализацию я успешно проходила ещё пару лет назад. А сейчас стоит только задеть что-то внутри сумки – и всё. Не прерывание, а утрата контроля и распад техники.

Я задумался на пару секунд, сопоставляя известные мне массивы данных о магии воплощения с тем, что удалось узнать об эрикс-искусствах за эти дни.

– Это нормально, – начал я. – Вы взяли за продвинутый этап, пропустив промежуточный.

– Вы ведь сами сказали: «держите при себе, в сумке»?..

– Признаю свою ошибку, – я развёл руками. – Я дал вам конечную цель и то, что займёт девяносто девять процентов времени. Но не объяснил, как до этой цели добраться. Это не ваша вина, это я – плохой наставник.

Что-то внутри меня прокрутилось от этого признания, но в данном случае сказанное являлось чистой правдой. Просто не подумал о мелочи, а итог мог стоить человеку времени или веры в свои способности.

– И... что тогда делать? – спросила Виктория после короткой паузы.

– Тут всё тоже просто, не беспокойтесь. И на этот раз безо всяких подводных камней. Суть в том, что когда мы материализуем что-то обычное, целостность образа, как бы странно то ни было, намного выше, чем если материализации подвергается нечто хорошо знакомое. Это подсознательная особенность, которую можно перебороть, – я развернул руку ладонью вверх, сформировав над ней пару запонок из своего прошлого. Рублёные грани и символ, который местные едва ли способны прочесть. – Формируете то, что хотите. А после берёте ручку или карандаш, настоящие, и начинаете легонько постукивать по объекту. Когда убедитесь в том, что ваша брошь не рассыпается на части, начинаете делать то же самое, но с закрытыми глазами. И много времени это не займёт.

Виктория несколько секунд обдумывала услышанное, после чего веско хмыкнула:

– Мой наставник назвал ваш метод классическим, тяжёлым, но эффективным. Забавно то, что вы сами, похоже, пропустили первые главы учебника по преподаванию...

– Я не настоящий наставник, леди Виктория, – я пожал плечами, сфальшивив. – Просто делюсь тем, что когда-то помогло мне самому. И... – я замаялся, – честно говоря, я неосознанно начал всех судить по себе. Моя ошибка.

«Потому что маги воплощения в самом начале пути обучались фундаментальным моментам – например, поддержанием формы и присутствия воплощения вне поля своего зрения, или при наличии внешних раздражителей. Затворницкая же, будучи далеко не самой слабой абитуриенткой этого года, умеет создавать внушительные иллюзии... но при этом полностью бессильна в примитивнейшем аспекте тренировочного упражнения для неофитов. Мне определённо нужно куда больше узнать о местных нормах и операторах эрикс-искусств в целом».

А Виктория тем временем продолжала пристально на меня смотреть, словно видя впервые. Но вместо ожидаемого и, стоит признать, обоснованного недовольства, она вдруг перевела разговор в другое русло:

– Господин Лазарь... я слышала о сегодняшней вашей стычке с Кризенфортами.

Я подобрался.

– Быстро же в академии разносятся слухи, – нахмурился я. – Учитывая тот факт, что свидетелей этого действия было раз-два – и обчёлся.

– Насколько же вы удивитесь, когда в слухах начнут повторять даже то, что вы делали в тёмной-тёмной комнате посреди ночи и наедине с самим собой, – хихикнула она, прикрыв рот ладошкой. – Вы на равных состязались с Сашей, подобного внимания нельзя было не ожидать.

– Вы правы, – я кивнул. – Просто... слегка непривычно вновь оказаться в центре внимания. Нужно заново привыкнуть...

Брюнетка кивнула:

– Понимаю. И всё-таки, вам стоит быть настороже. Кризенфорты долгое время метили в ближайшее окружение Саши, и ваше с ним общение для них – как бельмо на глазу. Едва ли они уgomонятся достаточно скоро... с учётом всех обстоятельств.

«Как недвусмысленно мне намекнули на то, что личное дело Лазарей и Кризенфоров для Императорской семьи как на открытой ладони».

– Я пришёл к точно такому же выводу. И я благодарен за подтверждение моих опасений, – я неглубоко кивнул. – Вы хорошо знаете Кризенфоров?

– Я знаю всех, кто крутится вокруг Саши, так или иначе, – прямо ответила она. – В том, что касается мотивов и целей, по крайней мере. Всех, кроме вас. Мало кто сейчас понимает, как на вас реагировать, мистер «неизвестная переменная».

– Спасибо, леди Виктория. Я учту всё вами сказанное. – Девушка кивнула в ответ, снова вперив взгляд в свой кулон. Я намёк уловил и поднялся, поправив пиджак. – Хорошего вам вечера...

– И вам, господин Лазарь.

Я развернулся, мысленно распрощавшись со своими наивными надеждами через прогулку прийти ко внутренней гармонии. Но всё равно сделал пару кругов по самым далёким уголкам парка, подсознательно ожидая, что вот-вот откуда-нибудь вылезет новая неожиданность.

К счастью, этого не случилось, и спустя час я уже устраивался в общей комнате при общении с планшетом в руках. Обменялся кивками с Виктором, которому тоже было не до разговоров, и погрузился в чтение вплоть до того момента, когда мне пришло сообщение от Белль Сориар.

«Господин Лазарь, место для занятий готово. Аудитория номер четыреста девять в восточной части центрального крыла. Дата – через три дня, сразу после пятой пары по расписанию. Пятеро учеников-простолюдинов, у всех проблемы с практикой. Уточню, что первый урок на день раньше – за мной. Детали сброшу ближе к самому мероприятию. Благодарю за согласие»

Я перечитал сообщение трижды, и почувствовал, как уголки губ сами собой ползут вверх. После всего, что случилось за сегодня, перспектива просто взять и подучить основам группу способных простолюдинов ощущалась как глоток свежего воздуха.

Попрощавшись с Виктором, я поднялся к себе, всецело отдавшись вечерней рутине. Душ, смена внешней повязки, короткое сообщение Эльзе, смена катализатора на ночь – всё это помогло привести мысли в чуть больший порядок.

И сон настиг меня в один момент, отправив в безграничное царство Морфея.

Глава 6. Docendo discimus.

Docendo discimus (лат.) – обучая, мы учимся.

– Доброе утро, – Эльза возникла по правую руку настолько стремительно и бесшумно, что я едва не вздрогнул. – Ты сегодня какой-то отстранённый. Случилось что-то?

– Ничего такого, с чем я не мог бы справиться, Эльза, – я улыбнулся девушке, уже пристроившейся рядом и привычно заглядывающей мне в лицо.

Ей каждый раз приходилось задирать для этого голову, но она никогда не выказывала ни малейшего недовольства этим фактом.

– Пф-ф. Это не ответ, знаешь ли, – фыркнула она. – Ты вчера столкнулся с Кризенфортами. Я знаю об этом. Как и о том, что этот здоровяк откормленный выглядел так, словно был готов тебя на много маленьких Лексиков разобрать... У ваших семей новый виток конфликта наметился?

Я замедлил шаг, придержав Эльзу за локоток и свернув с оживлённой аллеи на боковую дорожку – тихую, окружённую высокими кустами.

«Она заслуживает честности, но не за счёт Астрид. »

– Конкуренция Лазарей и Кризенфортов стала только фоном, – произнёс я, качнув головой. – Ещё и личное наслоилося. Ян убеждён, что мы намеренно саботировали одно очень выгодное для обеих семей соглашение. Причём так, что Кризенфорты сами его разорвали. И я там – одно из главных действующих лиц. Оттого и «новый виток».

Эльза слушала молча, но, судя по выражению на её лице, кусочки мозаики в общую картину у неё сложились в момент.

– А «одно из главных действующих лиц» ты там благодаря своей репутации, – утверждающе, а не вопросительно произнесла она. – И теперь ты – одна большая мишень...

– Именно, Эльза, именно, – кивнул я, сложив руки за спину.

– С Яном всё ясно. А Астрид? – Эльза обернулась, найдя мой взгляд своим. – Она намерена принять активное участие в конфронтации, или это ваши дела, «мальчишечьи»?

– Сложно сказать, – я тяжело выдохнул. – Если она и намерена что-то делать, то не сейчас. С Яном проще – он хотя бы обозначил своё намерение. А его сестрица пока просто наблюдает. Не то, чтобы мне это очень нравилось...

Эльза помолчала, обдумывая услышанное.

Мы заходили всё глубже в парк, и я невольно поймал себя на мысли о том, что, кажется, её больше не беспокоят риски для репутации.

– Ладно, Лекс, – вздохнула девушка, качнув копной рыжих волос. – В детали можешь не вдаваться, я же вижу, что ты не можешь рассказать всего. Но я хочу, чтобы ты знал – я буду присматривать за остальными. Наши друзья, я сама... Алисия. Кризенфорты, если они и решат ударить всерьёз, то едва ли сделают это в лоб. По старой привычке попытаются дотянуться до близких «оппонента». Это не обязательно будет что-то фатальное, но неприятное или обидное, заставляющее делать глупости – вполне.

Я притормозил, обернулся:

– Эльза, я не хочу, чтобы ты в это влезала. Это не твоя война.

– Пф-ф, – она высокомерно фыркнула, сложив руки под грудью. – Во-первых, я пока никуда не влезая. Во-вторых, если Кризенфорты решат, что через меня можно добраться до тебя, то это автоматически втянет меня в «войну», нравится мне это или нет. А я предпочитаю быть готовой к такому повороту.

Я несколько секунд смотрел на неё, но Эльза так и не отвела взгляда.

– Иногда я забываю, что в интригах ты способна дать мне фору, – усмехнулся я, покачивая головой.

– Вот именно, – девушка хмыкнула удовлетворённо.

– Ладно, – резко отрезал я. – Закроем эту тему. В ближайшие выходные, послезавтра, то есть, я собираюсь выйти в город. И приглашаю тебя с собой. Как ты на это смотришь?

– Я с радостью, Лекс, – она аж засветилась изнутри. – А что у тебя за дела в городе? Если не секрет, конечно.

– Финансовые, – прямо ответил я. – Как-то так вышло, что с момента отбытия из дома я ничего не покупал. За меня всё делали другие. Пора бы уже как минимум свой личный счёт оценить...

«Потому что практика показала, что банковских приложений и вообще онлайн-банкинга тут почему-то нет» – мысленно цыкнул языком я.

– Я смотрю, ты очень основательно, в скобочках, Лекс, подошёл к планированию своей “взрослой жизни”, – фыркнула Эльза, развернувшись ко мне. – Но я, так уж и быть, удовлетворюсь самым что ни на есть скромным букетом. Мы ведь не только по делам идём, правда?

– Это намёк? – я демонстративно приподнял бровь.

– Я ни на что не намекаю, Лександр Лазарь! – возмутилась аристократка. – Я прямо говорю. Девушкам приятно, когда им дарят цветы. Особенно если это делает потенциальный кавалер, тьфу, – она поморщилась, – «кавалер» этот от отца прицепился.

– Я это учту, Эльза. А какие цветы ты любишь?..

Мы прогуляли так ещё с час примерно, прежде чем разбежаться по своим делам. Эльза двинулась в медицинское крыло, на очередную лекцию наставницы, которую та читала для старшекурсников.

А меня ждал урок с простолюдинами, к которому ещё надо было подготовиться...

Так или иначе, но к аудитории номер четыреста девять я подошёл на десять минут раньше, чем следовало бы. Захотел осмотреться до того, как соберутся ученики, и заодно прикинуть, не мешает ли устройство кабинета моим планам.

Само помещение располагалось в восточной части центрального крыла, в стороне от основных «студенческих тропок». И место Белль выбрала довольно удачно: тут было тихо и безлюдно, кабинет – предпоследний по коридору, одна из десятков одинаковых дверей.

Приятным бонусом оказалась близость одного из дополнительных входов, благодаря чему от мужского общежития сюда можно было попасть за десять минут, не продираясь через всё центральное крыло вечерами, когда за перемещениями студентов особенно легко наблюдать.

«Но это всё дела вторичные. Так или иначе, но об этих уроках кто-нибудь обязательно узнает. Не сейчас, так потом. Но мы тут чернь не сношаем, так что можно смело сосредоточиться на деле» – подумал я перед тем, как открыть дверь и пересечь порог.

К этому занятию я готовиться начал загодя, накануне.

Продумал структуру урока, проанализировал всё, что увидел, наблюдая за простолюдинами во время лекций и практических занятий, сопоставил с тем, что знал о магии воплощения и эрикс искусствах – и решил запихать теорию поглубже, оставив её профессорам. У простолюдинов хромала практика, и в особенности – понимание тонкостей, нюансов и особенностей работы с воображением и собственными мозгами.

Всё то, что невозможно почерпнуть из учебника, если ты не родился с каким-то невероятным талантом к анализу информации. Ну и завидным упорством вдобавок.

«В недавнем прошлом, в поезде, по пути в Сант-Море, Алисии хватило получаса и нескольких советов, чтобы существенно улучшить свои навыки. А с той поры я сам стал понимать эрикс-искусства на порядок лучше, и теперь могу дать гораздо больше».

Я окинул взглядом пространство аудитории, про себя хмыкнув – тут всё обустроили исключительно под занятия тет-а-тет с небольшой группой людей.

Лишние столы были сдвинуты к стенам, а четыре, выстроенных в ряд, тянулись от окна к середине помещения. Благодаря этому оставалось много места для практики, плюс преподаватель мог с комфортом наблюдать сразу за всеми учениками.

К счастью, ждать пришлось недолго – спустя несколько минут дверь приоткрылась, и в аудиторию начали заходить ученики.

Первой вошла Алисия – собранная, с идеальной осанкой, прижимающая к груди планшет. Она с улыбкой кивнула мне, не выказав прежней робости, и заняла место поближе к окну.

Следом появилась Тереза Инс – невысокая, худощавая девушка с длинными, собранными в косу каштановыми волосами и большими, полными энтузиазма глазами. Мне сложно было сказать про неё что-то конкретное кроме того, что упражнения на первых практических занятиях она выполняла вполне себе на уровне – иного от тех, кто прошёл экзамен Первой Академии, ждать было глупо.

Третьим вошёл Венсан Готье – угрюмый здоровяк, выглядящий старше своих лет. Весь его облик говорил о том, что к восемнадцати годам он уже успел на себе ощутить, что такое тяжёлый физический труд. Вокруг он смотрел настороженно, но без враждебности – уже плюс.

«Просто человек, привыкший к тому, что аристократ аристократу волк, а простолюдину – и того хуже».

Последними в аудиторию вошли Лин и Гидеон. Просто – Лин и Гидеон, без фамилии.

Первая – тихая девушка с тёмными волосами и цепким взглядом, прошедшимся по мне с порога. Она словно оценивала, с какой вероятностью это мероприятие окупит затраченное на него время.

Второй – такой же темноволосый юноша, невысокий и щуплый, но с внимательными глазами и ощущающимся с первых секунд стержнем.

– Итак, добрый вечер, господа и дамы, – произнёс я, дождавшись, пока все рассядутся. – Меня зовут Лександр Лазарь. Для тех, кто не в курсе – «будущий столп Империи», если верить Его Величеству. Даже если подпираться мной будут прикроватную тумбу.

Гидеон шумно выдохнул носом, едва сдержав смех. Лин опустила взгляд на стол, Тереза отвернулась, а Алисия – прикрыла рот ладошкой. Индифферентно к моей попытке наладить контакт с учениками отнёсся только Готье, но ему это было простительно.

– Леди Сориар уже провела с вами вводное занятие, насколько мне известно. Поэтому распыляться я не буду. Читать лекции – тоже, это задача для профессоров. Да и вы, раз уж сидите тут, то в теории для первого курса понимаете побольше моего, – я обвёл собравшихся взглядом. – Моя задача – дать вам ключи к эрикс-искусствам. К практике. Тонкие настройки. «Фишки», «лайфхаки». Негласные правила работы с воображением и сознанием, про которые в учебниках писать не принято.

Я сделал небольшую паузу и добавил:

– От вас требуется всего две вещи. Сосредоточенность и готовность прислушиваться ко всему, что я говорю. Все готовы? – я сложил руки за спиной. – Вопросы? Предложения? Замечания? Compliments? Нет? Прекрасно.

Повинуясь моей воле, из капли металла в воздухе передо мной сформировалась рельефная сфера с каёмками и узорами, состоящая при этом из четырёх разных материалов. Стекло, дерево, металл и грунт.

– Для оценки ваших текущих способностей я попрошу материализовать вот такой конструкт. Цельный, а не составной. Обязательно формировать его на расстоянии полутора метров от вас, не ближе и не дальше. Тереза, Готье, сдвиньтесь левее. Рассаживаемся подальше друг от друга...

«А ведь я ещё не видел воочию ни одного случая «коллапса» техники, вышедшей из-под контроля. Только читал. Но чувствует моё сердце, что этот молодняк быстро обеспечит меня столь сомнительным опытом. Особенно если такую ситуацию спровоцировать целенаправленно...».

– Приступайте, – отдал я команду, убедившись в том, что каждый и каждая находятся на почтительном расстоянии друг от друга, а значит – и от источников потенциальной опасности. – Не стесняемся, это не упражнение на скорость или визуальную красоту.

Спустя пару секунд ученики уже дружно активировали катализаторы, и процесс пошёл.

Первой ожидаемо справилась Алисия, сформировавшая аккуратную, с кулак размером сферу. Чёткие границы между сегментами, каждый материал читается – уверенная работа и правильный подход.

Тереза создала сферу последней, и сам конструкт выглядел неважно. Неровные сегменты, «пластиковые» материалы. Но у неё получилось, и это уже было хоть что-то.

Сфера Готье выделилась размерами и монументальностью. С поверхностями материалов у него всё было плохо, но скорость и стабильность я оценил на твёрдую семёрку. Была бы девятка или десятка, если бы результат приблизился к эталону, а не застрял на половине пути.

Лин с Гидеоном оказались в вопросе эрикс-искусств точными копиями друг друга – они создали по три сегмента из четырёх, застопорившись на стекле, которое было слишком мутным и не имело права вообще называться стеклом.

И они продолжали пыжиться, пытаясь слепить из стеклянной части хоть что-то удобоваримое. Раз за разом и с полной самоотдачей, но без результата.

Прекратили мучения они только по моей команде, хоть и выглядели при этом тоскливо и расстроено.

– Достаточно, – я хлопнул в ладоши, и сферы Гидеона с Лин задрожали. – Неплохо. У всех получилось создать хоть что-то при том, что упражнение само по себе не из простых. А теперь – оцените себя сами. У кого сфера осталась идеально стабильной?

Алисия и Готье подняли руки.

– У кого сфера меняла форму или размер без вашего намерения?

Гидеон и Лин переглянулись, неохотно подняв руки. Спустя секунду к ним присоединилась Тереза, виновато потупив взгляд.

– У кого возникли проблемы с сегментами?

Руку подняли все, кроме Алисии.

– Отлично, – я кивнул, про себя отметив, что мои ученики хотя бы честны с собой. – Теперь вы знаете свой исходный уровень. Запомните его. Сравним через несколько занятий.

Я прошёлся из края в край вдоль ряда.

– А теперь я дам вам ещё одно задание. По моей команде каждый из вас должен сосредоточиться и закрыть глаза. Задача – удержать конструкт. Алисия, приступай.

Алисия сосредоточенно кивнула и закрыла глаза. Её сфера пошла рябью и поплыла спустя четыре секунды, а спустя семь – исчезла.

– Тереза, твой черёд. Приступай, – я перевёл взгляд на девушку.

Результат оказался печальным: две секунды до распада. Гидеон и Лин продержались три и четыре секунды соответственно, а вот Готье преподнёс мне тот сюрприз, которого я ждал и опасался одновременно.

Получив команду на старт, парень зажмурился изо всех сил, вцепившись в стол и в технику с упрямством, скажу постфактум, форменного барана. Его сфера, лишившаяся визуального контроля, задрожала, поплыла, начала распадаться, материализовалась вновь – и вдруг стремительно расплющилась в огромный блин, разошедшийся во все стороны бритвенно-острыми лепестками.

Запоздалые вскрики наблюдателей стихли столь же резко, как и прозвучали, когда я перехватил решивший спародировать циркулярную пилу диск тонким жгутом жидкого металла.

Считанные мгновения противостояния раскрутившегося блина со ртутью – и то, что осталось от сферы, бесследно исчезло.

– Прерывание, Готье. Сейчас же, – я расслабился лишь после того, как побледневший парень, открывший глаза и оценивший ситуацию, отключил поддержание техники механически.

Ртуть с демонстративной плавностью и ленцией перетекла к моей руке.

– Это, – я обвёл взглядом притихших учеников. – Причина, по которой студентов на практике держат подальше друг от друга, и всегда – под присмотром наставников. И одно из основных правил, с которым вы наверняка неоднократно встречались, но решили предать его существование забвению. Ни при каких обстоятельствах нельзя удерживать технику, над которой вы уже утратили контроль.

– Я не хотел... – пробормотал Готье, сглотнув. В его исполнении это смотрелось настолько несурзано, что даже девушки, чуть не попавшие под удар, вернули на лица немного красок.

– Знаю, – я смягчил тон. – Ты пытался справиться, и это похвально. Но упрямство без понимания границ попросту опасно. И для тебя, и для окружающих.

– Мне жаль, – Готье склонил голову, но не передо мной, а перед соседями «по парте».

Я выждал несколько секунд, прежде чем продолжить:

– Главное тут то, что никто не пострадал. Я ожидал подобного, скажу честно, – я улыбнулся. – Само задание провоцировало вас на такую ошибку. Поэтому я и командовал каждому по очереди – чтобы успеть, если что. И, господа и дамы, от увиденного и пережитого мы, сделав выводы, плавно переходим к первому уроку. Что важнее всего в эрикс-искусствах?

– Стабильность? – Алисия подняла руку.

– Абсолютно верно. Вне зависимости от того, насколько масштабные манипуляции вы можете проводить, насколько быстро или точно это делать, во главе всего стоит стабильность. Нестабильный конструкт – отсутствующий конструкт, – я выдержал паузу, позволяя словам осесть в головах учеников. – А второй фактор? Готье, попробуй предположить.

Парень нахмурился, замешкавшись. Но спустя несколько секунд всё же дал ответ:

– Скорость. Если ты не успел, то всё тоже бестолку.

– И это правильный ответ, – я пару раз похлопал в ладоши. – Итого у нас есть два столпа, на которых мы будем фокусироваться: стабильность и скорость. Это фундамент, над которым вы будете надстраивать масштаб, точность и прочие характеристики своих техник самостоятельно. И начнём мы с самых основных упражнений...

Дальше урок пошёл так, как и должно – спокойно, размеренно и без угрозы для жизни. Я давал упражнения, наблюдал за их выполнением, снабжал студентов советами, исправлял их ошибки – и всё повторялось вновь.

Я не делал ставку на прогресс здесь и сейчас, как было в поезде с Алисией, но даже так мои подопечные прогрессировали семимильными шагами.

А спустя без малого полтора часа мы отработали положенное время.

– На сегодня всё, – я вновь сложил руку за спиной, обратив наглядное пособие по формированию составных фигур в каплю ртути, юркнувшую в рукав. – Домашнее задание – тренировка закрывания глаз с крошечным объектом размером с горошину. Начинайте с секунды, постепенно увеличивая время. И ни в коем случае не поддерживайте конструкт, потеряв над ним контроль. Последствия вы сегодня лицезрели воочию, а кое-кто это сделал даже слишком близко. Вопросы?..

Я ответил на несколько очевидных вопросов, и только после этого ученики начали расходиться. Каждый по итогу меня поблагодарил, и сделал это вполне искренне, а не из-под палки – эффект от урока оказался достаточно ощутимым, чтобы его можно было оценить.

Алисия задержалась последней.

– Это было... сильно, – произнесла она, когда дверь за Терезой закрылась. – Тогда, в поезде, ты как-то иначе держался, Лекс.

– Тогда у меня не было ни аудитории, ни времени на подготовку, – усмехнулся я. – И уверенности в том, что я всё не испорчу, не было тоже. Как у тебя дела? Осваиваешься?

Я открыл дверь, и мы вышли в коридор.

– Да, – Алисия, развернувшись, спокойно кивнула и улыбнулась. – Всё налаживается потихоньку. Подруги, о которых я тебе писала, замечательные. Мы много времени вместе проводим. И Белль помогает в том, в чём может помочь аристократка, не переступая границ...

– Рад за тебя, – я искренне улыбнулся в ответ. – Но если вдруг понадобится помощь – ты знаешь, где меня найти. Или что написать.

– Знаю. И... спасибо, Лекс, – она поймала мой вопросительный взгляд. – За то, что не делаешь вид, будто мы незнакомы где-то кроме чата в приложении академии. Я знаю, что это довольно рискованно.

– А как иначе? – я помедлил, не сообразив сразу, что ещё ответить. А потом решил перевести тему на, как показалось мне, довольно актуальную для простолюдинки. – К слову, ты в порядке в... материальном плане? Стипендии хватает?

Алисия моргнула. Для неё вопрос явно стал неожиданностью.

– О, – она поправила и без того безупречный рукав формы, – всё хорошо, Лекс. Правда. Стипендия для поступивших довольно велика, если оценки не уронить. Для меня она так и вовсе слишком большая. А ещё Белль... нет, род Сориар взял на себя львиную долю моих расходов. Эта форма, планшет, даже коммуникатор – всё от них. Я, наверное, впервые в жизни не думаю о том, как бы где-то сэкономить...

– Это хорошо, – я кивнул удовлетворённо и с искренним облегчением.

– А ты? – блондинка вдруг прищурилась, взглянув на меня неоднозначным взглядом. – Отец больше не угрожает выгнать на улицу?

– У меня всё тоже вполне себе неплохо, – я пожал плечами. – Недавно вот осознал, что до сих пор свои счета не проверил. Заново учусь жить, можно сказать. Поэтому, наверное, и решил убедиться, что у тебя с этим тоже всё нормально...

– Ты слишком много волнуешься, Лекс, – Алисия улыбнулась. – Это приятно, но ты так как белка в колесе – насмерть закрутишься.

– А они закручиваются? – я вздел бровь. – Насмерть?

– Даже не... – Алисия замолчала, когда в коридоре послышались многочисленные, приближающиеся шаги. Она посмотрела на меня пристально, кивнула – и двинулась в направлении, противоположном тому, куда планировал идти я.

«И что тут кому-то понадобилось, а?» – вздохнул я, глядя на группу студентов, активно обсуждающих «ценой всего выбитый у куратора проект».

Простояв так ещё пару секунд, я дождался, пока drobный перестук каблучков девушки затихнет, и только после этого вернулся в свою комнату.

Разговор с Алисией длиной в пару-тройку минут не принёс того же облегчения, что и раньше, потому как я и без этого знал, что у девушки всё довольно неплохо. Зато в голове особняком встал вопрос финансов, который невозможно было решить так просто ни в одном из смыслов.

Проверить счёт можно было только в городе, но это ещё пол-беды. Я, престарелый, самодостаточный и независимый маг, вдруг осознал, что мои деньги – они, как бы, и не мои вовсе.

И способа исправить эту оплошность, отыскав личный источник средств, у меня пока не было.

«Независимый источник честного дохода, который меня ни к чему не обяжет в дальнейшем. Прямо сейчас таковых нет. Крайний срок? Отсутствует, но полгода или год – это предел для моего чувства собственного достоинства».

Я перебирал в уме варианты.

Сотрудничество с Имперской Безопасностью в этом плане уже не подходило – я самостоятельно попросил знания, а не деньги. И не жалею об этом, ведь единственное, что не обесценится без причины и по велению левой пятки ответственного за штамповку монет – это как раз содержимое твоей головы.

«Тем более, контракт с Имперской Безопасностью – это разовая акция, а не постоянный источник дохода. Значит, вычёркиваем до выяснения новых обстоятельств».

То, на что я всегда уповал как маг – это собственные разработки. Но в этом мире эрик-искусства не позволяли создавать артефакты. Они вообще не были предназначены для рождения «чудес».

И мои знания о магии воплощения тут были не полезнее пятой ноги для собаки. По крайней мере, до адаптации.

«Снова мимо. Неприятно. Видимо, подсознательно я понимал, что это проклятый тупик, и поэтому не торопился даже думать о деньгах».

Семейный бизнес? Опять же – я ничего о наших концернах не знаю, и становиться управляющим желания не имею. Это всё ещё роль винтика. Неприемлемо.

Был ещё один вариант, который мог принести деньги. Преподавание. Но для этого нужна была репутация, а у меня с этим большие проблемы. Возможно, с течением времени шум от «подвигов прошлого» перекроет фавор у Императорской семьи и мой нынешний круг общения, но уповать на это нет смысла – слишком ненадёжно.

«Что ж, подумаю об этом позже», – решил я, переодеваясь и меняя катализатор. – «Пока стоит сосредоточиться на другом, смирившись с тем, что использовать придётся деньги Лазарей, а не свои. Но не всё коту масленица, впрочем. Я и так высоко забрался, учитывая мою стартовую позицию».

Я устроился в постели, опустив веки. Впереди маячили выходные, поездка в город и, впервые за долгое время, никаких дедлайнов.

Красотища же?

Глава 7. И наконец-то выход в свет.

К утру субботы Сант-Море наконец-то сбросил с себя траурную маску.

Не полностью, потому как чёрные ленты на фонарных столбах и отсутствующие «через одного» флаги над административными зданиями всё ещё напоминали об унёсших сотни жизней терактах, но город, по крайней мере, больше не выглядел совсем уж удручающе.

«По крайней мере, его центр» – подумал я вместе с тем, как по проспекту прокатился экипаж, запряжённый холёной двойкой почти белоснежных лошадей.

Совсем рядом в другой экипаж забирались весело общающиеся студенты, а поодаль тротуары ломились от обилия не слишком пёстрых, но живых и активных горожан.

Ещё дальше над крышами приземистых особняков величественно тянулся цепеллин гражданского назначения, с кормы которого свисало и развевалось гигантское полотнище с не особо детализированным портретом Александра и многообещающей надписью: «С Его Высочеством – в светлое будущее!».

И даже здесь была слышна бодрая музыка, которую владыка местных небес обрушивал на всех тех, кому не повезло оказаться поближе.

Не потому, что музыка плохая, а потому, что в этом мире аудиосистемы находились в состоянии, далёком от оптимального. Очень далёком.

«Музыка... Да. Нужно будет разобраться в этой сфере подробнее. Чем не способ зарабатывать, раз уж на то пошло?».

Я стоял у ворот Академии, сложив руки за спиной, вдыхая свежий утренний воздух полной грудью и наблюдая за царящим вокруг праздником жизни. На душе было легко от обуявшего меня ещё с вечера предвкушения – не только потому, что впереди маячила приятная прогулка с Эльзой, но и из-за возможности по-человечески выйти «в люди» и посмотреть, как живёт народ на самом деле.

Впервые за прошедшие две недели я наконец-то был подчинён сам себе, а не воле следователя Имперской Безопасности, необходимости сдать экзамен или попыткам выжить на семейном обеде, не раскрыв при этом свою «амнезию».

«Просто выйти, просто прогуляться и просто подышать свежим воздухом – что может быть слаще после цейтнота?».

– Лекс! – голос девушки раздался совсем рядом, и я, улыбнувшись, обернулся.

Эльза Шталь выступила из-за живой изгороди пропускного пункта быстрым шагом, придерживая на голове широкополую плетёную шляпку.

Сегодня она была не в строгой академической форме, а в «гражданском» платье – тёмно-зелёном, с изящным кружевом вдоль ворота и на манжетах. Кроме сумочки и пресловутой шляпки у неё при себе не было никаких аксессуаров, – даже катализатора, – а единственным украшением выступал кулон с растительным серебряным узором, обрамляющим некий драгоценный или полудрагоценный камень ало-рыжего, в тон волосам, оттенка.

– Ты рано, – я принял её ладошку, изящно обозначив поцелуй обратной её стороны.

– Пф-ф, – она фыркнула, критическим взглядом пройдясь по мне с головы до ног. – Просто кое-кто имеет привычку загодя приходить куда угодно, и я решила не позволять этому кое-кому ждать в одиночестве. Ты сегодня что, без повязки?

– Только внешний слой снял, – я чуть приподнял манжет. – Чтобы под рубашку влезло. А то с катализатором и повязкой я выглядел, как гладиатор на свободном выгуле. Твой вердикт?

– Приемлемо, – Эльза кивнула удовлетворённо, мягко схватившись за моё предплечье. – Ты экипаж уже поймал?

– Наш вон тот, – я кивнул в сторону приличного экипажа, запряжённого парой могучих коней. – Пойдём?

Эльза кивнула, и мы, никуда особо не торопясь, двинулись к своему экипажу. Пожилой кучер при виде нас спрыгнул с козлов, одним нажатием кнопки на катализаторе материализовал ключик и отпер двери салона, распахнув их в глубоком поклоне:

– Прошу, господин, госпожа. Куда изволите?

– Банк «Сорокин & Партнёры», центральное отделение, – бросил я после того, как помог Эльзе устроиться в салоне. Когда кучер кивнул, я забрался следом. За нами хлопнула дверь, и звуки извне притихли – больше никаких стенаний тех, кто не озаботился вызовом экипажа заранее. – Окошко открывать не будем?

– Не нужно, – Эльза поёрзала, усаживаясь поудобнее. – Тут свежо, а снаружи слишком шумно. Ещё дирижабль этот грохочет...

Я хмыкнул:

– Надо же как-то привлечь внимание к Его Высочеству. А то того и гляди народ позабудет, кто трон наследует...

– Пф-ф, скажешь тоже, – Эльза фыркнула. – Во дворцовых службах специалисты по лояльности населения своё дело знают, Лекс. После вашего выступления ещё с полгода о наследном принце будут вещать из всех углов...

Экипаж тем временем тронулся, и четверть часа мы скоротали за беседой о погоде и местах, которые сегодня можно и имело бы смысл посетить. Об учёбе и всяких проблемах говорить не хотелось ни мне, ни Эльзе, так что у банка в самом центре Сант-Море мы высаживались в самом что ни на есть прекрасном настроении.

А что до самого банка...

Его центральное отделение располагалось в сердце делового района города.

Массивное, четырёхэтажное здание с белокаменными колоннами по периметру и устланной мрамором площадью вокруг резко контрастировало с в основном деревянными постройками, в которых каменным был разве что фундамент, и то не везде.

Площадь перед отделением выглядела на удивление чистой и пустующей, и спустя минуту мы уже поняли, почему – едва мы высадились, как местные жандармы попросили нашего кучера «свалить в закат», что тот и сделал, приняв плату.

– Строго тут с имиджем заведения, – хмыкнул я, вместе с Эльзой двинувшись ко входу.

Краем глаза отметил, что простолюдины, которые ходили поблизости, банк огибали по широкой дуге, словно тут по периметру торчали вышки с пулёмётчиками.

– А иначе ведь никак, – Эльза пожимает плечами, заинтересованно озираясь. – Даже моя семья в такие места не особо часто ходит. Это очень престижный банк, Лекс.

«А я просто подглядел название на карточке, которая, по сути, является «ключом» на предъявителя. Будем надеяться, что это не было фатальной ошибкой».

Мы поднялись по монструозной лестнице, позволив швейцару распахнуть внушительные двери высотой в три с небольшим метра.

Пересекли порог – и на секунду замерли.

Внутри было немногочисленно, а очереди отсутствовали как класс. Тут и там мелькали клерки и прочие служащие, переносящие стопочки бумаг и перевязанные бечёвкой коробки: все прелести мира, не пережившего цифровизацию.

– Господин Лазарь, – вышедший вперёд служащий определил меня с безукоризненной точностью. – Леди Шталь. Могу я осведомиться о цели вашего визита?..

– Снятие наличных и проверка состояния счетов, – произнёс я, зажав между пальцев карточку, которую я когда-то по ошибке принял за банковскую.

– В таком случае я попрошу леди Шталь обождать, – он с улыбкой повёл рукой, и к Эльзе подошла добродушная сотрудница, тут же предложившая моей спутнице чай, кофе и спокойное место для ожидания. – А вас, господин Лазарь, я попрошу за мной...

Сотрудники тут оказались профессионалами своего дела, так что даже несмотря на бумажную волокиту, снятие наличных я оформил за считанные минуты. Запрошенную сумму, весьма приличную по любым меркам, мне выдали без лишних вопросов, что приятно контрастировало с привычными мне по родному миру настойчивыми «маркетологами» даже в серьёзных финансовых организациях.

Вдобавок я мельком попросил рассказать служащего обо всех способах оплаты, обзаведясь чековой книжкой, но сохранив ключ-карту. И получил в подарок бумажник, в который худо-бедно, но поместилась половина наличности ассигнациями и монетами.

Остальные деньги я так и оставил в конвертах, в которых мне их выдали.

Я вышел из кабинки, и ровно в этот момент из «зоны ожидания» за колоннами показалась Эльза, весьма довольная жизнью.

– Всё?

– Всё, – я убрал бумажник во внутренний карман пиджака, предложив девушке локоть. – Теперь я готов с честью встретить любые твои капризы. И начнём мы, пожалуй, с цветочной лавки...

Эльза взялась за мою руку, и мы покинули банк, чтобы спустя считанные минуты уже остановиться у крошечного, утопающего в зелени статусного магазинчика. О статусности тут говорил внешний вид сотрудниц и вывеска с вычурной золотой лилией – не каждое заведение этого мира в принципе могло позволить себе что-то яркое.

Я окинул взглядом витрину, отыскал нужные растения, окликнул свободную продавщицу в белоснежном фартуке – и та быстро сформировала букет из цветов, на которые я тут же и указал:

– Ирисы, фиолетовые, пожалуйста.

Эльза, стоявшая рядом, заглянула мне в лицо и хитро прищурилась, надеясь таким образом скрыть выступивший румянец.

– Ты всё-таки запомнил...

– И двух дней не прошло, – я пожал плечами, приняв из рук продавщицы густой, яркий букет, тут же перекочевавший в руки девушки. – Было бы странно, если бы меня в моём возрасте поразила амнезия.

– Пф-ф, – Эльза то ли фыркнула, то ли усмехнулась. – Ты как всегда, Лекс. Идём, теперь моя очередь задавать направление. Ты же толком не знаешь города, правда?

– Не буду спорить с этим печальным фактом, – я развёл руками. – Сант-Море мне знаком постольку-поскольку, и потому я всецело доверяюсь тебе, моя обворожительная проводница...

Эльза легонько стукнула меня кулачком в плечо, тут же вцепившись в мой локоть.

Мы, никуда особо не торопясь, двинулись дальше.

Первым местом, куда мы целенаправленно заглянули, стал магазин готового платья... и не потому, что рыжеволосая аристократка захотела обновить что-то в своём гардеробе.

Всё было с точностью до наоборот: Эльза, обладая пониманием тонкостей и вкусом всяко получше моего, справедливо решила, что для аристократа моего положения обычная униформа академии – это вызов обществу.

– Сам подумай, Лекс – много ты видел в академии отпрысков семей Первой Сотни, кто бы совсем никак не пытался разнообразить свой гардероб? – она окинула меня вопросительным, тёплым взглядом. – И повязка не считается, сразу говорю.

Я демонстративно вздохнул:

– У меня на этот счёт нет аргументов, Эльза, – я принял поражение, в дальнейшем просто наблюдая за тем, как девушка общается с консультантами на непонятном мне языке, мельтеша вокруг манекенов. Её интересовало всё – воротники, манжеты, пуговицы, вышивка, ткань, цвета и оттенки, даже то, из-под руки какого конкретно мастера вышел тот или иной предмет одежды.

И итогом этих метаний, за которыми довольно забавно было наблюдать, стал он.

– Вот этот, – Эльза кивнула удовлетворённо. – Тёмно-синий, с серебряной нитью по лацканам. Строго, но не скучно. И к глазам подходит.

– К глазам?

– У тебя глаза с изумрудным отливом, Лександр. Синий и серебро это подчеркнут. А этот твой вечный чёрный... – она поморщилась. – Он тебя старит, причём лет на десять.

– Учту, – я усмехнулся по-доброму. – Значит, пиджак... Даже жалко его портить эмблемой академии.

Эльза прыснула в кулачок:

– Портить? Нет, Лекс, тебя определённо нельзя оставлять наедине с теми, для кого статус Первой Академии – это не пустой звук, – она поймала мой вопросительный взгляд. – Иначе через пять минут они уже будут гоняться за тобой с целью прибить и где-нибудь закопать...

Пока продавец, – молодой человек с идеальной осанкой и выплавленной в радушном лице улыбкой, – упаковывал покупку, я успел отметить несколько любопытных деталей.

Во-первых, одежда для аристократов при кажущемся однообразии фасонов отличалась десятками мельчайших нюансов: вышивка гербов и вензелей, качество нитей, металл и напыление на пуговицах, метод плетения кружев и прочая, прочая, прочая.

Всё это в совокупности складывалось в безупречно читающийся код, хранящий в себе детали о статусе и происхождении человека, облачённого в конкретную одежду.

Даже тут Эльзе пришлось порядком повозиться, чтобы найти что-то, подходящее лично мне. Она-то привела меня в мастерскую для аристократии её уровня, и основной ассортимент был рассчитан... не на графских отпрысков, если обобщить.

«Хм. Интересно, а не получается ли так, что я воспользовался наивностью невинной юной аристократки для того, чтобы не разбираться в том, какие пуговицы и запонки подбирать к пиджаку моего любимого оттенка?» – в какой-то момент промелькнула шальная, заставившая меня улыбнуться мысль, быстро улетучившаяся.

Что до «во-вторых», то я не мог не обратить внимание на простолюдинов.

Они, стоило сказать, были одеты совершенно иначе: добротно, но одинаково. Никакой индивидуальности большинству не светило – основная масса одежды явно выпускалась по конкретным лекалам.

Даже обувь это стороной не обошло, и я, поглядывая на улицу через панорамные стёкла, насчитал всего с десяток видов, над которыми уже сами умельцы извращались, кто во что горазд.

– Ты опять задумался, – Эльза демонстративно поправила ворот моей рубахи. – Устал? Но быстрее не получалось. Тут оказалось сложно с выбором...

– Нет-нет, – я качнул головой. – Просто отвлёкся. И спасибо, Эльза. Сам бы я подходящий пиджак не выбрал бы никогда.

Девушке для счастья хватило и этого – она засияла, шагнув в сторону выхода:

– Тогда дальше у нас обед, Лекс, – она кивнула швейцару, открывшему для нас дверь. – Тут недалеко есть ресторан, в который нас с Виктором часто водила матушка. Там очень уютно. Только, – она обернулась, – не жди от этого места слишком многого. В нём не подают блюда на золоте, и оркестр тоже не играет.

– Пф-ф, – я фыркнул. – Золотой посуде я предпочитаю хорошую компанию. Идём уже, и о глупостях особо не думай, хорошо?

Эльза тихо фыркнула, но в этот раз – как-то по-особенному тепло.

Ресторан, который выбрала девушка, носил весьма необычное для центра города название – «У Старой Мельницы», и выглядел соответствующе. Расположенное в стороне от центрального проспекта, со скромной вывеской и интерьером в стиле деревенской, но очень

ухоженной глубинки, заведение привечало приглушённым светом масляных ламп, белизной накрахмаленных скатертей и обилием древесины.

В углу под потолком висел телевизор, по которому без звука транслировали имперскую хронику с субтитрами: открытие нового цеха концерна Лазарей, заседание Имперского Совета и вырезки из всё ещё находящегося на слуху третьего этапа вступительных экзаменов Первой Академии.

Посетителей было мало – две семьи с детьми-подростками, пожилая пара в углу, да большая компания офицеров, что-то негромко обсуждавших за бутылкой-другой вина.

«Тишина, спокойствие, аромат мяса и свежего хлеба. Идиллия. Родители Эльзы знают толк в том, как подобрать хорошее место для отдыха».

– А тут действительно уютно, мне нравится, – искренне признался я, отодвигая для Эльзы стул.

– Я же говорила, – она аккуратно положила букет на край стола, оправила платье и села. – Мой отец всегда обедает здесь, когда приезжает в Сант-Море. Так у нас и узнали про «мельницу». А ещё тут почти не обращают внимания на... благосостояние, так скажем. Всегда можно посидеть, не думая о том, как выглядишь, или что ещё должен заказать, чтобы соответствовать статусу.

– Разумный подход, – я принял из рук подошедшей официантки широкую, приземистую вазу, переместив туда букет ирисов. Только после этого сел, взяв в руки меню.

Мы сделали заказ спустя пару минут, потому как не стали выбирать ничего экстравагантного, ограничившись тем, что тут проходило по категории «Имперской традиционной кухни».

Суп, мясо с овощами, белый хлеб и холодный морс – всё то, что по праву считалось «исконной кухней» региона.

Пока ждали, разговор плавно перетёк от обсуждения меню к темам более личным. Эльза расспрашивала меня о, как бы странно то ни было, обо мне и Лазарях, а я, в свою очередь, узнавал больше о ней самой и о Шталях. О жизни в баронстве, о воспитании, о её целях и стремлениях кроме, конечно же, медицины.

И касательно последней Эльза смогла меня удивить:

– Матушка была против, – призналась она, ковыряя вилкой овощи. – Мол, не женское это дело – эрикс-медицина. Ну и традиционное «нужно думать о замужестве, дочь», «орудовать скальпелем аристократке не в пору», «всех женихов кровью распугаешь». Пф-ф! – Эльза громко и недовольно фыркнула, – зато отец меня поддержал. Сказал, что если я хочу быть медиком, то буду медиком, и всё на том.

– А Виктор?

– А Виктору было всё равно. – девушка хмыкнула. – Он никогда не лез в мои дела, а я – в его.

– Но по итогу ты здесь, – я отпил из бокала. – В лучшей академии Империи и под крылом одной из лучших наставниц. Твоя матушка наверняка уже изменила своё мнение...

– Пф-ф, – Эльза фыркнула. – Ты её не знаешь. Она... сложный человек. Но да, матушка мной гордится. Не из-за медицины, конечно...

Взгляд девушки как-то резко стал не очень весёлым, и я поспешил сменить тему. Худобно, но Эльза ожила вновь, а затянувшийся поздний обед подошёл к концу.

Когда мы вышли из «Мельницы» и закончили осмотр делового района, солнце уже начало клониться к закату.

Небо окрасилось в разные оттенки оранжевого и пурпурного, людской поток на улицах начал редеть – сказывался местный образ жизни «от рассвета до заката». Фонарщики деловито переходили от фонаря к фонарю со складными лестницами, зажигая их, а редкие лавочники, намеренные поработать в полумраке, вывешивали над вывесками и прилавками лампы как признак того, что они ещё открыты.

Эльза, как и раньше, уверенно вела меня по городу, торопясь показать всё самое интересное.

И до наступления темноты мы успели обойти все центральные проспекты и прилегающие улочки, заглянуть в несколько мест, разжиться небольшими, но приятными сувенирами и даже совсем не по-аристократически перекусить «плебейской» кукурузой, которую в изобилии продавали на улицах.

Вся прогулка была наполнена разговорами и наблюдением за городом, который изобиловал деталями настолько сильно, что в какой-то момент я просто отрезился от попыток наскоро выстроить сносную картину мира.

Простолюдинов в Сант-Море было и правда много, но к вечеру все, кроме молодёжи, начали постепенно рассасываться. Исключением оставались разные зазывалы, уличные дельцы и сбивающаяся в группки у переулков шпана, с которой, стоило отметить, не спускали взглядов вездесущие жандармы.

«То ли из-за терактов их стало больше, то ли город сам по себе не эталон благополучия. Что, впрочем, при таком социальном расслоении – скорее норма».

Ко мне и Эльзе сомнительные личности по каким-то причинам приближаться не отваживались, но вот попрошайки, особенно недоросли, всё-таки выходили на промысел, выбирая целями среди пожилых господ – тех, кто с большей вероятностью подаст монетку-другую из жалости к детишкам.

Ещё одним немаловажным моментом стал тот факт, что техники при себе у простолюдинов почти не было. Исключение составляли бытовые катализаторы, выполняющие роли телефонов и коммуникаторов – встречались они у каждого второго.

И применяли их по-разному: материализовывали ключи, расчёски, инструменты, вееры, свечи и лампы, прикуривали «от пальца»...

Изгалялись-то по-разному, но все проявления эрикс-искусств выглядели примитивно и без изюминки. Та же материализация явления, а не объекта, почти не применялась, если не считать огонь, как не существовало и «долгоиграющей» материализации.

«С другой стороны, едва ли каждый студент первого курса у нас справился бы с тем, чтобы поменять колесо у повозки, используя только материализованные инструменты» – подумалось мне одновременно с тем, как на глаза попалась именно эта картина.

Пузатый мужичок с рабочими руками возился с колесом, приподняв телегу «домкратом» и попеременно меняя инструмент в руках. Делал он всё это ловко и уверенно, со знанием дела и стабильностью, выдающими богатый опыт таких махинаций. Даже не ругался почти.

– О чём думаешь? – Эльза, заметив направление моего взгляда, притормозила.

– О том, как странно устроен этот мир, – я качнул головой. – Электричество есть, экраны на площадях стоят, да за витринами новостные сводки крутят. А люди всё равно в большинстве своём выглядят довольно... отстало.

Хотелось сравнить с чем-то привычным мне, да только в этом не было смысла – Эльза всё равно не поняла бы вот так, сходу.

– Пф-ф, – девушка фыркнула, крепче за меня схватившись. – Электричество – дорогое удовольствие. Да и зачем простолюдинам телефоны? Чтобы жаловаться друг другу на жизнь? Им хватает катализаторов, там есть встроенные коммуникаторы.

– На всё-то ты ответ находишь, Эльза, – хмыкнул я.

– Просто я не люблю пустую философию. Мир такой, какой он есть, потому что так оказалось лучше и эффективнее. Даже если иногда людей становится чуточку жаль, – она потянула меня в сторону ближайшего поворота. – Идём на набережную? Там обычно очень красиво на закате...

И мы свернули в сторону реки.

Набережная и правда оказалась местом красивым – широкая, мощёная серым и белым камнем, она тянулась вдоль берега реки на протяжении нескольких километров, разрываемая лишь махинами примыкающих к воде складов и причалов.

Сама река сверкала в свете фонарей с той стороны берега, а редкие к ночи лодки и судна покрупнее перемещались, не издавая лишних звуков – лишь выпуская в небо тугие струи пара или дыма.

На нашей части набережной фонари почему-то зажжены не были, а людей поблизости считай что и не было – последний шальной прохожий, подвыпивший мужичок, прошёл мимо и свалился в кусты, после чего затих.

Но одним нам остаться было не суждено.

«Упорные какие, надо же. А ведь я давал им понять, что вижу каждого».

– Эльза, – я склонился к девушке. – Не оборачивайся. Когда я скажу, ты встанешь у меня за спиной и не будешь паниковать. Поняла?

Она замерла, чуть шире открыв глаза и покосившись на меня. Пальцы девушки, сжимавшие мой локоть, побелели, но вот голос и дыхание остались ровными:

– Бандиты?

– Именно. А теперь – за спину, Эльза, – я остановился и начал с демонстративной неспешностью разворачиваться к тем, кто с завидным упорством, на протяжении нескольких часов и от самого банка «присматривал» за нами с почтительного расстояния, игнорируя мои недоброжелательные, демонстративные взгляды.

Их оказалось семеро – на два больше, чем я успел насчитать ранее. Все одеты в потрёпанную, одинаково-серую одежду. Лица – замотаны тряпьем, в полумраке набережной даже глаза не разглядеть.

У всех в руках самые обычные ножи, а у одного, самого крупного – угловатый, самодельный и, судя по всему, однозарядный «пугач».

Катализаторов при них видно не было, но оно и логично – толку с устройств, которые специально были защищены от использования в качестве оружия дилетантами?

– Кошелёк, молодой господин, – низким басистым голосом заявил один из них, выступив вперёд. – И пацки вашей дамы. И расходимся миром, без членовредительства.

Я вздохнул.

Ртуть, по старой и не подводившей меня ещё ни разу традиции сокрытая под одеждой, выстрелила наружу сотней тонких, гибких лент. В тусклых отблесках почти скрывшегося за горизонтом светила они блеснули серебром – и обрушились на банду.

«В хорошей реакции им не откажешь», – мысленно подчеркнул я, глядя на то, как все семеро подались назад и попытались защититься ножами. Седьмой, с «пугачом», даже успел вскинуть оружие и выстрелить, в нашу сторону не целясь, но ртуть против такой шалости сработала безукоризненно... ну, почти.

Один опытный маг воплощения, способный контролировать жидкий металл, способен смешать с дёрном сотню и тысячу солдат с техникой – и никто ничего ему не сможет сделать. Здесь же – холодное оружие и однозарядный самопал.

«Только настроение испортили, ироды».

Я проводил взглядом стрелка вплоть до того момента, как он бросился с набережной в воду – мне просто было любопытно, что за «пути отхода» у них были припасены. И его силуэт действительно исчез в тёмной воде без следа, хоть я и вытащил его оттуда спустя пару секунд.

Остальные его подельники уже лежали на земле, скрученные по рукам и ногам. Вокруг вновь установилась благоговейная тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием пленников, плеском речной воды, перестуком стекающих со стрелка капель и стремительно нарастающим грохотом копыт.

– Лекс, – Эльза осторожно выглянула у меня из-за спины, приоткрыв ротик. – Ты...

– В порядке, – я вновь задвинул её себе за спину, улыбнулся и демонстративно поправил воротник пиджака. – Простые грабители.

А на набережную тем временем вылетела тройка конных жандармов, один за другим и с катализаторами-пистолетами наперевес. В первые секунды они ещё озирались и выискивали цели, а после – спешили. Их старший, высокий, с пышными усами мужчина, подбежал ко мне и, вытянувшись, отсалютовал:

– Ваше сиятельство! Прошу прощения, не уберегли! Позор на мои седины!..

– Не нужно, – я жестом остановил поток извинений, готовый обрушиться на нас с Эльзой. – Я буду благодарен, если ваши люди поторопятся и запакут этих... – я кивнул на «гусениц», отчаянно пытающийся освободиться от пут ртути, – ... идиотов. Не хотелось бы прерывать прогулку из-за такой мелочи.

– Так точно, ваше сиятельство! – он обернулся, рывкнув на подчинённых, которые и без того уже спешили и пеленали бандитов, которых я по-очереди освобождал от пут. – Месяц как искали этих негодяев! Уходили постоянно через очистные, сволочи! Ни катализаторов при себе, ни электроники. Оборванцы всякие за долю малую фонари гасят то тут, то там... Ещё раз прошу прощения, ваше сиятельство! Вы не пострадали? Леди?

– Мы в порядке, – произнесла Эльза с демонстративным спокойствием, хоть я и чувствовал, как её колотит.

Жандарм ещё раз поклонился и бросился к своим людям, один из которых озабочился вызовом подкрепления для транспортировки грабителей. Я же повернулся к Эльзе, взял её под локоток – и потянул её дальше по набережной.

– Ты как?

– Я... – она сглотнула. – Я в порядке. Всё было очень быстро, Лекс. Очень. Я даже испугаться не успела...

– Это хорошо, – я улыбнулся. – Незачем портить хороший день столь неприятным инцидентом. Как насчёт того, чтобы отыскать ещё одного торговца кукурузой?..

Остатки вечера пролетели, как миг, а в экипаже по пути к Первой Академии мы молчали. Эльза переваривала случившееся, прижимая к груди букет порядком истрепавшихся за день ирисов, а я размышлял обо всём том, что увидел сегодня.

«Сант-Море – крупный, богатый город. И это не помешало банде каких-то отморожков следить за нами от самого банка, на глазах у сотен и сотен жандармов. И огнестрел... будь на моём месте кто-то другой, то и вечер мог бы закончиться совсем иначе. Готовность черни убивать аристократов – это звоночек. И звоночек не самый приятный, коли ты находишься по другую сторону баррикад».

Мы вышли у ворот Академии, где я расплатился с кучером и, вновь взяв Эльзу под локоток, повёл её в сторону женского общежития.

– Лекс, – Эльза остановилась на границе парка и площади, потянув меня за край пиджака. – Я хочу... кое-что сказать. Пока мы не дошли.

Я развернулся к ней, окинув аристократку взглядом сверху донизу. Она выглядела бледной и напряжённой – состояние, противоположное тому, которое ожидаешь увидеть после хорошего дня, проведённого вместе.

– Я слушаю, Эльза, – я ободряюще улыбнулся, мельком убедившись в том, что поблизости нет ни студентов, ни охраны, ни персонала академии.

– Я хотела... В общем... – Эльза втянула воздух носом, сжав кулачки, – В общем, ты должен знать о том, что я общаюсь с тобой, ну... – она запнулась, поджав губы, но налилась упрямством и продолжила. – Не из-за статуса. Не потому, что ты «будущий столп», и не потому, что на тебя император внимание обратил. Мне... честно, мне страшно, что кто-то решит, будто отец мне приказал с тобой сблизиться. Или ты сам подумаешь, что это я сама ищу выгоду...

– Эльза...

– Нет, дай договорить, – она упрямо мотнула головой, задрав её и поймав мой взгляд. – Хотя я и «бесприданница», даже помолвки ранней недостойная, но я никогда не была охотницей за деньгами или титулами. Я... – Эльза сбилась на полуслове, не справилась с эмоциями и продолжила на полтона тише, – я же на тебя посмотрела ещё «до» всего этого, правда? До твоей славы, до...

Я чуть подался вперёд, опустив руки на плечи девушки и слегка её встряхнув.

«Она так отчаянно ищет оправдания. Ищет что-то, что могло бы послужить аргументом для неё самой. Эльза Шталь – и неуверенность. Это... наивно и мило».

– Эльза, послушай меня. Во-первых, – я легонько щёлкнул её по носу, за который она тут же возмущённо схватилась, – я прекрасно помню тот вечер и ту ночь в лесу, когда я всё ещё был просто Лександром, титул и положение которого – пустая формальность. Там у меня не было ничего кроме собственного имени, и, тем не менее, ты уже начала за мной присматривать. Я это запомнил, и я это ценю. А во-вторых, я твою искренность прекрасно вижу. И твои сомнения тоже...

– Пф-ф, – Эльза фыркнула, уткнувшись лбом мне в грудь и не дав договорить до конца. – Ты дурак, Лекс. Ты же даже не знаешь всего. Не знаешь, что матушка чуть ли не приказала мне «развивать успех», гордая тем, что ты меня выделяешь. Что в нашем кругу многие уже шепчутся обо мне нелестно. Что даже Вик... – она замолчала на секунду, – даже он всерьёз спрашивал, уверена ли я, что это того стоит. Даже этот деревянный, ленивый идиот!..

Я медленно выдохнул, осмысливая её слова. Плечи Эльзы всё ещё подрагивали, а она сама не стала ни на йоту более уверенной, чем в начале этого разговора.

– Значит, и Виктор тоже хорош, – произнёс я негромко, коснувшись её волос. – Стоило догадаться, что без его ехидных комментариев не обойдётся. Но, знаешь... независимо от того, что и кто говорил, говорит и будет говорить, я тебе верю. Как и ты поверила мне, а не отправила нарезать круги по парку просто из-за моего прошлого...

– Ты слишком собран, Лекс, – она задрала голову, поймав мой взгляд и прижавшись виском к ладони. – Почему ты всегда ведёшь себя так, словно у тебя в голове аналитический механизм встроен? Пф-ф...

Фыркнула она скорее от растерянности, чем от недовольства.

– И этот человек ещё смотрел на меня как на пустое место в том купе, – продолжила девушка, поджав губы. – Я и правда тогда была так плоха?

Я хмыкнул:

– Я не смотрел на тебя как на пустое место, Эльза. Просто я был слишком занят тем, чтобы не умереть от похмелья и того факта, что мне нужно как-то подготовиться к экзамену за сутки.

Эльза издала то ли смешок, то ли возмущённый выдох, и стукнула меня обеими кулачками в грудь, вцепившись в полы пиджака. А потом замерла.

Вокруг было достаточно тихо, чтобы ничего не мешало и не провоцировало лишние мысли. Я посмотрел в большие, кажущиеся почти чёрными глаза, плавно опустив руки с плеч девушки на её талию. Замер, отслеживая реакцию, но сделал это зря – Эльза не стала ни смущаться, ни негодовать. Лишь потянулась вперёд, встав на носочки.

Намёк был понят, и я наклонился, мягко, но настойчиво прижавшись своими губами к её. Короткий, почти невесомый поцелуй, кажется, подействовал на девушку лучше всяких слов.

Эльза замерла на секунду, распахнув глаза, а спустя миг выдохнула мне в губы и ответила – неумело, но с завидным упрямством и присущим ей напором. Её ладони на моей груди сжали ткань, а она сама подалась вперёд так сильно, словно решила меня повалить на землю.

Мы отпрянули друг от друга спустя несколько секунд. Я выпрямился, поймав съехавшую шляпку аристократки, а Эльза прижала ладонь к своим губам, глядя на меня с выражением,

которое в её исполнении видеть было дозволено не всем – радость пополам с облегчением и изумлением.

Она словно до сих пор не до конца поверила в то, что всё происходит на самом деле.

– Теперь-то всё встало на свои места? – бросил я тихо, улыбнувшись. – Потому что более веских доказательств я предложить не могу, Эльза. Кроме, разве что, сеанса профессиональной демагогии...

Пф-ф, – девушка фыркнула возмущённо и одновременно как-то совсем нежно. – Как у тебя всё просто, Лекс. Просто взял – и поцеловал. Даже не спросил...

– Ты сама тянулась, – заметил я, улыбнувшись.

– Я не... – Эльза запнулась, покраснела и резко отвернулась, подняв ещё более истрёпанный букет к груди. – Ладно, допустим. Чуть-чуть тянулась. Но ты всё равно дурак.

– Согласен, – я кивнул, не решившись спорить, и приобнял её со спины. – Но дурак честный и искренний. Вам с собой завернуть, или не будете брать?

– Посмотрим, – Эльза повернулась, бросила на меня тёплый взгляд и шагнула в сторону общежития. – Проводишь до дверей?

– С радостью...

От края парка до женского крыла было совсем близко, так что вскоре Эльза, напоследок мне улыбнувшись, скрылась за порогом общежития.

Я постоял так ещё несколько секунд, после чего развернулся и поспешил раствориться в тених, прерывая теперь уже лишнюю материализацию, и открывая аккуратную дырочку в пиджаке – почти напротив сердца.

Сунул руку в карман, достал сплюснутую пулю, покрутил её меж пальцев и цокнул языком – так самоуверенные идиоты и умирают, собственно. Отклонение в сантиметр, и пуля спокойно прошла мимо ленты ртути, а перехватить я её успел только за счёт «нательного доспеха».

«Пойди всё чуточку иначе, и мне, в отсутствие в этом мире магии исцеления, было бы сейчас очень грустно».

Я не стал поднимать шум при Эльзе. Зачем? Чтобы ещё сильнее её напугать? Чтобы она полночи не спала, прокручивая в голове то, как её кавалера могли убить из-за пачки ассигнаций?

В этом просто не было смысла, с какой стороны ни посмотри. Поэтому я изящно замаскировал свою оплошность – благо, в полумраке идеального попадания в тон и текстуру повреждённой одежды не требовалось.

– Хотя пиджак всё равно на выброс, – пробормотал я себе под нос. – Проклятье. А ведь я к нему уже привык...

Глава 8. Краткий миг затишья + Интерлюдия 2.

Обеденный зал, как это повелось, представлял из себя очень шумное, обладающее особой атмосферой место.

Первокурсники, вернувшиеся со своих первых выходных в новом статусе, обсуждали всё подряд: экзамены, новых преподавателей, грязные и не очень слухи и, конечно же, друг друга. Воздух практически парил от ароматов свежей выпечки и запечённого мяса, а из центра зала тянулась неразборчивая мелодия, порождённая примитивной механикой на пластинках.

«Без операторов эрикс-искусств чистый звук – нонсенс. Нельзя прогадать, но и действовать впопыхах нельзя тоже. Раз уж мир не «не мог», а «не догадался» такое предложить, то первые же удачные эксперименты расплзутся по Империи в разных ипостасях за считанные недели» – помыслил я, в третий раз промазав вилкой мимо особенно наглого, скользкого от мясного сока томата.

Я оторвал взгляд от празднующего победу овоща, покосившись на Эльзу. Она сидела по левую от меня руку, с полной невозмутимостью перекладывая с моей тарелки на свою последний кусочек курицы.

А взамен на мою тарелку переключалась веточка цветной капусты.

– Тебе нужно больше овощей, – пояснила она, перехватив мой взгляд. – На одном мясе ты далеко не уедешь, Лекс.

– Предлагаю в следующий раз сервировку подносов доверить мне, – я хмыкнул. – Или что-нибудь у меня стащить – это принципиальная позиция?

– Пф-ф, – Эльза фыркнула. – Даже если так, то что? Ты разве против?

– Не против, – мне оставалось только плечами пожать. – Мне для тебя курицы не жалко. Одного кусочка. Но со стороны ты звучишь как заправский диетолог...

– Я звучу как человек, который хочет, чтобы его... – она запнулась на мгновение, – его пациент дожил до выпуска. Или хотя бы до конца полугодия.

Лиза, царственно восседающая напротив, у самого окна, многозначительно хмыкнула, но оставила сцену без комментариев – лишь обменяла с Белль взглядами.

Сама Сориар, впрочем, тоже сидела подчёркнуто близко к Дмитрию.

«Но она всё ещё держит дистанцию. Ожидаемо, потому как такие дела нахрапом не делаются... обычно» – я вновь посмотрел на Эльзу, в глазах которой отражался я, являющийся прецедентом иного, скоротечного подхода.

Впрочем, поцелуй – это всё ещё довольно целомудренный уровень, и форсировать развитие событий не намеревался ни я, ни, надеюсь, она. Я по понятным причинам, а Эльза потому, что ей всё-таки было страшно за свою девичью честь и репутацию в Академии, естественным образом просевшую от близкого знакомства с одним кутилой.

– Кстати, о выпуске, – Громов, прикончив свой излюбленный стейк, кивнул в сторону распахнутого главного входа, который обычно мог похвастать одной-двумя открытыми створками из четырёх. – Все уже слышали про фестиваль? Похоже, старшекурсники как раз сегодня...

Вселенная как будто только и ждала его слов. В центре зала вдруг стихла музыка, сменившись куда более качественным маршем: механический патефон задвинули в угол, породив с помощью эрикс-искусств аналог, но куда более точный, качественный и дающий чистый звук.

Всё внимание мигом перетекло к старшекурсникам, которые и устроили данный перформанс, заставив обедающих юношей и девушек разминать шеи.

– Первый курс! – зычно объявил высокий блондин третьего, судя по нашивкам, года обучения. – Рад приветствовать вас в стенах нашей горячо любимой Первой Академии! Меня зовут Корнелиус Вайт, и я – глава студенческого совета. Для меня большая честь лично объ-

явить о самом важном событии начала учебного года! Имя ему – Приветственный Фестиваль Уходящего Лета, что состоится через три дня!

По залу прокатилась волна заинтересованного гула. Старшекурсники за другими столами захмыкали понимающе, а первогодки, особенно простолюдины, зашептались со вдвое большим усердием.

– Фестиваль – это наша, с большой буквы, Традиция, – продолжил Корнелиус, широко улыбаясь. – В этот день каждый клуб, каждая секция и каждое безымянное объединение в стенах Академии могут представить себя. И они представят. Вы, господа и дамы, сможете увидеть показательные выступления, пообщаться с наставниками, кураторами и старшими товарищами, а главное – выбрать себе занятие по душе. Для тех, кто ещё не определился со внеучебной активностью, это – лучший шанс!

– А для тех, кто уже определился, – вперёд выступила статная брюнетка с очень увесистыми аргументами и аурой, гарантирующей, что на внимание такого плана ответ будет стремителен и безжалостен, – это возможность доказать, что ваш клуб – лучший. Соревнования, конкурсы, демонстрации с приятными призами – всё это будет ждать вас на полигонах и в выставочных залах. Но я попрошу вас понять и принять тот факт, что побывать везде вы, скорее всего, не успеете. А потому – выбирайте с умом.

Корнелиус кивком подтвердил слова своей протеже, и звучно хлопнул в ладоши:

– Более подробную информацию с картами мероприятия ждите на досках объявлений в холлах общежитий и центрального крыла, а так же в виде буклетов, которые начнут раздавать со дня на день, – он демонстративно, театрально так поклонился. – И готовьтесь – будет жарко!

Старшекурсники покинули центр зала под аплодисменты и одобрительные выкрики, но за нашим столом атмосфера осталась куда более сдержанной.

– Фестиваль, – протянула Лиза, откинувшись назад. – Звучит весело... но я, если честно, думала, что это будет нечто вроде бала.

– Разочарована? – Громов хмыкнул, покосившись на сестру. – По-моему, полигоны и соревнования будут всяко лучше танцев. Тем более, что у нас и так танцы были считай что на днях...

– А я вот слышала, что на этом фестивале можно будет посмотреть на работу выпускников медицинского крыла, того, которое с четвёртого курса, – Белль подалась вперёд, к Эльзе. – Добровольцев откуда-то возьмут, рыбок ещё всяких... для наглядности. И оценивать будут мастера-наставники академии...

– Правда? – в глазах восторженной Эльзы загорелись огоньки, быстро погасшие. – Хотя... это же наверняка для набора перспективных студентов под крылышко кураторов. А я уже занимаюсь с леди Корнель.

– Думаю, тебя всё равно отправят поучаствовать, – пожала плечиками Сориар. – Всё-таки ты уже протеже леди Корнель. Будешь, так сказать, ориентиром...

– Бр-р... – Эльза поёжилась. – Ещё чего не хватало. Не люблю я это лишнее внимание...

Я же в это время жевал цветную капусту и размышлял о своём. Фестиваль – это, конечно, интересно, но тратить целый день на разглядывание чужих достижений, когда у самого дел полон рот...

– Лекс, ты чего такой хмурый? – Дима, заметив моё выражение лица, приподнял бровь. – Не нравится перспектива поучаствовать в фестивале?

– Оно самое, – я отложил вилку. – Просто дел полно, а нас будут развлекать показательными выступлениями. Смысла в этом – кот наплакал.

– Лекс, – Эльза легонько толкнула меня локтем. – Твои тайные чертежи никуда не убегут. А вот пропустить единственный день в году, когда можно посмотреть на студентов более опытных – преступление. Ты хоть слышал, что вытворяют пятикурсники на выпускной практике? А тут то же самое, но масштабнее!

– Эльза дело говорит, – поддержала её Элизабет. – Кстати, действительно, а что ты там чертить начал в последние дни, в блокноте своём?

Я вздохнул, выудив из внутреннего кармана новенького пиджака небольшой блокнот, раскрыл на странице с закладкой. На ней красовалась довольно подробная, но едва ли способная кому-то что-то сказать схема – блоки, линии, цифры, сроки и фамилии.

– Это... что? – Белль прищурилась, силясь разглядеть что-то с другого края стола. Наклоняться, как Лиза, она себе не позволила.

– Схема по одному проекту, – честно признался я. – Возможно, способ заработать свой собственный капиталчик. Небольшой. Или просто дурость, время покажет. И дальнейшие расчёты...

Я начал размышлять об этом с того самого момента, когда услышал не самый качественный звук на «балу» после экзамена, где музыку организовывали операторы эрикс-искусств. И продолжил, послушав шипяще-грохочащие звуки, доносящиеся от цеппелина, от телевизоров и экранов в городе и от вездесущих граммофонов.

Суть была предельно простой: в этом мире существовали телефоны, смартфоны, коммуникаторы, были звонки, примитивные угольные микрофоны, магнитная запись на проволоку, зачатки интернета и даже видео в плохом качестве. Вот только звук везде был как из бочки, а портативные аудиосистемы отсутствовали как класс. Даже не особо портативные отсутствовали.

Это было странно, но такова уж реальность – в освоившем интернет мире музыку слушали на граммофонах, потому что только там звук был хоть сколь-нибудь приемлемым.

Выборочная технологическая стагнация доводила ситуацию местами до абсурда, и на этой несурзности строился мой, с позволения сказать, план.

«Зачаток плана. Зачаток зачатка плана».

– Из академии не шибко удобно заниматься чем-то таким, – покачала головой Белль. – Впрочем, я не буду лезть в твои дела. Но с удовольствием понаблюдаю за тем, как ты достигнешь успеха...

– Об успехе пока говорить не приходится, но спасибо за веру в мой потенциал, – хмыкнул я, сунув блокнот обратно в карман. – В любом случае, если что-то выгорит, то я первым делом сообщу об этом вам.

– Ловлю на слове, – серьёзно кивнул Громов. – К слову, раз уж мы заговорили о том, почему фестиваль – не такая уж и пустая трата времени. Ты знал, что это не просто ярмарка? У этой традиции глубокие корни. Это совсем не про то, как бы развлечь заскучавших отпрысков знати.

– Ты меня заинтриговал, – я подался вперёд.

– Семьи Первой Сотни во время фестиваля, так скажем, заканчивают делить самые лакомые, «ничейные» кусочки, – произнёс Дима тоном, явно пародирующим кого-то из старших родственников. – Будущих союзников, перспективных слуг, талантливых простолюдинов или просто доверчивых дурачков, которых можно выгодно использовать. Со слов людей знающих, это делается для того, чтобы высокородные студенты во время учёбы друг друга не поубивали. Метафорически, конечно. По большей, кхм-кхм, части...

– То есть, – медленно произнёс я, приподняв бровь. – Это что-то вроде политической ярмарки?

– Именно. У нас тут, конечно, маленький филиал большого мира извне, но конфликты и союзы в стенах Первой Академии зарождаются и гаснут вполне себе по-настоящему. А ещё, – брюнет кивнул куда-то в сторону, где нет-нет, да появлялся кто-то из заглядывающих на обед преподавателей, – наставники под шумок и в виде соревнований проводят углублённую оценку всего потока первокурсников. Ирвинг недавно обмолвился, что списки на индивидуальное наставничество формируются как раз по итогам фестиваля. Так что...

– Так что это не развлечение, а очередная проверка на профпригодность, – закончил я за него, потеряв переносицу во всё никак не отлипающем от меня жесте. – Спасибо, Дима. Теперь фестиваль стал выглядеть как нечто органично вписывающееся в учебный процесс...

– Всегда пожалуйста. Но я удивлён, что ты об этом нигде не слышал, – Громов улыбнулся. – Впрочем, все мы порой теряем из виду что-то вполне очевидное...

Эльза, до сего момента слушавшая наш разговор с вежливым интересом, вдруг подалась ко мне и молча стащила ещё один кусочек мяса. Я поймал её за руку, но девушка ловко вывернулась и с победным фырком отправила добычу в рот.

– Ты неисправима, – вздохнул я, протянув ей салфетку.

– Просто кто-то слишком медленно ест. А нам через четверть часа уже на лекции нужно быть, между прочим. И профессор обещала разбор ошибок с экзамена. Должно быть, – она задумалась на секунду. – Должно быть интересно.

– Разбор ошибок, – Лиза скривилась. – Звучит как публичная порка.

– Для некоторых так оно и будет, – усмехнулась Белль, прикрыв рот ладошкой. – Но имён на таких мероприятиях обычно не называют. Просто разбирают типичные ошибки на конкретных примерах. Обижаться там не на что.

– На обиженных воду возят, – хмыкнул Дима, наполнив бокал Сориар морсом из графина. – Но люди всё равно обожают обижаться. Словно это хоть на что-то может повлиять...

Мы посидели ещё несколько минут, после чего начали собираться. Я подхватил свой поднос и попытался реквизи́ровать посуду Эльзы, но она стукнула меня по рукам.

– Я сама, – бросила она, выскользнув в общий проход. – Ты вчера говорил, что рука ещё побаливает после выходных. Так что не спорь. Не будешь в следующий раз повязку самовольно облегчать, Лекс.

И я действительно не стал спорить, понимая, что в таких вопросах пытаться ей доказать обратное – всё равно, что пытаться остановить поезд голыми руками.

Я двинулся следом за Эльзой, наблюдая за тем, как она ловко лавирует между столами, пока пробивающиеся через окна лучи солнечного света витиеватыми росчерками окрашивают её огненно-рыжую шевелюру во все оттенки расплавленного золота.

На душе было удивительно тепло и спокойно – так, как вне чертогов моего собственного разума не бывало уже много десятилетий.

А потом я ощутил на себе чужой взгляд.

За одним и столом у самого входа сидели Кризенфорты, собравшие вокруг себя целую свиту из десятка аристократов. Ян, как обычно, демонстративно меня игнорировал, а вот Астрид... она смотрела прямо на Эльзу, и этот её взгляд мне совсем не понравился. Блондинка вновь мимолётом посмотрела на меня, после чего вернулась к какой-то беседе за своим столом с совершенно равнодушным видом.

Эльза этого ожидаемо не заметила, не имея привычки ждать удара отовсюду сразу. Она с улыбкой продолжила вещать о леди Корнель и своём первом пилотном медицинском проекте, в то время как у меня в груди заворочалась холодная, липкая неприязнь.

«Я могу понять Кризенфорт. Могу понять их мотивы. Могу даже понять, почему они едва ли решатся на прямую конфронтацию. Но принять это?».

С одной стороны, всё шло к тому, что я буду вынужден воевать с детьми. Причём способами, далёкими от детских забав. Потому что в отношении себя я обоснованные выпады стерпеть ещё смог бы, сведя последствия к минимуму.

«Но под ударом моё окружение. И сколь бы матёрой интриганкой себя ни считала Эльза, что-то мне подсказывает, что против Кризенфорт со свитой прихлебателей она ничего не сможет поделывать».

Мы покинули обеденный зал, бегом ринувшись в нужную аудиторию – пришлось ускориться, чтобы не опоздать. Успели за минуту до: едва заняли места, как в аудиторию вошла

непосредственно профессор Мора, по устоявшейся в Первой Академии традиции сразу же заперев входные двери.

– Господа и дамы, – уверенная в себе возрастная дама прошлась вдоль кафедры, размахивая указкой на манер дирижёрской палочки. – Я просмотрела ваши выступления. Не каждого, но многих. И знаете, что я вам скажу? В совокупности вы умудрились допустить все возможные ошибки, которые только можно себе вообразить. И даже парочку таких, которые вообразить нельзя вообще!

Кто-то в аудитории нервно хихикнул, не иначе как вспомнив своё практическое выступление, попадающее под категорию невозможного, но в плохом смысле. Все остальные оказались много благоразумнее, и под взглядом женщины вели себя тише воды, ниже травы.

– Не обольщайтесь, – продолжила Мора, сложив руки за спиной и покачивая указкой. – Смеяться тут не над чем. Каждая ошибка, допущенная на экзамене, в иных обстоятельствах могла бы строить кому-то времени, здоровья или даже жизни. Даже если результат в итоге оценили на высший балл. Посему я взяла на себя смелость и каталогизировала ваши промахи, выделив основное. Внимание на доску...

Проекция всплыла параллельно поверхности доски, заполнив пустоту списком из нескольких пунктов, написанных аккуратным, каллиграфическим почерком. Как ни посмотри, а выглядело это настолько естественно, что даже я не смог бы заподозрить в увиденном иллюзию – чувствовался опыт многих лет преподавания.

– Ошибка номер один, господа и дамы. Самая распространённая, – она указала указкой на первый, подсветившийся пункт. – Непонимание разницы между стабильностью конструкта и его прочностью. Скажете, нечто простое? Но судя по практической части экзамена я бы сказала, что эта проблема присутствует у семи человек из десяти. Масштабируйте сами на весь поток, это несложно.

На проекции встретились два понятия: стабильность и прочность. А профессор продолжила вещать:

– Я попрошу вас запомнить, господа и дамы. Стабильность – это способность конструкта сохранять форму и свои свойства во времени. Прочность – это его способность выдерживать внешнее воздействие. Ни то, ни другое не имеет прямого отношения к воплощённому материалу. И это – разные вещи. Можно создать вазу, которая рассыплется осколками от малейшего прикосновения, а можно создать нестабильный, но прочный кусок стали. В работе с эриксом важно уметь делать и первое, и второе. И понимать разницу, умело балансируя между этими двумя характеристиками...

Я слушал с интересом, вопреки своей уверенности открывая для себя что-то новое. Профессор Мора знала своё дело, и её лекции, – это была уже третья с начала учебного года, – не позволяли особо отвлекаться на что-то ещё.

– А теперь ошибка номер два, – продолжила профессор. – Недооценка возможностей катализаторов... или переоценка их. Господин Лазарь, – я встрепнулся, – попрошу вас встать и выйти ко мне. Да, вот сюда, пожалуйста...

Я занял обозначенное место, держа в поле зрения и своих однокурсников, и профессора.

– Итак, что я имею в виду, спросите? Продемонстрируем наглядно. Господин Лазарь, воспользуйтесь любой удобной вам техникой или техниками, и создайте поочерёдно яблоко, стальной куб, ветку дерева, горящий факел и кусок льда...

Я послушно выполнил всё затребованное, для вида активировав вторую материализацию, и застыл в ожидании.

– Вы используете материализацию, господин Лазарь? – я кивнул, и профессор обернулась к аудитории, агрессивно взмахнув указкой. – Итак, что мы видим? Материализация. Одна из основных техник, которые используются людьми. Создание инструмента, постоянных кон-

струкций, прочих явлений – всё это делают с помощью материализации или её подвидов. Огонь горит, лёд тает, металл твёрд, как ему и подобает...

Профессор постучала указкой по кубу стали, прежде чем продолжить:

– А теперь мы попросим господина Лазаря создать всё то же самое, но с использованием техники моделирования. То же самое – значит материальное. Прошу, – я удивился, но виду не подав, прервав материализацию и с помощью моделирования воссоздав все пять объектов. Профессор поднесла руку к факелу, ощутила жар, коснулась льда – и удовлетворённо кивнула. – Можете поверить мне на слово, господа и дамы, но и этот огонь горяч, лёд – холоден, а металл всё ещё достаточно прочен. Это – переоценка возможностей катализатора как она есть. Конечно же, я сама попросила господина Лазаря прибегнуть к моделированию, но это не более, чем способ наглядной демонстрации сути ошибки.

Абсолютно все в аудитории к этому моменту обратились вслух, не сводя взглядов с меня, профессора и моих конструкторов.

– Господин Лазарь в данном случае добился нужного результата, но на деле – он перегружает устройство на порядок сильнее, чем если бы была использована специализированная техника. Это означает, что какими бы способностями ни обладал господин Лазарь, но с помощью материализации он бы создал на пару порядков более стабильные конструкторы, нежели с помощью моделирования...

Мимолётным движением профессор создала длинный и вытянутый шип, пройдясь им по созданным мною объектам. И я не стал слишком сильно сопротивляться, позволив им распаться.

Тем более, что «удар» был действительно сильным, и я не был уверен в том, что удержал бы «нематериально-материальные» конструкторы, даже всерьёз напрягшись.

А профессор Мора тем временем и не думала давать слушателям передышки.

– При этом в случае с моделированием многократные попытки создать нечто материальное приведут лишь к тому, что катализатор нагреется до состояния заготовки в кузнечном горне. Наглядный эффект, аналогичный обычной перегрузке, но наступающий намного быстрее. Поэтому мы, операторы эрикс-искусств, ОБЯЗАНЫ понимать, как работают катализаторы, что они могут, а чего – не могут, и как лучше подступить к решению конкретных задач.

Она вновь обернулась ко мне:

– Скажите, господин Лазарь, вы часто используете специализированные техники для создания льда, огня, металла, может быть, цветов?..

– Никак нет, профессор, – я качнул головой. – Я пользуюсь только материализацией, потому что это удобно.

– Но вы отдаёте себе отчёт в том, что при прочих равных специализированная техника снизит нагрузку на ваш мозг и на вычислительный блок в два, три, а то и в десять раз? Что вы на данный момент требуете от катализатора того, подо что он не заточен?

– Да, профессор, – и снова я смиренно кивнул, соблюдая субординацию и выступая идеальным наглядным примером того, как сделать нельзя.

«Если эта мадам хотя бы подумывала о том, чтобы меня задеть, то... увы ей. Был бы я лет на семьдесят младше – тогда да, а так...».

– В таком случае, вы должны понимать, – она неспешно обернулась к аудитории, – что это лишь одна сторона медали, носящей название «переоценки». Со второй всё куда проще, и суть заключается в том, что некоторые индивидуумы считают, что если техника обещает породить огонь, то от оператора не требуется ничего особенного, кроме активации этой самой техники. Это глупость, но глупость не столь опасная, как то, что практикует господин Лазарь. Суть опасности ясна? Фольт, чем опасен подход, практикуемый вашим соучеником?

Алисия вскочила со своего места, явно не ожидая того, что спросят её – простолюдинку. Это вообще на моей памяти был первый случай, когда внимания преподавателей напрямую удостоивался кто-то не знатный.

– Такой подход, профессор, опасен рисками серьёзной перегрузки, выхода катализатора из строя и возможной локальной катастрофы, с этим связанной, – как по писаному оттарабанила Алисия, удостоившись степенного кивка.

– Прекрасный ответ, садитесь. А теперь, – женщина обернулась, посмотрела на меня, повела рукой – и проекция сменилась на следующую.

Теперь там был изображён простолюдин в разных ипостасях: с посудой, инструментом, лучиной и так далее. Каждый объект обладал подписью, символизируя отдельную специализированную технику – предельно оптимизированная под любого варвара схема использования катализатора.

– Теперь сядьте на своё место, господин Лазарь. Будем считать, что с вопросом переоценки возможностей катализаторов мы разобрались. Далее – недооценка, и касается она, как бы странно то ни было, реальных возможностей катализаторов в руках не получивших должного образования пользователей катализаторов. Тех, кого даже операторами эрикс-искусств назвать стыдно. Для понимания сути вам должно быть известно, что техники – это не просто наборы цифр и строк кода, но и дистиллированные, чистейшие слепки образов, над получением которых денно и нощно бьются наши специалисты...

Остаток лекции пролетел незаметно. Профессор, закончив с разбором ошибок, плавно перешла к следующей теме – иерархии сложности образов и тому, как разум оператора взаимодействует с вычислительным блоком катализатора.

И тут я слушал внимательно, надеясь вычленить что-то сверх того, что требовалось для успешной сдачи экзаменов в будущем.

Увы – в опытности профессора были и очевидные минусы вроде того, что лишнего она не говорила и по случайности проболтаться о чём-то «не для первокурсников» не могла. Хотя её всё равно было интересно послушать, просто чтобы убедиться в правильности самостоятельно сделанных выводов.

Ну а после того, как лекция закончилась, мы с Эльзой двинулись к следующей аудитории.

День был в самом разгаре, и я собирался хотя бы создать видимость того, что всё вполне себе неплохо.

[Интерлюдия 2].

Ян Кризенфорт измерял шагами пространство между преподавательской кафедрой и первым рядом столов. Его тяжёлые, уверенные шаги гулко отдавались в недавно опустевшем помещении, на единственном входе в которое теперь висел изящный засов.

Ян был зол, но не так, как днями ранее. Сейчас в нём преобладала холодная расчётливость, переплавленная из гнева и ярости после самых первых промашек.

– Прямая атака на Лазаря бесполезна, – произнёс блондин, не столько обращаясь к сестре, сколько рассуждая вслух. – Его навыки лежат вне плоскости простых демонстраций. Это... было неожиданно.

Астрид обернулась и прищурилась, оторвав взгляд от окна, за которым солнце планомерно пыталось скрыться среди крон развесистых деревьев.

– Проверка на выходных принесла результаты, но, – Ян поморщился, – не такие, какие мне бы хотелось.

– Ты ведь не привлекал к этому посторонних? – девушка шагнула к брату, задрав голову. – Это было глупо, Ян. Очень глупо.

Ян отмахнулся:

– Я действовал через знакомых наших общих знакомых, Асти. Нужно было понять, с чем я имею дело, и каковы вообще перспективы в прямом столкновении. И... – он шумно выдохнул. – Ты была права. Лазарь ждёт чего-то подобного, и меня он просто размажет при первом же удобно подвернувшемся случае.

– А подробностями ты со мной поделиться не хочешь? – Астрид приблизилась, наклонив голову и попытавшись заглянуть в лицо Яну.

Тот сразу отвёл взгляд.

– Не хочу, Асти. Да тебе это и не нужно.

Астрид не ответила – лишь вздохнула разочарованно, да вернулась к окну. А Ян, выждав несколько секунд, сложил руки за спину и продолжил, то ли рассчитывая получить от сестры одобрение, то ли ожидая, что она раскритикует его рассуждения в пух и прах.

– Его безусловно сильные стороны – это боевые навыки. Ещё есть связи: Громы, род Сориар и, конечно же, Его Высочество. Но прямой протекции там нет, что уже хорошо. Вдобавок, у Лазаря есть столь же безусловные, очевидные слабости.

– Ты имеешь в виду Шталь, – кивнула Астрид, оперевшись ладонями на подоконник.

– Именно, – Ян кивнул незамедлительно. – Дочь барона. Бесприданница, у которой нет ничего кроме смазливой мордашки и непомерной гордости. А фоном к этому пойдёт мнимое прошлое Лазаря, которое он так старательно пытается похоронить под слоем своих «подвигов». Это две болевые точки, Асти, и я намерен ударить по ним разом. Прямо как завещали дед и отец...

Ян снова двинулся по комнате, но на этот раз – медленно, размеренно, отмеряя каждый шаг.

– Суть вот в чём, – продолжил он. – О Шталь и так уже болтают всякое. Она слишком явно вешается ему на шею, напрочь забывая о приличиях. Многие это заметили. Даже если они не спят вместе, правильные слухи... о, они творят чудеса. И что самое приятное, от нас потребуется не породить их, а просто раздуть.

– Всё, что ты можешь предложить, это слухи? – Астрид развернулась к окну спиной, вздев бровь. В её взгляде сквозило что-то огорчённо-задумчивое.

– Правильные слухи, – повторился он. – Охотница за титулом, готовая лечь под кого угодно по приказу отца. Прекрасный повод для сплетен. А если приправить это тем, что Лазарь на самом деле не изменился, а просто сменил россыпь игрушек на одну более удобную и доступную, ту, что будет под рукой даже в академии...

Ян довольно прищурился:

– Лично я не вижу адекватного выхода из такой ситуации. Если в стенах академии это подхватят, если на их парочку начнут смотреть иначе и шептаться за их спинами, то наступление раздора в их отношениях – всего лишь вопрос времени, – блондин потёр ладони, втянув носом прохладный воздух. – Да, Лазарь – ублюдок и интриган, каких поискать. Но вот его спутница – она с выделкой попроще. Даже если Шталь искренняя в своих намерениях, во что мне не верится, сомневаться она всё равно начнёт. А где сомнения, там и страхи...

– Это всё займёт время. Много времени.

– Которое я потрачу на поиск его настоящего уязвимого места, Асти, – Ян улыбнулся. – Всё будет ровно так, как нас учили. Планомерно, выверенно – и без повода обвинить нас хоть в чём-то.

Астрид молчала в течение нескольких секунд. Затем отпрянула от подоконника, одёрнула подол форменной юбки и подошла к двери, прервав технику материализации и избавившись от засова.

– Делай, что считаешь нужным, Ян. Только не заставляй меня участвовать в этом фарсе. Пожалуйста.

– Ты и не будешь, – неожиданно тихо произнёс парень. – Твоё дело – просто наблюдать. А это... это моя война.

Астрид вновь промолчала, а спустя пару секунд дверь за ней закрылась, не издав ни единого лишнего звука.

Ян Кризенфорт остался в кабинете один.

Он постоял ещё немного, после чего достал из сумки личный планшет со стилусом, уселся прямо на один из пустующих столов – и начал писать.

Несколько аристократов из низших, обязанных Кризенфортам. Пара человек из обслуживающего персонала академии, крючки на которых достались ему «по наследству». И одно имя человека, которого было не особо жалко, и который не смог бы отказать даже при всём желании.

«Он станет первым звеном в цепочке. Идеальный вариант».

За окном уже стемнело, а Ян всё ещё возился с записями, рассылая сообщения – просьбы, вопросы, приказы. В нём не было той выжидательной нотки характера, которая обычно делала Кризенфортвов столь опасными оппонентами.

Зато Ян, в отличие ото всех остальных родственников, не боялся действовать быстро, с наскока. Не боялся он и рисковать, что порой ему аukaлось... или приносило солидные дивиденды.

Так или иначе, но следом за провальными попытками корни пустила интрига, которая не могла не принести результата.

И Яна это вполне устраивало, ведь он был готов мстить столько, сколько потребуется.

Глава 9. Чистейший образ.

Следующее занятие с простолюдинами закончилось раньше обычного.

Тереза заставила меня изменить моё о ней мнение, справившись с упражнением на стабильность, а Готье порядком укрепил как свой контроль над образом, так и способность прерывать технику в случае утраты этого самого контроля. Алисия просто с успехом прогрессировала, а Лин и Гидеон оправдали своё звание «близнецов», достигнув сравнимых успехов в одних и тех же направлениях.

Но выдохлись все знатно, так что я отпустил их на полчаса раньше положенного, посоветовав отоспаться – видно было, что для незнатных студентов нагрузка попервой оказалась чрезмерно большой.

«Тереза – дать упражнения на масштаб, проконтролировать переход при смене формы. Гидеон и Лин – попробовать парные упражнения. Готье – отучить его бояться. Алисия – подготовить углублённые методы тренировки» – пометки в блокнот ложились ровными и изящными вереницами символов, складываясь в систему.

Спустя пару минут я захлопнул блокнот, по устоявшейся уже привычке сунув его во внутренний карман пиджака. Парк в преддверии вечера начал выцветать, приобретая особенный контраст. Фонари только начинали разгораться усилиями неприметных и тихих фонарщиков, а аллея, ведущая к общежитию, была почти пуста – только пара старшекурсников о чём-то спорила под деревцем чуть в стороне, да вдалеке промелькнула одинокая, припозднившаяся фигура кого-то из преподавательского состава.

Мой телефон отдался вибрацией в рёбрах, когда я почти добрался до восточного крыла. Я достал его и пробежался взглядом по строчкам пришедшего сообщения, хмыкнул.

«Корвин, надо же. И ведь раньше ожидаемого на связь вышел...».

Само сообщение не содержало в себе ничего неожиданного – всего лишь приглашение «на чай», то бишь – на первую «рабочую смену».

«Господин Лазарь, если вы свободны этим вечером, то наши общие знакомые из Бюро готовы провести первую рабочую встречу. Ваши требования были рассмотрены и одобрены в том случае, если сотрудничество принесёт свои плоды ко взаимному удовлетворению. Мой помощник будет у ворот Академии через пятнадцать минут. Если вам удобно, разумеется. Ф. Корвин».

Я даже не стал перечитывать сообщение дважды, как делал обычно, ведь решение принял, стоило только уловить суть. Конечно, после насыщенного дня и двухчасового урока с простолюдинами хотелось отдохнуть, но в остальном...

«Эльза сегодня с леди Корнель, и освободится невесть когда. Других неотложных дел нет. А сотрудничество с Безопасностью – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического мяса. То есть, не столько знания, сколько репутация. Хорошо быть на хорошем счету у тех, кто в противном случае может сделать тебе очень нехорошо, как говаривал один мой знакомый ещё с той жизни. Долго он, правда, не прожил, но сама мысль неплохая».

А ещё остро стоял вопрос доходов, в которых я, положа руку на сердце, начинал нуждаться. Да, отец обеспечивал меня средствами для жизни и учёбы, и даже сверх того – за недавние достижения счёт пополнился суммой, позволяющей откровенно шиковать в течение всего года.

Вот только маленький личный аудио-проект и ухаживания за Эльзой – это не заботы Лазарей. Это моё, во всех смыслах.

Я быстро отписался о своём согласии, и тут же развернулся к воротам, на ходу поправляя катализатор и к вечеру попытавшуюся съехать с запястья повязку.

И ускорился, потому как заставлять ждать даже помощника именитого следователя было неблагоразумно.

Уже знакомый мне чёрный экипаж без опознавательных знаков ждал у ворот Академии. Кучер, молчаливый мужчина в сером, коротко кивнул, открыв дверцу. В салоне обнаружился, ожидаемо, не Корвин, а значительно более молодой человек с цепким взглядом и отчаянным желанием походить на своего наставника или кумира – уж не знаю, как с культом личности обстоят дела в такой конторе.

– Господин Лазарь, – он склонил голову ровно настолько, насколько было нужно, дабы соблюсти формальности. – Меня зовут Поук. По мере возможностей я буду сопровождать вас в филиал, контролировать ваше беспроblemное возвращение обратно и фиксировать выполнение поставленных задач для перечисления оплаты в дальнейшем.

– Благодарю, Поук, – я устроился напротив, спокойно приняв тот факт, что представились мне какой-то кличкой или позывным, а не именем.

Благо, эта малость никак ни на что не повлияла. Поук не пытался завязать разговор, заслужив тем самым мою искреннюю признательность, а виды за окном настраивали на нужный лад.

Сант-Море был по-своему красивым городом, пропитанным атмосферой провинциальности в том смысле, который я понимаю под этим словом. Мало людей, технологическая отсталость, обилие «пережитков прошлого» – всё это не позволяло видеть в нём развитое «сердце» региона.

«Или хотя бы его почку».

Когда экипаж начал сбавлять ход, мой взгляд успел зацепиться за массивный экран, закреплённый перед зданием на перекрёстке. Сводка новостей была, как тут водится, краткой и лаконичной: «Переговоры на высшем уровне продолжаются», «Его Величество выразил уверенность в стабильности ситуации подле границ», «Молодое поколение эрикс-операторов подаёт огромные надежды».

Ни слова о ноте Федерации или политической буре в высшем обществе.

«Впрочем, никто в здравом уме не будет ждать от таких источников откровенности».

Вскоре мы свернули с дороги во дворик филиала управления, где Поук проводил меня внутрь, в уже знакомый коридор и, что важнее, без парочки «телохранителей».

А уже там я был торжественно передан с рук на руки Анастасии, и торжественность эта заключалась в «вот» с одной стороны, и «угу» с другой.

– Господин Лазарь, – Анастасия приветственно кивнула, обозначив вежливую улыбку. – Рада, что вы согласились день-в-день. Следуйте за мной...

С нашей последней встречи изменилась не только Анастасия, выглядящая менее официальной и куда более оживлённой в дорогом брючном костюме и с волосами, собранными в пучок, но и сама лаборатория.

Помещение преобразилось: стены обшили металлом, вентиляция теперь ощутимо тянула, оборудования стало больше, а одна из стен обзавелась бронированной дверью и стеклянным «окошком», за которым находилась непосредственно рабочая зона со всеми датчиками и сенсорами.

– Я не любитель откладывать дела в долгий ящик, леди. И, – я демонстративно огляделся, – у вас тут стало куда уютнее.

– Программа расширения присутствия, не обращайтесь внимания, – хмыкнула она. – И не надо этих «леди». Просто Анастасия. В этих стенах титулы и звания не имеют большого значения.

Вместо Роуса в лаборатории между тем обнаружился молодой юноша, поприветствовавший меня кивком и вернувшийся к настройке оборудования.

«Ну или к тому, чем он там занимался – не суть важно».

– Итак, – Анастасия прошла к тому, что я обозначил для себя как пункт управления. – Мы составили долгосрочный план сотрудничества, но сегодня – пробный прогон. Ничего сложного, обычные замеры, плюс кое-что из того, что требуется непосредственно для дела. Нужно понять, насколько эффективно и в каком темпе вы сможете с нами работать...

– А если чуточку конкретнее? – я проследовал в комнату для испытаний. Забрался на уже привычную платформу, и безымянный паренёк начал облачать меня в «доспех» из датчиков.

– Мы сочли приемлемым объединить полезное с приятным, господин Лазарь, – раздался искажённый хрипами голос из динамика под потолком. – Одни и те же задачи с небольшими дополнениями могут послужить и ускорению решения проблемы с аппаратно-программной уязвимостью в катализаторах бытового класса, и поспособствовать, так скажем, расширению доступного перечня техник... Вам ведь известно о том, что есть техника?

– Буквально накануне эту тему освещали в академии, – подтвердил я. – Хотите сказать, что я подхожу для создания «дистиллята»?

– Более чем, господин Лазарь, – подтвердила женщина. – Ваша чистота образа близка к эталонной, и по ходу организованных с посредничеством всем известных лиц экспериментов собранные данные могут оказаться весьма полезными для Империи. Естественно, небольшие дополнительные задачи, как и сам факт использования ваших образов, будут оплачены дополнительно.

– И каковы в таком случае условия? – я повёл плечами и попрыгал на месте, проверяя, хорошо ли держатся все пятнадцать килограмм датчиков – по ощущениям весили они никак не меньше.

– Пока речь идёт о разовых сделках. Наше ведомство не вправе щедро обещать различного рода... нестандартные бонусы. Всё намного проще: работа – деньги. Тариф почасовой и, не считите за грубость, очень хороший даже для человека вашего положения.

Она озвучила сумму, заставившую меня мысленно присвистнуть. Не золотые горы, но за четыре часа такой работы набегала сумма моего месячного содержания, причём уже увеличенного отцом «за заслуги».

– Это честная сделка, – я кивнул. – Приступаем?

Пробный прогон занял немногим больше часа. Задачи – предельно простые: создание конкретных, понятных образов, объектов и стихийных явлений. От меня требовалось лишь обеспечивать предельную чёткость самих образов на протяжении всего того времени, которое требовалось аппаратуре для считывания параметров.

Машина записывала всё, что ей было необходимо, Анастасия со своим протеже отслеживала показатели и вносила корректировки.

– Чистота первичного образа – девяносто пять и две десятых процента, – удовлетворённо кивнула Анастасия после третьего прогона объектов. – Последнее воспроизведение – девяносто пять и шесть. Рост существенный. Прекрасно.

– Стабильность записи – девяносто два процента, – вторил ей ассистент, хмурясь и не до конца веря в собранные данные. – Для первого прогона... очень много.

– Насколько это хорошо? – я задал вопрос, продолжая удерживать перед собой ледяную пирамидку, которая, вопреки законам физики, не таяла, но порядком охлаждала воздух в помещении.

– Хорошо настолько, что в перспективе вы сэкономите нам недели работы, – Анастасия улыбнулась и прервала запись. – Можете снять обруч, господин Лазарь. Данных для калибровки более чем достаточно...

«И ни слова про основную задачу. Забавно» – подумал я перед тем, как избавиться от оборудования и размять затёкшую шею.

Спустя пару минут я уже вернулся в основное помещение, окинув взглядом женщину, которая активно что-то с чем-то сопоставляла на больших пузатых мониторах. Таблицы,

цифры, графики – по-отдельности ничего сложного, но в совокупности я не понимал вообще ничего.

– Скажите, а наш текущий прогресс – он касается основной задачи по закрытию бреши в бытовых катализаторах, или вспомогательной? – спросил я прямо, немного понаблюдав за их работой.

Анастасия обернулась, приподняв бровь – какая разница, мол.

– Это касается обоих вопросов, господин Лазарь. Просто прогресс по, как вы выразились, бреши, требует данных, которые отправятся напрямую Роусу и его коллегам. Тут мне нечему радоваться, – пояснила она спустя пару секунд. – А вот «побочная задача» – это мой профиль.

– И радоваться есть чему? – я приподнял бровь, усевшись на ближайшую табуретку – уходить, не получив ответов на свои вопросы, было бы глупо.

Анастасия тем временем посмотрела на меня, как на дурачка с деревни, но вслух комментировать своего недоумения не стала. Я же понял, что, вероятно, от гения и сына фамилии, занимающейся катализаторами, она ждала чуточку более глубоких фундаментальных познаний.

– Ваша чистота образа, господин Лазарь, это исключительная редкость. Девяносто процентов и выше – удел лучших выпускников Первой Академии, и единиц из всех прочих учебных заведений высокого класса. А девяносто пять – это, как правило, уже эксперты. Нанять такого специалиста для формирования эталонных образов и «дистиллята» – дорого и зачастую физически невозможно, потому как они заняты на проектах более серьёзных. Существуют квоты, но ими сыт не будешь, – женщина произнесла это с такой искренностью, что даже я поверил в тяжёлую долю экспертов по ментальной составляющей эрикс-образов. – А вот вы, Лександр, выдаёте сравнимые цифры, будучи первокурсником с довольно... свободным графиком.

Она назвала меня по имени, но я не стал акцентировать на этом внимания. Тем более, что она – «Анастасия», а я до сей поры был «господином Лазарем».

«И, формально, я лет на десять младше как минимум. Непорядок, однако».

– В совокупности это звучит так, словно я – оптимальный для вашей деятельности вариант, – хмыкнул я, выдержав небольшую паузу.

– Вы и есть оптимальный вариант, – честно признала Анастасия. – Поэтому мы и готовы платить столько, сколько было озвучено. Запись чистых образов – это действительно важная вещь, Лександр. Каждый эталон после «дистилляции» и обработки ложится в основу техник, которыми пользуются тысячи, если не десятки и не сотни тысяч операторов. Вам может показаться, что несколько часов в месяц – это малость, но в совокупности и за год вы способны обеспечить Бюро солидный выигрыш во времени...

– Плюс ваш личный проект, наставница, – впервые подал голос ассистент Анастасии. Женщина развернулась к нему, нахмурилась и поджала губы. – Ваши результаты, господин Лазарь...

Мне в руки переключевала распечатка – чистота, стабильность, задержки отклика и ещё с полсотни различных параметров, выгодно выделяющихся относительно среднего по выборке значения, откуда бы оно ни было взято.

– Плюс мой личный проект, – Анастасия кивнула сдержанно, прежде чем развернуться ко мне. – Мы готовы привлекать вас к записи эталонов на регулярной основе. Раз в неделю, два раза, хоть каждый день. Время можно согласовывать заранее, оплата – после каждого такого сеанса. И никаких обязательств – вы вольны прекратить сотрудничество в любой момент времени. Но если вас устраивает такой вариант, Лександр, то Бюро будет вам благодарно.

– Меня это устраивает, – ровно ответил я, выдержав паузу в десяток секунд. – Можно считать, что мы ударили по рукам?

Анастасия кивнула, а в её взгляде промелькнуло отчётливо видимое облегчение. То ли свободные операторы высокого класса и правда в лаборатории заманивались только под угрозой расстрела, то ли дело было в этом её личном проекте.

«Но для меня всё едино, пока оплата столь велика и привлекательна».

– Именно так, Лександр, – женщина подошла ко мне, задрав голову. – На сегодня мы закончили, да и время уже позднее. Позвольте проводить вас? И оплата...

Из её рук в мои перекечевала стопка ассигнаций, в сумме – за два с половиной часа.

«По сути, с момента моего здесь появления. Приятный метод расчёта. А остальное должен прислать Корвин, и, видимо, не сразу».

– Благодарю, – я спрятал деньги в карман пиджака. – У меня есть ещё один вопрос. По механике «дистиллирования». Я правильно улавливаю, что суть в поиске стабильных частей в образе при многократном повторении силами разных людей, но с использованием одной техники?

Анастасия приподняла брови в удивлении, но кивнула:

– Всё верно. Собираемые нами данные – это своего рода кляксы, которые по-разному ложатся на, так скажем, полотно, – решила пояснить она, подбирая слова попроще, и явно заменяя ими какие-то научные термины. – У каждого оператора эрикс-искусств свой уникальный почерк даже при использовании единой для всех техники. И чем опытнее оператор, тем меньше в этом почерке лишнего. Дистилляция по сути своей – это процесс отсеивания этого лишнего через сравнение результатов эрикс-экспертов. И цель – получение того общего, которое и является идеально воплощённой техникой...

Мы двинулись на выход – Анастасия действительно собиралась меня провожать.

– Для лучшего понимания, Лександр, каждый лишний процент чистоты образа снижает время на дистилляцию в геометрической прогрессии. В обратной ситуации эффект аналогичен. Разница между девяносто двумя процентами и девяносто пятью – пропасть для нас, тех, чей труд способствует появлению новых техник и их подвидов.

– Это многое объясняет, – понимающе кивнул я. – Спасибо за объяснения, Анастасия. Вечер оказался продуктивным... во всех смыслах.

– И вам спасибо, Лександр, – женщина мягко и дружелюбно улыбнулась. – Если у вас получится почаще улучшать время на эту «подработку», я буду искренне тому рада.

И снова меня передали с рук на руки, но на этот раз наоборот – от Анастасии к Поуку.

Ставленник Корвина проводил меня до выхода, но от экипажа я, немного поразмыслив, отказался.

Вечер был слишком хорош, чтобы провести его в душном салоне, а мысли – слишком яркими, чтобы позволить им перемешаться в неоднородную кашу в моей голове прежде, чем их удастся осмыслить.

К тому же у меня появилась одна идея, которую стоило реализовать немедленно.

Я двинулся по проспекту, спокойно озираясь и высматривая в городе всякое интересное. Подобного тут было много, но ноги уже спустя четверть часа привели меня к дверям музыкальной лавки, замеченной мной ещё во время прогулки с Эльзой.

Это место располагалось в соседнем с филиалом управления Имперской Безопасности квартале, на тихой улочке, куда сложно было попасть случайно. Вывеска над входом представляла собой выкованный из меди скрипичный ключ – вездесущий символ музыки, одинаковый в обоих мирах.

Я толкнул дверь, уклонившись от звякнувшего колокольчика, и переступил порог.

Внутри было светло и свежо, пахло старым деревом, маслом и чуточку металлом. Вдоль стен тянулись стеллажи из экзотических пород древесины, на которых царственно возвышались граммофоны – от совсем крошечных, размером с музыкальную шкатулку, до массивных агрегатов с огромными раструбами.

Отдельно стояли механические оркестры, в основном представленные схематичными изображениями – слишком громоздкими они, по всей видимости, были.

– Вечер добрый, молодой господин, – из-за прилавка поднялся пожилой мужчина с золотым моноклем на правом глазу, и копной седых, пушистых волос. – Желаете что-то конкретное или просто взглянуть?

– Пока – просто взглянуть, господин, – я прошёлся вдоль стеллажей, разглядывая инструменты. Совсем не дешёвые, хотелось бы отметить. – И, возможно, задать несколько вопросов, если это допустимо.

– Вопросы – это всегда допустимо и даже желанно, – усмехнулся держатель лавки, поправляя очки. – За ответами не ко мне, так в библиотеку. Но я постараюсь удовлетворить ваше любопытство, покуда вопросы будут по моему профилю.

Я остановился у одного из граммофонов – изящного, с трубой в форме лилии.

– Скажите, а существуют ли альтернативные способы прослушивания музыки? Кроме граммофонов и живых выступлений, я имею в виду.

Старик оживился, приподняв густые брови. Похоже, это было последним, чего он ожидал услышать от позднего посетителя.

– Альтернативные... – он вышел из-за прилавка, подойдя ближе. – О, молодой господин, вы даже не представляете, сколь многие умы бились над этим вопросом. Дитя тех изысканий – магнитная запись на проволоку. Но звук... увы. Подробности мне неизвестны, но всё упиралось в одно и то же...

– И во что же? – я застыл в вежливом ожидании.

– В эрикс, молодой господин, – старик медленно, словно нехотя всплеснул руками. – Видите ли, вся тонкая электроника – она ведь для стабильной работы требует если не эрикс-ового напыления на компонентах, то хотя бы соседства с ним. А это – вещь опасная. Всякое пытались сделать, но без эрикса нет стабильности и качества, а с ним – нет разрешения от Самого.

Старик приподнял голову, указав пальцем вверх.

– А посему, молодой господин, хороший звук – он только здесь, – он с любовью погладит трубу ближайшего граммофона, тут же протерев её неизвестно откуда взявшейся тряпкой. – Механика и акустика. Чистый, честный звук прямо с иглы. Никакого электричества – никаких проблем. И весьма бюджетно при том.

Я медленно кивнул, переваривая услышанное и понимая, что, по всей видимости, мой проект только что откатился с «сделать легко, дайте денег» к уровню «непонятно, реализуемо ли с такой элементной базой». Я рассчитывал нанять мастеров и инженеров, купить их верность и молчание, обрисовать концепцию и получить результат...

«А теперь всё мигом поменялось. Проклятье... но проклятье интересное. Лишь слепец видит в отличиях сплошь сложности. А я могу позволить себе поискать возможности».

Я провёл в лавке ещё с четверть часа, расспрашивая охочего до хорошей беседы старика о деталях: какие материалы используют в граммофонах разных классов, как высчитывают акустику труб, существуют ли гибридные решения.

Польщённый вниманием к своему ремеслу, держатель музыкальной лавки отвечал подробно и с завидным энтузиазмом, а под конец так и вовсе продемонстрировал мне работу одного из механических оркестров – стоило ему завести махину, как в такт тихой, на удивление чистой мелодии начали двигаться крошечные фигурки музыкантов, выполненных с завидным мастерством.

– Завораживает, – искренне признался я, впервые с момента своего здесь появления послушав музыку не вживую, но при том исполненную на достойном уровне.

– В том-то и дело, молодой господин, – кивнул старик. – Механика – она живая, с ней многое научились делать ещё наши деды. А электричество... может, и с ним сладят. Но уж не при нашей жизни.

Спорить я, впрочем, не стал. Вместо этого приобрёл небольшую музыкальную шкатулку – изящную, с инкрустацией из кости и полудрагоценных камней, и с заключённой внутри мелодией, напомнившей мне вальс, под который мы танцевали с Эльзой.

А подарок это или образец для изучения – покажет время.

Распрощавшись с давшим мне столь многое мастером, я вышел на тёмную улицу, под тусклый свет керосиновых и масляных фонарей. Люди спешили по домам, а экипажей на дорогах почти не было, но я всё равно умудрился поймать свободный, чтобы не плестись до академии пешком, рискуя прибыть к воротам полночь.

Устроившись в салоне, я приоткрыл окошко и вдохнул свежий ночной воздух, вновь ощутив нечто сродни удовлетворению... но ярче, чётче. Не просто путь, но вызов, задача, лежащая в новой для меня плоскости.

«Я сделаю то, что должно, и, быть может, в этот раз моя жизнь не пролетит, как миг, а растянется тягучим удовольствием. В память о том, кем я был и кем буду впредь».

Глава 10. Фестиваль уходящего лета. Часть 1.

В первый выходной следующей недели на Академию вместе с рассветом опустилась и уникальная, праздничная атмосфера ожидаемого всеми фестиваля.

Я покинул общежитие в половине девятого, с прохладным гелем под лёгкой повязкой и с настроением, близким к идеальному – и почти сразу попал в парк, разительно изменившийся за последние пару дней. Как и в случае с турниром, организаторы фестиваля и студенты-старшекурсники хорошенько постарались, доведя и без того красивую территорию академии до кондиций, когда её можно было сравнить с парком развлечений в миниатюре.

Шатры и павильоны всевозможных расцветок теснили друг друга, установленные в соответствии со строгой, но непонятной схемой. Яркие транспаранты зазывали в клубы и на соревнования, а на мини-полигонах, по сути платформах, созданных материализацией, уже проводились какие-то игрища или состязания – пока что «детские» и не особо интересные.

Играла музыка, недостатки которой на таких площадях и с учётом шума снующих из края в край толп попросту терялись. Где-то звенел металл, сталкивающийся с металлом, а голоса и смех доносились разом отовсюду.

Взяв пару свежих, мягких булочек в ларьке на границе фестиваля, я двинулся вглубь этого хаоса, высматривая в толпе знакомые лица и, конечно же, поедая выпечку – чутьё подсказывало, что кормёжку организовали не просто так, и традиционного завтрака просто не будет.

«Да и к чёрту его, этот традиционный завтрак. Свежая выпечка – наше всё!» – с улыбкой подумал я, за обе щёки уплетая последнюю булку.

Что ни говори, а «шведский стол» поутру был... предельно правильным, если так можно сказать. Отсутствие серьёзной еды и небольшие подносы как будто требовали питаться правильно, всеми силами намекая на суть того, что из себя представлял завтрак.

Эльзу я заметил первой – её макушка торчала у фонтана рядом с Лизой. Они о чём-то увлечённо переговаривались, не обращая внимания ни на что больше. Особенно примечательным был медицинский халат, который рыжеволосая фурия накинула поверх формы, и очень этим гордилась.

– Ты долго, – бросила Эльза, едва обернувшись и заметив меня. На её лице всплыла искренняя улыбка.

– Осматривался, – я пожал плечами. – Тут есть, на что поглядеть.

– Пф-ф, – фыркнула Эльза, вздёрнув носик. – Ты даже на фестивале умудряешься вести себя так, будто проводишь инспекцию.

– Я всего лишь ценю чужие усилия, Эльза, – я потрепал её по волосам, из-за чего девушка стремительно зарделась. – И одобряю основательный подход даже к такой мелочи, как студенческий фестиваль.

Лиза хмыкнула, хитро прищурившись, но комментировать увиденное не стала – её внимание уже переключилось на Громова и Сориар.

Белль, как обычно, держалась с безупречной грацией сбежавшей со сцены балерины, то и дело соприкасаясь плечами со своим спутником. Дима же выглядел одновременно довольным и малость смущённым таким проявлением инициативы, словно до поступления в академию кого-то женского пола к нему не подпускали ближе, чем на выстрел «Громобоя».

– Ну, кхм-кхм, что? – Громов окинул взглядом нашу компанию, – все готовы? Говорят, военное крыло сегодня сделало ставку на отстрел мишеней с призами. Даже обычный огнестрел будет. И Ирвинг там лично.

– Я бы посмотрела, – оживилась Белль, от которой, наверное, никто ничего другого и не ждал.

– А я бы поучаствовала, – бросила Лиза азартно. – Но сначала – фехтовальный стенд. Там показательные дуэли через полчаса.

Я перевёл взгляд на Виктора, который держался чуть поодаль. Рядом с ним, вцепившись в его локоть, стояла Мариэлла Озмунд. Стояла – и что-то вещала ему с хитрой, собственнической улыбкой. Парень слушал её с видом мученика, которого уже пожарили на костре, но сняли, чтобы довести до готовности позже.

Заметив мой взгляд, Виктор изобразил лицом сложную гримасу, кричащую – «спасите!».

Я махнул ему рукой, выкрикнул его имя – и блондин поспешил воспользоваться этим, чтобы под реальным предлогом урвать плоточек свободы. Он немедленно рванул к нам.

– Если через час я не вернусь, – произнёс он шёпотом, едва приблизившись и воззрившись на Эльзу, – мои останки ищите в клубе верховой езды.

– Чего? – Лиза поперхнулась.

– Эта женщина, – Виктор покосился через плечо. – Она решила, что нам необходимо посетить конный клуб. Вместе.

– И... что в этом страшного? – Дима приподнял бровь.

– Лошади, – на выдохе произнёс Виктор, словно это хоть что-то объясняло. – Огромные, слюнявые, непредсказуемые существа. Они смотрят на меня и видят десерт...

Эльза тихо рассмеялась, прикрыв ротик ладонью:

– Серьёзно? До сих пор?

– А ты помнишь ту кобылу?! – обиженно вскинулся Виктор. – Ту, что лизнула меня, когда мне было шесть? Я ещё долго верил в то, что она собиралась меня сожрать! И благодаря кому?

– Ну прости, прости, – Эльза фыркнула. – Она просто хотела твои солёные крекеры, а я не могла не пошутить.

– Это ничего не меняет! – возмутился парень, глядя на родственницу с искренним негодованием.

А Мариэлла тем временем закончила разговаривать с другой аристократкой курсом старше, и направилась напрямик к нам.

– Всё, – выдохнул Виктор. – Если что – я любил всё сущее. Кроме лошадей.

– Я буду держать тебя за руку, – издевательски пропела подошедшая Мариэлла, подхватывая его под локоть. – И лошадки тебя не тронут.

Звонко и демонстративно рассмеявшись, дочь герцога утащила Виктора в сторону конного клуба. Мы проводили их взглядами до момента, когда они окончательно растворились в толпе.

– Он правда боится лошадей? – с сомнением уточнила Белль. – Или просто хороший актёр?

– Он любит драматизировать, – подтвердила рыжеволосая аристократка, уперевшись в меня спиной. – Но после того случая с крекерами он и правда даже слышать не хотел о верховой езде. Даже фехтовать согласился вместо этого. А я думала, что ему понравилось оружие...

– Ладно, – Лиза хлопнула в ладоши. – Мальчики и девочки, давайте решать, кто куда. У меня через двадцать минут дуэли на фехтовальном, я не хочу опоздать...

В общем и целом договорились мы быстро: Белль и Дима ушли смотреть военные стенды, Лиза отправилась орудовать мечами, а Эльза с толикой сожаления сказала, что ей пора к леди Корнель. Показательная операция на манекене – хороший шанс показать себя, от которого она не имела права отказываться.

– Я зайду посмотреть, – пообещал я перед тем, как остался один.

«Но это не значит, что мне будет скучно» – с ухмылкой подумал я, окидывая взглядом фестиваль и кружащих среди палаток и площадок для активностей людей.

Обход местных достопримечательностей я начал с того, что сразу привлекло моё внимание – площадка, отведённая под «Клуб Точных Конструкций».

Клубов, по всей видимости, в Первой Академии было слишком много, так что территорию для стендов и всего такого прочего выделяли по-минимуму: несколько столов, флаштук и палатка стояли так плотно, что из-за нагромождения демонстрационных работ участников кое-где протиснуться можно было только боком, и только если ты не особо любишь покушать.

Из всех представленных экспонатов, функциональных, настоящих и собранных из тщательно подогнанных друг к другу деталей, я не без причины обратил внимание на граммофон – мои наблюдения показывали, что именно операторы-эрикс искусств, заведующие музыкой на праздниках и не только, могли обеспечить звук более чистый, чем позволяла чистая механика.

– Прошу прощения, – я обратился к парню, сдувающему пылинки с накрытого прозрачным куполом миниатюрного парового двигателя, выполняющего свою работу и приводящего в движение небольшую а-ля мельницу. – Граммофон тоже функционален?

– Всецело, – тот улыбнулся, едва обернувшись, и сразу переместился к столу с граммофоном. Крутанул ручку взвода, сместил иглу в рабочую позицию – и над площадкой полилась чистая, почти лишённая свойственных граммофонам хрипов и шипения, музыка. – Корпус, мембрана, игла, все механизмы вплоть до последнего винтика – всё материализовано и закреплено на «постоянку»...

– А чистота звука?

– Качество мембраны и иглы, – отозвался тот, улыбнувшись ещё шире. – Основа основ в эрикс-музыке. Как ни старайся, а мастера тебе традиционными методами нужную точность не выдадут. Если бы ещё можно было пластинку создать материализацией... но тут даже эксперты бессильны.

– Я бы посмотрел на того, кто попытался бы настолько объёмную, неподвластную взору поверхность, не допускающую искажений, воссоздать, – хмыкнул я понимающе. – А с электричеством как?

Парень поморщился:

– Возможно, но сложно. Лампочку каждый дилетант создать сможет. Конденсатор какой или предохранитель – тоже. Но толку нет, там точность воплощения уже не играет такой роли, как в случае с механизмами. – Он демонстративно материализовал в руках лампочку, самую обычную. – Моя лампочка будет светить так же, как и те, что штампуют на заводе тысячами. Только труд оператора эрикс-искусств, могущего создать такое, стоит дороже, чем труд сотни простолюдинов на конвейере. Нецелесообразно, короче...

Я прищурился задумчиво, принял из его рук лампочку, покрутил её в руках.

– Для общего развития тоже неактуально? Как-никак, это совсем другой уровень работы с воображением. Электронные компоненты – это то, что нельзя пощупать, а с этим у людей часто возникают проблемы...

– А ты шарить, – парень хмыкнул одобрительно. – Только для таких дел есть отдельные упражнения, для которых не нужно так глубоко лезть в электро- и схемотехнику. Меня, к слову, зовут Григорий. Григорий Норман.

– Лександр Лазарь, – я пожал протянутую руку, демонстративно не обратив внимания на то, как он на секунду застыл. – У вас набор в клуб с какого курса идёт?

– С первого, – задумавшись, ответил он. – Но... ты серьёзно? У нас не самый престижный клуб...

Я сложил руки на груди, качнув головой:

– Зато вы развиваете навыки, которые на лекциях и практике нам не дадут. И как раз в той сфере, которая мне сейчас интересна, – я старался звучать достаточно веско и убедительно. – И какие у вас требования для вступления?..

Мы проговорили ещё пять минут – оказалось, что набирать новых членов в любые организации при академии на фестивалях запрещено, так что меня просто снабдили буклетом и знанием о том, какой кабинет в центральном крыле занимает их маленький, но гордый клуб.

Чтобы после, всё обдумав, я мог прийти и нагрузить всех бумажной работой не из-за импульсивного желания, а выждав хотя бы сутки.

«Что вполне себе логично, учитывая число студентов и уровень организации. Клубы тут не просто формальность, и это видно».

Следующим пунктом моего маршрута стали стенды военного крыла, где капитан Ирвинг с десятком наставников соответствующего профиля курировали соревнования по отстрелу тарелочек-мишеней, по скоростному созданию объектов, маневрированию и всему такому прочему. Размахнуться им было негде – территории не те, но опытные вояки выжимали максимум из каждого квадратного метра и каждого студента, заглянувшего на огонёк.

Участники этого действа выкладывались на все сто, зрители болели и шумели, а победителям, как я заметил, выдавали жетоны – небольшие металлические значки с эмблемой Первой Академии, позвякивающие на наброшенных через грудь лентах у самых успешных стрелков.

«И не только стрелков, впрочем» – подвёл я промежуточный итог, перейдя, наконец, к стенду медиков, выгодно выделяющемуся среди всех прочих.

Во-первых, основное действо тут происходило не под открытым небом, а в шатрах с прозрачными «окошками» на стенах – видимо, для атмосферы и нужного эффекта, потому как практического смысла в этом не было никакого.

Но зрителям нравилось, и Эльзе, которую я заметил спустя пару минут поисков, тоже.

Рыжеволосая аристократка стояла по правую руку от леди Корнель – величественной женщины с безупречной осанкой, снисходительным взглядом и руками, которые, казалось, в принципе не были способны дрожать. На столе перед ними лежало учебное пособие в форме человеческого торса, и именно над ним женщина вытворяла всякие бесчинства, то и дело возвращая его в первозданный вид с помощью эрикс-искусств.

При том наставница Эльзы комментировала каждое своё действие, громко и достаточно чётко для того, чтобы даже я, стоя в третьем ряду, расслышал каждое слово – и всё равно ничего не понял.

Зато понятно было, что Эльза неимоверно довольна всем происходящим: сосредоточенная, собранная, подающая инструменты и отвечающая на различные вопросы, она подняла взгляд лишь раз, улыбнулась мне под маской, после чего вернулась к своему занятию.

А я тихонько ушёл, чтобы лишний раз не отвлекать девушку – это её звёздный час, а поулыбаться друг другу мы сможем и потом. Вечером, например.

Среди множества других, самых разных стендов я нашёл и совершенно уникальный стенд простолюдинов – относительно скромный, без ярких транспарантов и толп зрителей. Посетители тут были, но в основном из того же сословия. Потому что деятельность клуба была, если можно так сказать, весьма приземлённой.

Основной идеей клуба было применение эрикс-искусств в быту и в жизни простых людей, без прохождения длительного обучения. Несколько юношей и девушек, сбиваясь и нервничая, рассказали мне о проблемах с катализаторами, возникающими из-за недостатка образования в народе, и показали то, на чём они сфокусированы.

Починка и создание инструментов, запчастей, материалов с высокими эксплуатационными характеристиками – и всё это в виде долговечных конструкторов, что меня и заинтересовало.

– Это не так сложно, как говорят, – пояснил глава клуба – старшекурсник в очках. – Но требуется специальная техника-надстройка, плюс сертификация. И к практике допускают не раньше четвёртого, самое раннее – третьего курса.

– Хм, – я потёр подбородок. – А причина, раз всё не так сложно?

– А причина, господин Лександр, в том, что каждый оператор эрикс-искусств должен получить ряд... базовых знаний, так скажем. Например, вы ведь знаете, что мы не создаём что-то из ничего, и материал созданного объекта включает в себя изменённое то, что находи-

лось в «его» объёме на момент создания? Или что при прерывании техники всё возвращается на круги своя? Что с энергонасыщенностью и температурой в отдельных случаях нужно быть предельно осторожным? Очень много нюансов, которые надо учитывать, и многие эти нюансы банально опасны – такое не доверишь тем, кто не получил надлежащего образования.

– Просто Лександр, – поправил я. – Мы оба студенты, как-никак. И спасибо за этот экскурс. Я как-то о таком не задумывался, хоть и подумывал освоить «вечную» материализацию...

– Признаться, гос... кхм, Лександр, мы думали, что вы это уже умеете. С вашим уровнем навыков... – он неопределённо качнул головой. – Но если у вас вдруг будут вопросы по теме, заходите. У нас, конечно, есть устав и правила о нераспространении информации для младшекурсников, но что-то мы подсказать точно сможем...

В мои руки перекочевал тоненький, но составленный с любовью буклет, содержащий в себе основы стабильных конструкций, базовые принципы долгоиграющего поддержания техник, теоретический экскурс в тему «вечной» материализации.

Я пролистал его, уважительно покивав снаружи, а внутри – почувствовав укол сожаления. Такие знания мне бы не помешали, но прыгнуть через три курса я не мог, и вступить в клуб простолюдинов – тоже. Репутация бы не позволила.

– Спасибо, – я улыбнулся, убрав буклет в карман, к блокноту. – Это ценно.

Парень просиял, мы обменялись контактами с ним и его замом – девушкой на курсе младше, после чего я двинулся дальше, намереваясь сделать круг по аллее.

«Стабильные техники могли бы очень пригодиться для экспериментов со звуком, но, видно, не судьба. Если только не попытаться найти что-то через отца, вот только и до такой возможности ещё нужно дожить» – размышлял я вплоть до момента, когда мой слух вдруг вычленил среди вездесущей болтовни что-то важное.

– ... конечно, простолюдины. Ему же среди них комфортнее. Ни стыда, ни совести.

– А что ты хотела? Его род славился умением пользоваться моментом. Попользовался – выбросил, и вся недолга.

Я не обернулся, и даже шаг не замедлил, но прислушался к тому, о чём болтала парочка студенток, не торопящихся понижать голос.

– Но Шталь всё равно бедняжка. Говорят, её отец приказал ей вешаться на шею Лазарю. Такой шанс для невостребованной на рынке девиц невесты раз в десятилетие выпадает...

– А он и рад стараться, – фыркнула вторая. – Люди не меняются, так что... ничего удивительного, да?

«Значит, слухи. Именно такие, каких и следовало ожидать. Эльза – «бесприданница» и охотница за титулом. А я – неисправимый повеса, меняющий девушек как перчатки. А за всем этим мне отчётливо видится одна светловолосая голова. Даже две. Образумила ли братца Астрид, раз он решил пойти таким путём, или сама решила поучаствовать? Впрочем, сейчас важно то, что мне нечем ответить на их поле боя. И это паршиво».

Я продолжил идти, уже не обращая внимания на стенды, зазывал и царящее вокруг веселье – в уме вращалась круговерть вариантов, один другого краше.

Я не мог ответить интригой, потому как это требовало глубокого понимания обстановки хотя бы в черте Первой Академии, плюс наличия послушных, исполнительных или по меньшей мере умеренно контролируемых фигур. Ну и знания слабого места оппонента, по которому можно ударить.

Игнорировать? Слухи будут только разрастаться. Мне-то ничего, но Эльза и мои друзья-товарищи могут оказаться куда более восприимчивыми. Обратиться к Александру? Он предлагал помощь, но...

– Лександр!

Я обернулся, чуть приподняв бровь.

«Знак судьбы ли, или наоборот? Нет. Тут нет магии и нет богов. Фатум – всего лишь красивое слово в этом мире. Совпадение, и не более того».

Навстречу мне шагал Александр Затворницкий собственной персоной. Он уверенно рассекал толпу, не касаясь никого и пальцем, а за ним семенила Виктория – нарядная и жутко довольная жизнью. Через плечо у неё была перекинута лента с внушительной стопкой жетонов – свыше полусотни, а то и вполровину больше.

– Александр, – я неглубоко поклонился. – Леди Виктория.

– Рад видеть, что ты запомнил наш уговор, – принц улыбнулся, довольно прищурившись. – Впрочем, сегодня я для всех просто Александр, обошедший половину фестиваля и набравший столько жетонов, что Виктория под их весом потеряла в росте...

– Это возмутительно, – без толики возмущения бросила брюнетка, подбоченившись. – Но сегодня я тебя прощаю, Саша.

Я окинул девушку взглядом, отметив, что с нашей последней встречи она стала выглядеть иначе – расслабленнее, спокойнее, увереннее. И на меня смотрела с осторожным любопытством, а не вызовом или ожиданием.

Виктория мой изучающий взгляд заметила, и чуть приподняла подбородок. Даже улыбнулась уголками губ, словно понимая, о чём я думаю.

– Слышал, ты недавно отличился, – начал Александр, поправляя очки на переносице. – Профессор Мора, говорят, очень лестно отзывалась о тебе в роли наглядного пособия. И это я сейчас про твою руку.

– Несложно втолковать студентам, что кто-то что-то делает неправильно, когда этот кто-то стоит с повязкой наголо? – я хмыкнул. – Быстро же, однако, расходятся слухи...

– Особенно те, что правдивы лишь отчасти, – принц со всё той же неизменной улыбкой чуть понизил голос. – Я уже слышал и другие слухи. Такие... липкие, знаешь?

Я чуть приподнял бровь, а Виктория, уловив что-то в тоне кузена, аккуратно отошла в сторону – достаточно далеко, чтобы не слышать разговора, но достаточно близко, чтобы не потерять нас из виду.

– Лександр, – Алексадр перешёл на деловой, совершенно ему несвойственный тон. – Я хочу предложить тебе помощь с особо болтливыми, но не слишком дальновидными студентами.

Имён он не назвал, но в этом не было необходимости. Зато мои предположения всецело подтвердились.

– Всё-таки Кризенфорты, – произнёс я на выдохе, сложив руки за спиной.

– Я этого не говорил, – Александр улыбнулся чуть шире. – Но допустим.

Все последствия согласия на такое предложение я уже обдумывал не единожды. Но сейчас добавилась одна причина это согласие дать... и даже она пока что не перевешивала всех аргументов «против» принятия покровительства.

– Пока у меня нет понимания, как остановить порочащую честь леди Шталь болтовню, не прибегая к чужой помощи, – честно признался я. – Но, Александр, я не хочу при первых же проблемах бежать и просить защиты. Даже если эту защиту предлагает друг и человек, которого я уважаю. Это вопрос моего собственного достоинства, как бы смешно это ни звучало из уст человека, занимавшегося тем, чем он занимался последние три года.

Александр кивнул, не замешкавшись ни на секунду, будто именно такого ответа он и ожидал:

– Я понимаю, Лександр. Но прошу основательно подумать. Не сейчас, так потом, если твоих текущих возможностей вдруг окажется недостаточно. В конце концов, в будущем мы всё равно будем работать вместе, – он особенно выделил последние слова. – Так почему бы не начать выстраивать процессы уже сейчас?

Я задумался на секунду. «Работать вместе» – это не «служить». Это совсем другого уровня предложение, а значит и ответить на него тем же «не хочу» – значит рисковать обидеть наследника Империи.

– Я всё обдумую, Александр. Просто дай мне немного времени. Действительно немного, – чуть склонил голову я, глядя за тем, как к нам вновь приблизилась Виктория, каким-то образом ощутившая финал щекотливого разговора.

– Господин Лазарь, а где, всё-таки, ваши жетоны? – бросила девушка, демонстративно звякнув своей лентой. – Саша уже почти разорил организаторов, а вы, я смотрю, просто гуляете?..

– Всего лишь осматривался, – я развёл руками, с благодарностью поддерживая смену темы. – И общался с интересными людьми. Честно говоря, на фоне нужных знакомств жетоны... несколько меркнут.

– Вас не интересует рейтинг и бонусы, на которые их можно потратить? – Брюнетка вздела бровь, пока Александр хранил молчание, переводя взгляд с неё на меня и явно пытаюсь понять, где собака зарыта, и почему его кузина вдруг сменила гнев на милость в отношении не в меру скромного меня. – В стенах академии все студенты равны, так или иначе. Но такую приятную мелочь, как чай и кофе в комнату по утрам, право занимать комнаты отдыха в центральном крыле, или даже возможность запросить литературу с курсов выше в индивидуальном порядке они получить позволяют. И требуют совсем немногого, если кандидат обладает достаточным уровнем способностей. А вы им обладаете...

Я краем глаза следил за Александром, понимая, что Виктория таким незамысловатым образом давала ему время на размышления, что многое говорило об их сработанности.

И принцу многого было не нужно – хватило этой «выигранной» кузиной минуты.

– А ещё, – наконец подал голос Александр, – жетоны с нами до конца обучения. Ими будут награждать и после, а Фестиваль – всего лишь первая ласточка. По крайней мере, мы с Викторией намерены набрать как можно жетонов, нигде особо не задерживаясь, так что...

Я кивнул, уловив намёк и улыбнувшись одними уголками губ:

– Тогда и мне стоит поторопиться, покуда вы не забрали себе всю «валюту».

– Бесспорно, – согласился принц, поправляя очки. – Фестиваль не вечен, а соревнования с лучшими наградами конечны. Удачи, Лександр.

– И вам удачи, Александр, леди Виктория.

«Мотивы принца ясны предельно, но резкая смена подхода и двусмысленность его слов вызывают определённые опасения. Если однажды он предложит что-то подобное прямо, поставив ультиматум... будет неприятно».

Я проводил этот эксцентричный дуэт взглядом, развернулся – и двинулся к ближайшему полигону, где проводились соревнования по материализации сложных конструкций.

От кофе в комнате поутру я отказываться не собирался, да и доступ к книжкам на курс-другой старше открывал определённые перспективы, если соответствующим образом подступиться к теме.

«Поэтому придётся немного пограбить молодёжь, навязывая им соревнование без шансов на победу. Их победу» – подумал я, ещё даже не предполагая, какой фортель выбросит мой разум в течение пары часов.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.